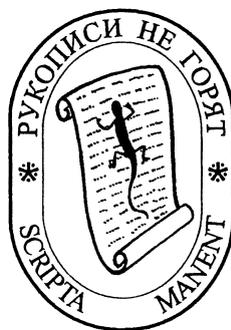

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

*Экспертный совет
Научно-образовательного форума по международным отношениям*

д.ф.н. Т.А. Алексеева, д.пол.н. А.Д. Богатуров,
член-корреспондент РАН О.Н. Быков, д.пол.н. А.Д. Воскресенский,
д.и.н. Л.М. Дробижева, к.и.н. Н.А. Косолапов, д.и.н. В.А. Кременюк,
к.и.н. М.П. Павлова-Сильванская,
член-корреспондент РАН В.А. Тишков,
д-р философии М. фон Хаген (США), д.и.н. А.С. Ходнев,
д.ф.н. П.А. Цыганков, д.пол.н. Т.А. Шаклейна

От миропорядка империй
к имперскому миропорядку

Academic Educational Forum on International Relations
«International Trends» Journal
Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences

Regional Scholar's Library Series

**FROM THE WORLD ORDER OF EMPIRES
TO THE IMPERIAL WORLD ORDER**

Moscow
2005

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Региональная библиотека международника

ОТ МИРОПОРЯДКА ИМПЕРИЙ К ИМПЕРСКОМУ МИРОПОРЯДКУ

Москва
2005

ББК 66.4(0)'6

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.

ISBN 5-901981-14-6

Авторский коллектив

к.пол.н. Ф.Г. Войтоловский (введение, гл. 2, 6, 7, заключение),
к.и.н. П.А. Гудев (гл. 5), Г.Е. Гиголаев . (гл. 4),
к.и.н. С.А. Зотов (введение, гл. 1), к.и.н. Р.В. Пеньковцев (гл. 3),
к.пол.н. Э.Г. Соловьев Э.Г. (введение, гл. 8, заключение)

Научный руководитель проекта

д.пол.н. А.Д. Богатуров

Ответственные редакторы

к.пол.н. Ф.Г. Войтоловский, к.и.н. П.А. Гудев, к.пол.н. Э.Г. Соловьев

В книге анализируются процессы эволюции форм организации миропорядка в конце XIX – начале XXI века. При этом особое внимание уделяется функциям системообразующих субъектов каждого из трех сменивших друг друга типов устройства мировой политики и международных отношений: миропорядка империй, сверхдержав и имперского миропорядка. В контексте изучения глобальных политических изменений авторы сосредоточились в первую очередь на их субъективных, преимущественно идеологических, составляющих. В центре внимания исследования находится проблема эволюции имперского типа организации политического пространства.

Издание адресовано преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам и студентам, обучающимся по специальностям «международные отношения», «политология», «новейшая история», а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и теорией мировой политики

ББК 66.4(0)'6

Книга опубликована при поддержке Фонда МакАртуров

ISBN 5-901981-14-6

© Коллектив авторов, 2005
© Научно-образовательный форум
по международным отношениям, 2005
© С.И. Дудин, эмблема, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Часть I. МИРОПОРЯДОК ИМПЕРИЙ	
Глава 1. Британская колониальная империя: взаимосвязи идеологии и организации управления (1850-1914)	18
Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики американской неформальной империи	40
Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века и создание Лиги Наций	56
Часть II. МИРОПОРЯДОК СВЕРХДЕРЖАВ	
Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты	77
Глава 5. Система военно-политического доминирования США в Европе (1949-1975)	98
Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии американской сверхдержавы	138
Часть III. ИМПЕРСКИЙ МИРОПОРЯДОК	
Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология для имперского миропорядка	152
Глава 8. США — новая империя или глобальный лидер?	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	200

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении относительно небольшого в историческом отношении периода – XIX – начало XXI века – мировая политика стала сферой грандиозных структурных изменений. Эти трансформации затронули фундаментальные основы политического устройства мира: формы организации основных действующих в нем субъектов, их состав, а также характер отношений между ними, неформальные и формализованные правила и механизмы их регулирования. То есть менялся весь миропорядок. Новые субъекты сменяли на доминирующих позициях ранее сложившихся, привнося качественно иные виды отношений, принципы организации на регионально- и международно-политическом уровне. При этом более ранние типы организации субъектов и отношений не всегда исчезали окончательно, а видоизменялись, приобретая новые черты, встраиваясь в другие, более сложные системы отношений, адаптируясь к новым условиям. В зависимости от того, какая именно форма субъектов являлась доминирующей (но не обязательно основной) и системообразующей в международно-политическом развитии на протяжении этого периода, можно выделить три этапа, каждому из которых соответствует свой вариант организации миропорядка. Все эти три этапа имели свою логику развития и внутреннюю хронологию, определяемую эволюцией трех соответствующих им типов миропорядка, а также господствовавших в них субъектов.

На первом этапе, начало которому было положено еще в период колониальных захватов XVI–XVIII веков, империи были наиболее мощными и влиятельными субъектами мировой политики, причем не только по отношению к другим акторам, но и ко всей европоцентричной международной системе. Временем их расцвета стал XIX век, а сложившуюся уже в его начале систему международных отношений можно охарактеризовать как «*миропорядок империй*», потому что именно ими определялось содержание и характер всех остальных отношений.

Возникнув на основе национальных государств (преимущественно европейских), империи приобретали благодаря захваченным территориям, зачастую весьма удаленным от метрополии, новые экономические, военные и международно-политические возможности и ресурсы. Они превращались в наиболее могущественных участников международно-политической жизни, отношения меж-

ду которыми определяли логику поведения остальных субъектов и траектории развития мировой политики.

Необходимость постоянно поддерживать свою жизнеспособность как единого целого, устанавливая и сохраняя социальные, экономические, политические связи между собственным центром и колониями (иногда очень далекими), обеспечивать их управляемость способствовала формированию во внутривнутриполитической и внешнеполитической практике и сопутствовавшей ей идеологии империй особых черт, признаков и характеристик, качественно отличавших их от других государств, в силу разных причин не ставших империями. Среди таких признаков в первую очередь можно назвать:

- географическую разрозненность территорий (для колониальных империй, располагавшихся зачастую на разных континентах) или их значительную протяженность и неоднородность (для континентальных империй) при сохранении единой экономической и политической системы;

- неравнозначность экономических взаимосвязей между центром и периферией (оборота товаров и капиталов);

- высокую политическую и военную значимость центра в системе управления, а также иерархический характер организации входящих в империю политико-географических образований;

- этнокультурную неоднородность периферии;

- ориентированность элит на сохранение и расширение территории, внутреннего рынка и сфер экономического, политического и военного влияния.

Развитие империй как доминирующего в системе международных отношений политико-организационного типа было тесно связано с эволюцией капиталистического способа производства и его интернационализацией – выходом за рамки очагов формирования через интенсификацию и качественное усложнение международных экономических отношений, выстраивание мировой экономической системы. Активность империй на протяжении XIX – начала XX века в сфере международных отношений была мотивирована экономическими, политическими и идеологическими составляющими империализма.

Во-первых, нацеленностью на расширение географических сфер деятельности торгового и промышленного капитала собственного центра – метрополии каждой из империй.

Во-вторых, стремлением не допустить проникновения и продвижения в части мира, рассматриваемые как зоны собственных интересов и влияния, других империй – реальных и потенциальных конкурентов в борьбе за региональное господство.

Введение

В-третьих, необходимостью предотвращения и подавления (в том числе и силового) попыток зависимой периферии освободиться от экономического и военно-политического господства центра.

В-четвертых, сформированным элитами каждой из империй идеологическим обоснованием распространения национального военно-политического могущества и культурного влияния. Как правило, такого рода обоснованием были различные версии теорий расового или культурно-цивилизационного превосходства.

Однако, несмотря на наличие сходных – с точки зрения политико-экономической организации и мотивов их поведения, признаков и функций в системе международных отношений – империи имели большое количество различий. Сравнительный анализ и выделение особенностей различных типов империй более наглядно могут быть представлены в виде таблиц¹. Первая таблица относится к имперской структуре, вторая – к имперской идеологии. Представленные теоретические обобщения основываются на изучении Британской империи (колониальный тип), Российской империи (континентальный тип) и США (неформальный тип) в XIX – начале XX века.

Началом конца миропорядка империй стала Первая мировая война. Она не только значительно истощила экономическое могущество большинства европейских империй, но и подорвала политико-идеологические основы их организации – на уровне общественного сознания разрушила веру в цели, перспективы и моральную оправданность имперской внешней и внутренней политики. Именно это разочарование в имперских ценностях и целях, основанное на массовом недовольстве военными потерями и громадными социально-экономическими издержками, стало благодатной социально-психологической почвой для распространения различных версий социалистической идеологии, а затем и появления государств, основанных на качественно новых идейных принципах (Советской России, фашистской Италии, нацистской Германии). Кроме того, Первая мировая война не только показала, что миропорядку империй свойственна высокая вероятность возникновения конфликтов, но и продемонстрировала относительную бесперспективность военного способа их разрешения. Результатом поисков новых механизмов для согласования позиций имперских государств и урегулирования международных конфликтов в миропорядке, стало создание Лиги Наций. Однако она также оказалась неэффективной для регулирования миропорядка империй, в котором стали действовать новые акторы, набирающие силу, готовые потеснить старых хозяев мира.

¹ Таблицы составлены С.А. Зотовым.

Вторая мировая война положила конец миропорядку империй, принципам его экономической и международно-политической организации и методам регулирования отношений в нем.

Следующий этап развития организации мировой политики связан с появлением во второй половине XX века новых субъектов мировой политики, взявших на себя (в значительной степени благодаря сознательной политике их элит) системообразующие функции по отношению ко всему миропорядку и окончательно вытеснивших им-

Таблица 1

Тип Империи	Колониальный	Континентальный	Неформальный
Механизм формирования	Прямой захват или установление протектората над заморскими землями, подчинение небольшой по площади метрополией громадных территорий	Присоединение захваченных земель к коренной территории, создание единого территориального массива, внутренний характер колоний	Неформальное (финансово-экономическое, военное, дипломатическое) подчинение суверенных государств
Отношения центр – периферия	Господствующая нация – «нецивилизованные» народы заморских колоний; неравенство населения метрополии и периферии (обособление метрополии от колоний)	Господствующая нация – национальная окраина; фактическое равенство населения метрополии и периферии перед законодательством метрополии/главой государства	Господствующая нация – «зона ответственности»; формальное равенство населения метрополии и периферии перед законодательством метрополии
Средства доминирования центра	Прямые и/или косвенные методы управления, экономическое и политическое подчинение, военная мощь, насильственная ассимиляция	Прямые методы управления, военная мощь, приспособление центра к местным традициям, культурная ассимиляция, хозяйственное освоение и развитие окраин	Косвенные методы управления, поддержание благоприятных центру политических режимов, технологическое лидерство центра, военная мощь

Введение

Таблица 2

Тип империй	Колониальный	Континентальный	Неформальный
Идеология	Цивилизаторская миссия избранного народа («бремя белого человека»)	Наднациональная имперская идея (преимущественно религиозного характера)	Универсалистская имперская идея (преимущественно светского характера)
Мотивация имперской политики	Усиление мировых позиций национального капитала, распространение политико-культурных стандартов	Обеспечение безопасности центра, капитала, распространение политико-культурных стандартов	Усиление мировых позиций национального капитала, распространение системы ценностей
Реализация имперской политики	Колониальная эксплуатация во имя процветания метрополии	Укрепление безопасности (в первую очередь – военной) метрополии	Распространение связанного с метрополией типа общественно-экономических и политических отношений

перии с господствующими позициями в международных отношениях. Речь идет о двух сверхдержавках – СССР и США. Сформировавшийся в 1940–1980-х годах на основе биполярной системы отношений Советского Союза и Соединенных Штатов миропорядок можно охарактеризовать как «*миропорядок сверхдержав*». Российский теоретик международных отношений Н.А. Косолапов считает, что возникновение феномена «сверхдержавности» связано с «появлением в одной или нескольких областях, направлениях глобальной деятельности государств, по их потенциалу и возможностям на порядок и более опережающих в этих сферах ближайших конкурентов»². Их возникновение и развитие как особого типа организации субъектов мировой политики было обусловлено сочетанием ряда взаимосвязанных исторических явлений и процессов, а также как объективных, так и субъективно задаваемых самими сверхдержавками факторов.

Во-первых, глубоким политико-организационным кризисом предшествующего миропорядка, механизмов организации отноше-

² Косолапов Н.А. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования (Введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5.

ний в нем и его регулирования. Кульминационными моментами кризиса и распада миропорядка империй стали сначала Первая, а затем и Вторая мировые войны, обеспечившие будущим сверхдержавам новые условия и возможности для развития и экспансии влияния.

Во-вторых, ослаблением, видоизменением и/или разрушением во время мировых войн, в период между ними и особенно после Второй мировой войны большинства существовавших империй. Сами сверхдержавы активно способствовали этим процессам, стимулируя процессы деколонизации, вытесняя пережившие Вторую мировую войну империи из традиционных сфер их влияния, поддерживая национально-освободительные движения в имперских колониях и процесс формирования новых национальных государств.

В-третьих, высокой социально-психологической мобилизационной эффективностью и политической востребованностью универсалистских идеологических систем (американского либерализма и советского коммунизма), а также возникновением условий для их привлечения в качестве идейной основы государственного строительства и внешней политики формирующимися сверхдержавами. Эти идеологические системы, нацеленные на преобразование политико-экономических основ организации общественных отношений внутри государств и в международной сфере, стимулировали достижение СССР и США их сверхдержавного статуса. Прежде всего благодаря тому, что они провозглашали своими целями не столько укрепление позиций своего государства-носителя, столько реализацию во всем мире определенных политических принципов, основанных на ценности универсального характера и связанной с ними этики.

В-четвертых, несоответствием той модели общественно-экономических и политических отношений, на основе которой выстраивались империи и связанные с ними способы организации международных отношений, вновь возникшим в первой половине XX века условиям: формированию единой мировой экономической системы, развитию производительных сил (в особенности массового производства), средств коммуникации, транспорта и военной техники.

В-пятых, появлением феномена оружия массового уничтожения и средств его доставки, превращением его в важнейшую военно-политическую и политико-психологическую составляющую мировой политики и обретением наиболее широких возможностей для его создания и применения именно СССР и США.

В отличие от правящих групп империй элиты сверхдержав обладали глобальными притязаниями и рассматривали в качестве зоны своих интересов не отдельные регионы мира, а весь мир в целом. Они видели его разделенным на сферы влияния тех универсалистских идеологических систем, носителями которых они являлись.

Введение

СССР и США, с одной стороны, вытесняли остатки влияния переживших обе мировые войны, но ослабленных империй из традиционных районов их доминирования, а с другой – создавали средства и механизмы своего прямого и косвенного контроля над собственными сферами влияния: военно-политические блоки, систему договоров, союзничества, носившего форму патроната, военной и экономической помощи. При этом в сферах влияния сверхдержав оказались не только периферийные районы мира, являвшиеся в прошлом объектом колониальных захватов со стороны империй, но и те его части, которые прежде составляли его системный и организующий центр, являясь имперскими метрополиями. Все остальные субъекты мировой политики и международных отношений вынуждены были действовать в военной, экономической и политико-идеологической системе координат, задаваемой СССР и США, что, однако, не мешало им в свою очередь использовать конфликтный характер отношений между сверхдержавами в собственных интересах.

В новом, рожденном Второй мировой войной миропорядке, в условиях доминирования активно развивающихся сверхдержав империи прошлого утратили значительную часть своих военно-политических возможностей и подконтрольных территорий, были ослаблены экономически. Основой их внешней и внутренней политики стала стратегия приспособления к новым международно-политическим условиям. Наиболее могущественные из колониальных империй (Великобритания и Франция) смогли сохранить ассоциативные отношения со своими бывшими колониями, попытавшись превратить их в зоны собственного экономического влияния. Тем не менее они сами не только вернулись в состояние обычных национальных государств, пусть и претендующих на статус великих держав и даже заполучивших собственное атомное оружие, но и оказались в положении клиентов и сателлитов по отношению к США. Фактически в обмен на колонии и отказ от имперских претензий они получили экономическую помощь, инвестиции и военное союзничество со стороны Соединенных Штатов.

Благодаря созданию военных (НАТО) и политико-экономических основ (Бреттон-Вудская система и институты наднационального экономического регулирования капиталистической системы, процессы европейской экономической интеграции) взаимодействия с другими державами евроатлантического по преимуществу региона, элиты которых разделяли либеральные ценности, США смогли сформировать единое экономическое и военно-политическое пространство Запада. Тем самым они получили новые рынки для продукции своих компаний и источники инвестиций, обеспечили присутствие своих военных баз в непосредственной близости

от потенциального противника, предотвратили дальнейшее распространение коммунистической идеологии и советского влияния, сформировали группу политических, а в случае мировой войны и военных союзников.

Развитие системы международных отношений, сложившейся в миропорядке сверхдержав определялось в первую очередь состоянием двухсторонних отношений между СССР и США. Эти отношения можно охарактеризовать как стабилизовавшийся конфликт. Хотя он и переживал периодически стадии эскалации, но сама структура отношений, ее основные принципы оставались достаточно устойчивыми. Отсутствие прямых военных столкновений между двумя сверхдержавами, которые могли бы привести к новой, невиданной по разрушительности и глобальным последствиям мировой войне, не мешало им приходиться в косвенное военно-силовое противостояние, разворачивающееся на периферии – в так называемых странах третьего мира. Обычно это были те районы мира, которые в прошлом были колониями или зонами доминирования бывших империй. С разрушением колониальных империй и обретением независимости эти страны оказались предметом спора в борьбе за раздел сфер влияния между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Рост военно-политической напряженности в отношениях между сверхдержавами, доходивший все же иногда почти до критических пределов, сдерживался фактором понимания как советскими, так и американскими элитами невозможности практического применения ядерного оружия. Сложившийся во второй половине 1960-х годов приблизительный силовой паритет между двумя сверхдержавами в области оружия массового уничтожения (прежде всего стратегических ядерных сил) вызвал заметное снижение напряженности двусторонних отношений, получившее в научно-политической литературе название «разрядки». Это смягчение стало основой для развития в 1960-1970-е годы международно-политических сил, не отождествляющих себя ни с одним из двух идеологических лагерей: движением неприсоединения, мировой (в первую очередь европейской) социал-демократии, «Группы 77» и т.д.

Уже с конца 1960-х – начала 1970-х годов процессы роста взаимозависимости и формирования многоуровневых систем социально-экономических и политических связей, охватившие Запад, капиталистическую систему, начали распространяться на мировую периферию. Эти тенденции совпали с развитием процессов экономической и социально-политической модернизации во многих развивающихся странах. В 1980-е годы результатом этих процессов стало появление феномена новых индустриальных стран, выросших на американ-

Введение

ских, западноевропейских и японских инвестициях и технологиях, а также на основе развития системы международного разделения труда. Интернационализация мировой экономики активно стимулировалась все более укреплявшимся транснациональным капиталом. Транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ) были нацелены на функционирование в глобальных масштабах – в едином, регулируемом на наднациональном уровне экономическом и политическом пространстве, включавшем в себя не только европейский, американский и японский рынки, но и развивающиеся страны и даже социалистический лагерь.

Завершение «холодной войны» и последовавший распад СССР – одной из двух опор миропорядка сверхдержав – сопровождался цепью новых структурно-организационных изменений в мировой политике, которые затронули в первую очередь сам миропорядок.

США, оказавшиеся в положении единственной сверхдержавы, завершили начатый ими еще в последние годы существования двух систем демонтаж политико-экономических и идеологических препятствий для дальнейшего распространения рыночного типа организации экономики и капиталистических отношений, то есть для формирования единого мирового рынка, регулируемого на наднациональной основе, а также системы международного разделения труда. В политическом отношении эти процессы приобрели в 1990-е годы форму преобразования бывших социалистических стран Восточной Европы в соответствии с усредненными моделями политической демократии и неолиберальными подходами к организации рыночной экономики, смены политических элит, а также вовлечением этих государств в созданные США в период «холодной войны» международные военно-политические и экономические механизмы. По сходным сценариям были преобразованы и республики бывшего СССР, однако без привлечения большинства из них к участию в НАТО, ЕС и т.д., а также без значительных инвестиций и программ помощи. Это преобразование пережило первую стадию в 1990-е годы, когда при фактическом сохранении части элит советского периода, бывшие республики СССР, получившие государственный статус, были преобразованы в идеологическом и политико-экономическом отношении. На второй стадии, начавшейся в 2000-е годы, при поддержке США и Запада стали заменяться действовавшие на протяжении последнего десятилетия XX века и инициировавшие политическую независимость и квазилиберальные трансформации постсоветские элиты.

С исчезновением СССР частично потеряли свое значение многие институциональные и конвенциональные основы миропорядка сверхдержав. На смену формализованным подходам к организации

международных отношений стали все чаще приходиться неформальные. В 1990-2000-е годы при активном негласном содействии США существенно снизилась значимость ООН. Постепенно размывается система международных договоров, выстроенная на основе советско-американских соглашений (зачастую, как в случае с договором по ПРО, – на основе односторонних американских действий). Подвергаются ревизии основополагающие положения международного права (неприменение силы и угроза силой, нерушимость границ и т.п.). Соединенные Штаты проводят целенаправленную политику по видоизменению основ международного права – в первую очередь принципа государственного суверенитета и его неприкосновенности. Это выражается в политике США по замене как мирными, так и военными средствами политических режимов, не отвечающих американским идеологическим критериям легитимности, представлениям о безопасности и лояльности.

Одной из важнейших характеристик миропорядка, приходящего на смену сверхдержавному, является его все более проявляющийся иерархический характер. Начавшееся внутри несоциалистической части мира в годы «холодной войны» формирование иерархии государств получило – с прекращением существования СССР и соцсистемы – развитие в глобальных масштабах³. Это послужило основой возникновения миропорядка, который подобно формам организации политического пространства имперского типа выстроен по иерархическому принципу. Роль системообразующего центра-метрополии стремятся выполнять США, значительно оторвавшиеся по уровню некоторых своих экономических, научно-технологических, военных и политических возможностей и способностей от ближайших потенциальных конкурентов и стремящиеся закрепить с помощью различных средств этот разрыв. В несколько меньшей степени и преимущественно в экономическом отношении частью глобальной «имперской метрополии» являются ведущие страны ЕС и Япония, на которые, так же как и на США, опираются ведущие ТНК, ТНБ и связанные с ними международные экономические институты, чья деятельность направлена на формирование единой, регулируемой на наднациональном уровне, мировой экономической системы. Глобальная метрополия и в первую очередь США создает военные и политические основы устойчивости этой системы, формирует как институционализованные, так и неформальные механизмы управления ею.

³ Подробнее о формировании глобальной иерархии международно-политической системы см.: *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений М.: НОФМО, 2002. С. 313–331.

Введение

С исчезновением СССР конфликт двух сверхдержав, как государственно-организованных носителей универсалистских идеологий и соответствующих типов социально-политических систем, перестал быть основой системы международных отношений. Но это вовсе не означало исчезновение самого идеологического фактора из мировой политики. Элементы идеологической борьбы сохранились в национальных политических системах, в международных и транснациональных процессах.

США по-прежнему остались не только носителем, но и распространителем универсалистского либерализма. Важной составляющей выстраивания имперского миропорядка являются попытки США распространить собственные ценности, политические принципы и идеологию в качестве универсальной модели общественно-политической организации на национальном, международном и глобальном уровнях. Эти амбиции воплощаются в американскую внешнеполитическую линию, направленную на то, чтобы добиться идейно-политической гомогенности мировой политики хотя бы на уровне большинства национальных государств.

Стремление США добиться политико-идеологической однородности мира встречает неприятие и сопротивление уже не со стороны другой сверхдержавы, как во время холодной войны, а от новых субъектов мировой политики – общественных движений, неправительственных организаций и других образований. Они пытаются противопоставить американскому универсалистскому либерализму свои идейно-политические системы, адаптируемые к новым глобальным политико-экономическим условиям версии социалистической, коммунистической, анархистской и других идеологий.

Значительно эволюционировал и получил широкое распространение радикальный политический ислам, несовместимый с идеями, ценностями и моралью американско-европейского либерализма и большинством других западных идеологий. Он не только распространился за пределы своего историко-географического ареала на мировой периферии, но и проник благодаря эмиграции в очаговой форме и в развитые страны – в ЕС и США.

Эти новые формы идеологической борьбы проявляются как внутри государств, так и на транснациональном уровне. Логика выстраивания имперского миропорядка, которой все более подчиняются сами Соединенные Штаты, требует от них все более активно выступать против всех идейно-политических систем и их носителей, которые потенциально могут быть опасны для его стабильности.

Эти экономические и политические тенденции, подкрепленные американской внешней политикой начала XXI века, стали основой распространения в западно-европейской и американской на-

учно-политической литературе представлений о том, что США являются новой уникальной в своем роде «глобальной империей». Подобное понимание развития миропорядка и американской роли в нем выглядит крайне упрощенным. В действительности можно говорить лишь о том, что Соединенные Штаты стремятся контролировать и по возможности корректировать объективные процессы развития миропорядка и имеют для этого наиболее значительные экономические, военно-политические и культурно-идеологические возможности. С окончанием «холодной войны», не утратив своих сверхдержавных качеств, США приобрели ряд новых экономических, военных и политических ресурсов для реализации своих внешнеполитических целей, интересов и идеологических установок в мировых масштабах, превратившись в главный источник направленных глобальных воздействий на развитие миропорядка в целом. Внешняя политика Вашингтона в этом смысле постепенно перестает быть – в классическом понимании – внешней политикой государства, пусть даже сверхдержавы.

Выстраивающийся при активном содействии США миропорядок можно охарактеризовать как «имперский». Основанием для использования такого определения может служить косвенное и прямое сходство многих его черт и структуры с внутренней организацией империй прошлого: существование мирового центра (метрополии) и периферии; единого экономического пространства и четко очерченной системы разделения труда; наличие глобальной иерархии государств и регионов мира, основанной на экономическом, научно-технологическом, военно-политическом превосходстве государств ядра системы над странами периферии; стремление Вашингтона к формированию более идеологически однородного мира; использование США и их союзниками военно-силовых средств для поддержания устойчивости и управляемости всей международно-политической системы. Безусловно, было бы некорректно говорить о том, что такой миропорядок уже сформировался, но тенденции к его развитию становятся все более чем очевидными.

Часть I.

МИРОПОРЯДОК ИМПЕРИЙ

Глава 1.

Британская колониальная империя: взаимосвязи идеологии и организации управления (1850-1914)

Середина XIX века стала периодом формирования специфического миропорядка, который с организационной точки зрения можно было бы назвать миропорядком империй. Разумеется, империи, особенно колониальные империи, являлись отнюдь не единственным типом государственных образований и не единственно возможным типом акторов в рамках существовавшей системы международных отношений. Однако их лидерство оказалось неоспоримым. Именно они создавали правила игры на международной арене, вели борьбу друг с другом за господство в том или ином регионе мира, оспаривали первенство в плане влияния на международные процессы в целом. Империи создавали этот миропорядок, который они же привели к концу, когда в 1914 г. сложная система баланса сил, сдержек и противовесов была принесена в жертву неумолимому молоху войны. Международные процессы постепенно, на протяжении 1820-1840-х годов стали приобретать новую внутреннюю логику и совсем иную динамику.

Таким образом, под «мирпорядком империй» здесь понимается система международных отношений, строившаяся на основе господства группы государств имперского типа. Некоторые из этих государств (Великобритания, Германия, Россия, Япония) носили официальное название «империя». Другие (Франция, США) были формально лишены имперского статуса, являясь по существу государственными образованиями имперского типа (колониальная и неформальная империи). Важно иметь в виду, что в рассматриваемый период именно отношения между империями имели решающее, системообразующее значение для всей мировой политики.

Империи, пережившие в течение XIX века промышленную революцию, вступили в фазу достаточно острой конкурентной борьбы

Глава 1. Британская колониальная империя...

друг с другом за передел рынков и сфер влияния. К концу столетия территориальный раздел мира был уже завершен. Одновременно оказалось завершено и формирование колониальной системы империализма, понимаемого в этом случае как политика экспансионизма, расширения влияния на менее развитые в социально-экономическом отношении страны. Качественно новыми чертами этой системы стало ее распространение на весь мир, а также окончательная трансформация примитивных форм эксплуатации колониальной периферии и относительно бессистемных, движимых почти исключительно личной инициативой отдельных лиц колониальных захватов, в капиталистическую в своей основе и государственную по сути колониальную политику. Иллюстрацией закрепления этих новых качеств международной политики стала «схватка за Африку» в конце XIX века. Развитием этих тенденций в начале следующего столетия, когда «свободных» территорий уже не осталось, явилась открытая борьба за передел колониальной периферии. Она вылилась в серию локальных войн (испано-американская, англо-бурская, русско-японская) и острых международных конфликтов (два марокканских кризиса), которые в конечном итоге привели к Первой мировой войне.

Несмотря на обилие научной литературы, посвященной международным отношениям конца XIX – начала XX века, ряд существенных вопросов по сей день остался слабо освещен исследователями. Так, например, крайне мало внимания большинство историков и политологов уделяет определению понятия «империя» и выявлению характеристик, позволяющих отнести то или иное государство к имперскому типу. Хотя сам термин активно используется представителями различных методологических направлений и научных школ, в большинстве работ, посвященных империям того времени и межимперским отношениям, явно обойденным вниманием исследователей остается вопрос о том, какие именно критерии позволяют отнести то или иное государство к имперской форме организации субъектов международных отношений. Эта проблема напрямую связана с выработкой подходов к решению задач классификации империй. В отечественной и зарубежной литературе уже давно предпринимаются попытки их сравнительного анализа и классификации⁴. Сформировалось немало подходов к выработке операционального определения империи конца XIX – начала XX века и определению места империй в типологии форм организации

---

⁴ См., например: *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers. London – New York, 1989; *Clesse A., O'Brien K.P.* Two Hegemonies: Britain 1846-1914 and the United States 1941-2001. Aldershot, 2002.

Часть I. Миропорядок империй

государств. Однако сложность и многомерность этих задач вынуждает искать новые методы их решения. Такой поиск может осуществляться только на исторической основе.

Анализ особенностей британской колониальной империи таким образом выступает здесь элементом более широкой исследовательской программы. Великобритания в середине XIX – начале XX века превратилась в наиболее влиятельную и процветающую колониальную империю. Она являлась одним из мощнейших и влиятельнейших участников «миропорядка империй». С одной стороны, она имела ряд экономических, идеологических и социально-политических признаков, которые считаются в историографии определяющими для большинства империй того времени. С другой – обладала многими уникальными качествами, обусловившими ее успех и выводящими ее из общего ряда колониальных империй той эпохи. К числу наиболее значимых моментов изучения Британской империи, как одного из ключевых субъектов мировой политики того времени, можно отнести, на наш взгляд, и вопросы, связанные с развитием имперской идеологии и политики.

1.1. Концепции колониальной политики Британской империи середины XIX века

Статус крупнейшей в мире империи был приобретен Великобританией в результате энергичной колониальной политики, берущей свое начало еще в XVI – XVII веках. Ее владения находились во всех частях земного шара, ее флаг развевался на всех морях и океанах, ее торговый и военный флот всюду располагал базами и стоянками. Общая площадь английских колоний в Азии, Африке, Австралии, Океании и обеих Америках в рассматриваемый период составляла более 14 млн. кв. км, а население – свыше 155 млн. человек⁵.

В середине XIX века уже явно устаревал ранний колониализм, основанный на грубых методах эксплуатации – прямом грабеже, спекуляции, рабовладении и т.д. Свидетельством тому стали острые политические конфликты во многих уголках империи: восстание сипаев в Индии, «великий исход» буров в Южной Африке, тайпинское движение в Китае и другие, хоть и менее масштабные, но не менее значимые антиколониалистские выступления. Определение дальнейших перспектив развития империи и поиск путей решения ее текущих проблем занимали в середине XIX века важное место в политической жизни метрополии. Эти вопросы оказались в

⁵ См.: *Ерофеев Н.А.* Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М., 1977. С. 13.

Глава 1. Британская колониальная империя...

числе ключевых в программах британских политических партий, находились в фокусе внимания широких кругов общественности, публицистов, ученых, политиков. В качестве наиболее значимых рассматривались два аспекта колониальной проблемы: *во-первых*, экономический – как наладить максимально эффективную эксплуатацию колоний; *во-вторых*, политический – в какую государственно-политическую форму должны были облекаться отношения метрополии с ее заокеанскими владениями⁶.

К середине XIX века новая концепция развития колониальной империи получила теоретическую разработку в рамках идеологии британских либералов. В целом экономическая программа либералов исходила из принципов свободы торговли (*free trade*) и «невмешательства» государства в сферу предпринимательской деятельности (*laissez-faire*). В колониальном вопросе эти идеи нашли отражение в плане «систематической колонизации». В его рамках особое внимание уделялось экономической «ценности» колоний. Предполагалось, что они должны быть не обузой, а источником роста могущества метрополии. Большинство идеологов считало, что колонии, по крайней мере, должны приносить пользу метрополии в качестве рынка сбыта продукции, объекта приложения капитала и поглощения излишних трудовых ресурсов. Для развития переселенческих колоний и снижения социальной напряженности в метрополии эти планы подразумевали организацию масштабной миграции населения из метрополии (собственно Британии)⁷.

Джон Стюарт Милль (1806-1873), один из идеологов либерализма, разделял подобные подходы. Однако в своих работах он делал акцент на проблеме государственно-правовых взаимоотношений метрополии с ее колониальными владениями⁸. В одном из своих главных трудов – «Размышления о представительном правлении» – Милль заявил о высокой миссии колониальной политики своей страны: подготовить менее развитые народы «к высшей ступени культурных успехов». Для «цивилизации» он считал благом, когда «менее многочисленная, но более культурная народность может справиться с более многочисленной, ...как англичане с Индией»⁹.

⁶ Айзенштат М.П. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М., 1999. С. 102.

⁷ Подробнее см.: Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 62-104.

⁸ Он сам прослужил в Ост-Индской компании с 1823 до ее ликвидации в 1858 году. Две его книги – «О свободе» (1859) и «Размышления о представительном правлении» (1861) – оказали огромное влияние на формирование мировоззрения английских либеральных политиков.

⁹ Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1897. С. 166.

Часть I. Миропорядок империй

Особое внимание Милль уделял вопросам самоуправления «белых», переселенческих колоний и развития косвенного управления колониями с «цветным» населением. Все английские колонии делились им на две категории. К первой относились колонии с населением, обладавшим «однородной цивилизацией» с метрополией и «созревшим для представительной формы правления». К таким колониям он причислял английские владения в Северной Америке и Австралии. Вторая категория была представлена колониями, которые «были еще очень далеки от такого состояния», как, например, Индия.

Милль являлся убежденным сторонником самоуправления переселенческих колоний. Он отмечал, что «новая эра в колониальной политике» Англии началась после восстания в Канаде (1838-1839), когда «колонии с европейским населением» стали пользоваться «полным внутренним самоуправлением». Этот принцип осуществлялся благодаря активности либерально настроенных британских политических деятелей, таких, как Уэкфильд и Буллер, лорд Дарем. Они были авторами «Доклада лорда Дарема» – меморандума, составленного по итогам расследования канадского восстания и предлагавшего тактику частичных уступок переселенческим колониям взамен сохранения целостности империи. Переселенческим колониям было «предоставлено право совершенно свободно создавать представительные установления», изменять «предоставленные им уже весьма либеральные конституции». Законодательная и исполнительная власть в них была организована «на чисто демократических принципах»¹⁰.

Не обошел Милль и вопросы экономических взаимоотношений с этими колониями. Он писал, что до самого последнего времени имперская метрополия «присвоила себе власть вершительницы даже чисто местных дел». Эта политика, по его мнению, служила естественным продолжением экономической теории, согласно которой колонии были рынками для сбыта только британских товаров. Подобная привилегия ценилась так высоко, что Англия считала нужным поддерживать ее предоставлением колониям аналогичной монополии на английском рынке. Так, в частности, в обмен на поставки сырья для хлопчатобумажных фабрик в метрополию по монопольным (т.е. относительно высоким) ценам индийцы обязывались покупать английские ситец, сатин и другие ткани, выплачивая за них больше их средней цены на мировом рынке. Милль не разделял подобных подходов и предлагал заменить «этот пресловутый план взаимного обогащения Англии и ее колоний, в силу которого, они платили друг другу громадные суммы, не доходившие по

¹⁰ Там же. Указ. соч. С. 176-178, 180.

Глава 1. Британская колониальная империя...

назначению», на программу предоставления колониям больших свобод в развитии своей экономики¹¹. В качестве альтернативы он предлагал принципы свободы торговли с колониями: вместо порождавшей коррупцию практики негласного предоставления местным колониальным властям прав на бесконтрольное использование земель, лежащих на окраинах колоний, взамен неприменения ими «враждебных тарифов» выдвигались принципы «фритредерства». Это, по мнению либерального идеолога, обеспечило бы реальную открытость колониальных рынков, которая была бы более выгодна метрополии, нежели существующее положение вещей.

Милль рассмотрел несколько возможных вариантов эволюции структуры Британской империи. Проект полного слияния в рамках империи всех англоязычных стран (метрополии и переселенческих колоний) в одно унитарное государство (представительную монархию), предполагавший базирование властных и представительных учреждений в Лондоне, отвергался им безоговорочно. Причем основанием для возражений служила главным образом опасность чрезмерного усиления метрополии, что в конечном счете обусловило бы нарушение принципов «справедливости». Милль также выступал и против другой схемы, согласно которой власть британского парламента, как и колониальных парламентов, предполагалось распространить только на внутреннюю политику, а внешнюю политику и общегосударственные дела передать новому представительному собранию, в котором британские владения имели бы такое же представительство, как и сама Англия. По этому сценарию уравнивались бы в своих правах метрополия со своим огромным экономическим потенциалом и менее развитые колонии. Такая формула равноправия также возмущала «чувство справедливости» автора. Кроме того, им приводились многочисленные аргументы против равноправной федерации, главным среди которых был политико-географический. Он считал, что располагающиеся в разных концах мира колонии без знания «взаимных целей» не могут сформировать «справедливое представительство»¹².

Милль подчеркивал, что Великобритания может существовать без своих заморских владений. Он считал, что в ходе исторического развития наступит момент, когда колонии полностью отделятся от метрополии. При этом он акцентировал внимание на необходимости поддержания таких связей метрополии со своими владениями, которые были бы не слишком обременительными или унижительными для самих колоний и не слишком затратными для метро-

¹¹ Там же. С. 177-178.

¹² Там же. С. 179.

Часть I. Миропорядок империй

полии. Отмечая культурно-исторические и политические причины сохранения империи, он полагал, что наиболее приемлемой формой ее организации могла бы стать федерация с «неполной равноправностью» составляющих ее субъектов. Это неравенство, в сущности, заключалось только в одном пункте: «...метрополия решает и за себя, и за колонии вопрос о мире и войне». Взамен, по Миллю, метрополия обязывалась бы отражать все нападения, направленные на колонии и неслала бы расходы на все войны, исключая те (подобно кафрской в Южной Африке. – С.З.), которые велись в интересах самих колоний. Имперская метрополия также должна была бы содержать регулярную армию и покрывать основные расходы на оборону в мирное время¹³. Милль предлагал в качестве идеала политико-административного устройства империи своеобразную асимметричную, неформальную федерацию. При этом, как он считал, необходимо было на равных основаниях с жителями метрополии предоставить выходцам из колоний доступ к правительственным и административным должностям как в метрополии, так и в зависимых территориях¹⁴.

Колониальная политика Великобритании во многом стала развиваться в конце XIX – начале XX века по намеченному Миллем пути. Отстаивавшаяся им формула «слабой», «неформальной» федерации оказалась в значительной степени реализованной в отношении переселенческих, «белых» колоний. По отношению к прочим колониальным владениям Милль признавал правомерность существующей системы правления, которую он обозначил термином «деспотизм». Так, например, в отношении Индии, народы и племена которой, равно как этносы других захваченных Британией «цветных» регионов, в экономическом плане значительно отставали от англо-говорящих стран, а в культурном отношении были совершенно чужды им, он полагал приемлемым деспотическое внешнее управление. Милль признавал вполне разумным и обоснованным «деспотизм двадцати миллионов англичан» над десятикратно превосходившим их населением Индостана, считая, что в соответствии с естественным порядком вещей наиболее отсталые народы и должны находиться под полным политическим влиянием более цивилизованных народов. В связи с этим важнейшую для Британии задачу он видел в «правильной» организации управления «варварскими» народами, «чтобы оно было не злом, а благом для подвластного народа»¹⁵.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 182-183.

Глава 1. Британская колониальная империя...

Тем самым, по отношению к Индии и другим колониям с неевропейским населением ни о каком (даже об ограниченном) равенстве либералы не вели и речи. Причиной тому был очевидный европоцентристский взгляд на природу вещей, уверенность в превосходстве европейских культурных ценностей, социальных и политических институтов над всеми прочими, существовавшими тогда в мире. Однако либеральные идеологи колониализма осознавали тяжесть положения покоренных народов. Они призывали не разрушать все, что не походило на порядки в метрополии, а попытаться править с учетом культуры туземцев, постепенно выполняя свою цивилизаторскую миссию и приближая их к заданному Европой уровню¹⁶.

Милль возражал против прямого управления крупными и густонаселенными «цветными» колониями, главным образом, Индией (Африка в его время еще не была окончательно разделена). Под прямым управлением (*direct rule*) понималось такое положение, когда Лондон непосредственно управлял колонией через своего министра или с помощью нескольких специализированных департаментов различных министерств. Милль одним из первых выступил за «непрямое», косвенное управление (*indirect rule*). Этот принцип стал основным для английских владений в Африке и Азии. Считается, что его детальная разработка принадлежала крупному колониальному чиновнику в Британской Тропической Африке Фредерику Лугарду (1858-1945). Его статьи, посвященные концептуальным основам колониального управления начали появляться в английской прессе в 1893 года, а главный обобщающий труд – «Двойной мандат в Британской Тропической Африке» – увидел свет лишь в 1922 году¹⁷. Однако формулировка проблемы, самого принципа «косвенного управления» является заслугой Дж. С. Милля.

Суть косвенного управления состояла в сохранении туземных политических институтов как посредников между высшей колониальной британской администрацией и коренным населением той или иной подчиненной британскому владычеству страны. Все действия британских колониальных властей опосредовались при этом через местные племенные и этнические структуры лидерства – раджей, вождей племен и т.д. Милль видел в такой системе управления значительные политические выгоды для Британии, исполняющей свою «цивилизаторскую» миссию с помощью обладающих формальной легитимностью колониальных властей местного происхождения: «Исполняя свой долг по отношению к Индии, англий-

¹⁶ Там же. С. 183-184.

¹⁷ Подробнее см.: *Глуценко Е.А.* Строители империи. Портреты колониальных деятелей. М., 2000. С. 291-344.

Часть I. Миропорядок империй

ский народ может, не навязывая ей непосредственно своего управления, снабжать ее хорошими правителями. Такими правителями менее всего могут быть английские министры..., необходима “местная администрация”, – подчеркивал он¹⁸.

Выдвинутые Миллем новые концептуальные основы колониальной политики находили широкую поддержку либерально мыслящих общественных деятелей, но при этом подвергались жесткой критике со стороны их политических оппонентов. Одним из наиболее активных критиков его идей стал известный публицист Томас Карлейль (1795-1881), который, несмотря на свои в целом либеральные убеждения, относительно колониальной проблематики придерживался консервативной линии. Он не написал книг, специально посвященных колониальным проблемам, но посвятил им немало политических памфлетов, вышедших в свет в 1840-1850-х годах. Карлейль был хорошо знаком с либеральными идеями о перспективах развития Британской империи и ее колониальных владений. В своих памфлетах он выражал позиции консервативно настроенных британских политиков, считавших концепции, выдвинутые Миллем и его сторонниками, потенциально опасными для устоев империи, обеспечивающей уникальное в своем роде британское мировое господство.

В памфлете «Чартизм» (1840) Карлейль провозгласил начало новой эры в мировой истории – «Эры Англии»: «Эта нация сейчас имеет города и засеянные поля, железнодорожные поезда; имеет звонкую монету, биржевые акции, книги, военный флот, прядильные машины, товарные склады и доки Вест-Индии. Посмотрите, что она построила и сделала, что она может и еще построит и сделает!»¹⁹. Он считал, что лидерство Британии в культурном, индустриальном и техническом развитии дает ей особые моральные права и возможности для создания крупнейшей в мире колониальной империи. Ее появление являлось, по Карлейлю, результатом исторического развития, действия «потока мировой истории»: «Римляне умерли, англичане пришли»²⁰. Такое видение Карлейлем особого положения Великобритании в мире было частично основано на его представлениях о «провиденциальных героях» как творцах исторического процесса, которые он переносил на сферу отношений между нациями-государствами.

Карлейль неоднократно выступал в поддержку планов активной переселенческой политики. Он считал, что «общая эмиграция»

¹⁸ Милль Дж. С. Указ. соч. С. 187-188.

¹⁹ Carlyle Th. Chartism. London, 1840. P. 70-71.

²⁰ Ibid. P. 71.

Глава 1. Британская колониальная империя...

в колонии позволила бы решить ряд социально-экономических проблем метрополии. В то время, когда «небольшой западный край Европы перенаселен», на планете существует обилие «незанятой Земли», которая буквально взывает к человеку: «Приди и возделай меня, приди и пожни меня!»²¹. Успеху осуществления переселенческой политики, по мнению Карлейля и его сторонников, способствовали уникальные возможности Британии как торговой и морской державы: она обладала «богатством и средствами передвижения», каких «ни одна нация никогда ранее не имела», а также флотом, который «преодолеет все океаны»²². Подобные идеи хорошо сопригались с традиционным для Великобритании особым отношением к морской силе и ее возможностям по обеспечению британского могущества и интересов британцев во всем мире.

Карлейль в целом положительно оценивал переселенческую политику с точки зрения ее экономической целесообразности. Он считал ее инструментом борьбы с безработицей и избытком трудовых ресурсов, сопровождавших индустриализацию Британии. В отличие от либералов Карлейль считал, что именно государство должно предоставить возможность всем желающим эмигрировать. Этим шансом должны были воспользоваться прежде всего люди безработные: «не имеющие практики адвокаты, не имеющие паствы священники, не имеющие задания ученые, лица, томлящиеся во всех зданиях суда, прячущиеся на мрачных чердаках, обивающие все пороги в страстном желании одной простой вещи – работы...»²³.

В конце 1849 г. в одном из ведущих лондонских журналов был опубликован особенно шумевший памфлет Карлейля по колониальным проблемам «Случайная речь о негритянском вопросе». Он был посвящен проблемам Вест-Индии и вызвал значительный резонанс в британских политических кругах. К середине XIX века английские владения в Карибском море пришли в упадок. Основной продукт их вывоза, сахар стал производиться в Европе из сахарной свеклы, цены на него упали. Покрывая убытки, плантаторы усилили эксплуатацию негров-рабов. И тогда вспыхнули восстания, крупнейшее из которых произошло на Ямайке в 1831 году. Под давлением либералов английское правительство в 1833 г. объявило об освобождении негров в течение семи лет, оставив за плантаторами прежние права. В ответ поднялась новая волна восстаний. В 1837 г. правительство вынуждено было предоставить полную свободу нег-

---

²¹ Ibid. P. 98.

²² Ibid. P. 108.

²³ Ibid. P. 112.

Часть I. Миропорядок империй

ритянскому населению, без всяких условий и расширить сферу деятельности для английского капитала в колониях. Но экономический кризис в Вест-Индии не был преодолен²⁴.

В связи с вест-индийскими экономическими проблемами Карлейль выступил с проектом реформирования империи. Он утверждал, что причиной экономических трудностей является не нехватка рабочих рук, а неправильно выстроенное управление ведением хозяйства в колониях. В памфлете «Случайная речь о негритянском вопросе» он делал ставку на интенсификацию труда, более эффективное использование земель и пересмотр взаимоотношений с цветным населением колоний. Он писал, что «черный человек, который не будет работать согласно данной ему богами способности, не имеет ни малейшего права есть тыквы, но имеет неоспоримое и вечное право быть заставленным... делать соответствующую работу ради своей жизни»²⁵.

Несмотря на то, что Карлейль отстаивал тезис о превосходстве «белого человека» (в первую очередь англичан), его нельзя считать последовательным сторонником расового подхода. Он полагал, что если бы люди, «самые белые и самые черные, самые богатые и самые бедные» были принуждены делать предназначенную им работу и не тратили «праздно минуты жизни такой короткой», тогда бы «мы имели совершенный мир, ... тогда бы было установлено царство полного счастья для всех трудящихся и для всех людей»²⁶.

Исходной посылкой его рассуждений было признание иерархичности любого общества: «закон мира» един для всех людей и состоит в том, что «наиболее глупым из нас быть слугами наиболее мудрых». Культурное неравенство рас он считал достаточным основанием легитимации британского колониализма: «Тот должен по праву, декретом самой Небесной канцелярии, владеть этими землями, кто может *лучше* извлекать из них любую благородную продукцию, какую они созданы приносить». По мнению Карлейля, черное и цветное население по своему развитию было неспособно к позитивной социально-экономической активности. Поэтому «самыми достойными» собственниками, «возможно, ... только на время» являлись «британские саксы»²⁷.

Карлейль полагал, что рациональное использование земель в Вест-Индии должно было принести «пользу всему человечеству» и

²⁴ *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. М. 1959. С. 74-75.

²⁵ *Carlyle Th.* Occasional Discourse on the Nigro Question // *Fraser's Magazine* (London). 1849. December. P. 672-673.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.* P. 674, 676.

Глава 1. Британская колониальная империя...

в первую очередь Британской империи. Он отмечал, что «острова Вест-Индии, пока богатые невозделанными плодородными землями, подходят для возделывания перца, сахара, саго, аррорута, кофе, возможно, для корицы и ценных специй; вещей намного более благородных, чем тыквы...». Выращивание этих культур, по мнению Карлейля, способствовало бы расцвету «торговли, ремесел, политики и социальной сферы», в развитии которых все люди «являются заинтересованными участниками»²⁸. Тем самым идеолог консервативного подхода к решению колониального вопроса намекал на включение в мировой рынок всех частей империи.

Автор «Случайной речи» призывал строить дальнейшие отношения с колониальным населением на взаимовыгодной основе, если английский народ подразумевал «сохранить человеческие Колонии». Справедливостью, с точки зрения Карлейля, было установление такого порядка, при котором негр получал «привилегию выращивать тыквы» взамен обязательства «отрабатывать для собственника назначенные дни труда» и возделывать «благородные» культуры. Такой порядок диктовался интересами метрополии: «Государство... хочет полезного производства на этих Островах и должно его иметь». Установление «взаимных обязательств», заключение «контракта долгого действия» привело бы к складыванию «хороших отношений» между белыми и черными, «к процветанию на Земле»²⁹. Тем самым подчеркивался общегосударственный (общенациональный), а не частновладельческий характер получения прибылей от эксплуатации колоний.

Критику либерального плана предоставления самоуправления переселенческим колониям Карлейль представил в книге «Памфлеты последнего дня» (1850). В его интерпретации позиция английских государственных деятелей либерального толка по колониальному вопросу выглядела достаточно провокационной. Колониям как бы давали понять, что империя отнюдь не заинтересована в «искусственном» поддержании единства. Он писал: «...Вы нам вовсе не нужны. Каждый год мы тратим на вас порядочно денег... Каждый год вы приносите нам хлопоты. Отчего же вам и не отделиться от нас, если вам это доставляет удовольствие». Карлейлю же идея об учреждении в «белых» переселенческих колониях самоуправления представлялась прямым путем к расколу империи. Либеральные деятели обвинялись им в неспособности понять и проводить в жизнь национальные интересы, «к которым Англия могла бы потребовать уважения»³⁰.

²⁸ Ibid. P. 674.

²⁹ Ibid. P. 676-677.

³⁰ *Карлейль Т.* Памфлеты последнего дня. СПб., 1907. С. 58-59.

Часть I. Миропорядок империй

По мнению консерваторов, равно как и с точки зрения самого Карлейля, плохое состояние финансов в стране свидетельствовало скорее о том, что способ управления колониями является источником экономических проблем и именно здесь необходимо глубокое реформирование всей существующей системы. На первый план консерваторами выдвигались организационные и кадровые вопросы. Для совершенствования администрирования и управления колониями ими выдвигалась идея создания общеимперского министерства, которое смогло бы обеспечить приток в государственную казну средств из колоний, иными словами, обеспечило бы максимально прибыльную эксплуатацию колониального хозяйства. Либеральный план отвергался консерваторами еще и потому, что все колонии рассматривались ими в качестве неотъемлемых частей неделимой территории империи. И поэтому колониальные владения не следовало ранжировать, делить на какие-либо категории и тем самым поощрять в перспективе автономистские устремления не только переселенческих колоний, но и колоний с преобладающим неевропейским населением. Этой позиции придерживался и Карлейль: «Они составляют части земли, на которых теперь живут дети Англии, где боги благословили их усилия и дали им право жить». Перспективой дальнейшего развития империи, по его мнению, должно было стать экономическое освоение британской промышленностью «той необъятной Англии», которая раскинулась «во всех поясах земного шара»³¹. Этот путь одновременно был призван выступить одним из средств решения современных Карлейлю социальных противоречий британского общества.

Таким образом, расхождения консерваторов и либералов относительно колониальной программы были достаточно глубоки. При всем различии их политических позиций Дж. С. Милль и Т. Карлейль, безусловно, выступали за сохранение и укрепление Британской империи. Они оба исходили из убеждения в особой, цивилизаторской миссии своей страны в деле колониального управления. Подвластное население расценивалось ими как стоящее ниже европейцев (особенно англичан) по уровню развития. Так же они сходились во мнениях относительно плана «систематической колонизации» и видели в нем средство гуманного решения внутренних социальных проблем метрополии (в частности, безработицы). Однако между ними существовали и серьезные разногласия. Карлейль (в отличие от Милля) выступал за сохранение централизованного управления империей. Отсюда – его несогласие с либерально настроенным соотечественником по вопросу о предоставлении прав са-

³¹ Там же. С. 87-88.

Глава 1. Британская колониальная империя...

моуправления переселенческим колониям. Кризисные ситуации объяснялись им человеческим фактором. На таких представлениях строилось убеждение Карлейля о том, что колониальные институты нуждаются не в системных преобразованиях, а прежде всего в достойных, талантливых управленцах. Между тем жизнь вносила в британскую колониальную политику свои коррективы, и в реальности размышления Милля по колониальному вопросу оказались куда более востребованными правящими кругами Великобритании.

1.2. «Новый империализм» и Британская империя в конце XIX – начале XX века

Период рубежа XIX-XX веков принято обозначать в историографии как эпоху так называемого «нового империализма». Последний характеризовался прежде всего стремлением к трансформации, преобразованию европейских колониальных империй за счет активизации их экономического потенциала, оптимизации экономических связей колониальной периферии с метрополиями³². «Новый империализм» знаменовал собой переход от колониальной политики, основанной на проявлении частной инициативы, к осмысленному, идеологически, экономически и политически обоснованному государственному колониализму. Необходимость такой модернизации была актуальна и для Великобритании, которая потеряла монопольное господство на мировом рынке. Роль колоний как важнейшего стабилизирующего фактора в экономике резко возросла. В них начали видеть гарантию сохранения могущества страны. Последние два десятилетия XIX века отличались усилением влияния колоний на экономическую и общественно-политическую жизнь империи, перемещением британских имперских интересов на африканский континент, широко проводимой экспансионистской политикой и существенным увеличением территориальных владений Британской империи. Одной из отличительных черт «нового империализма» являлось «развитие на более высоком уровне империалистической идеологии», «раздувание культа империи»³³.

³² Грудзинский В.В. Британия и Россия: судьбы двух империй. (К вопросу о политической эволюции) // Из Британской истории нового и новейшего времени: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Ерофеев. Челябинск, 1992. С. 25.

³³ Гелла Т.Н. Либерализм и «новый империализм» в Великобритании в 80-90-х годах XIX века // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 56; Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. (Движущие силы, формы и методы). М. 1991. С. 38.

Часть I. Миропорядок империй

Британское общество в поздневикторианский период все более проникалось интересами империи. Имперские идеи занимали умы представителей всех без исключения социальных слоев – от пролетариев до аристократов. В стране не было ни одного политического клуба, общества, организации, члены которых в той или иной степени не обсуждали бы колониальные проблемы. Пропаганде империалистических идей служили многочисленные организации и общества самой разной политической ориентации. Наибольшим авторитетом среди них пользовался Королевский колониальный институт. Значительную роль в популяризации имперских идей играли многочисленные международные выставки и ярмарки, проводившиеся в столице, в провинциальных городах, в самих колониях с целью демонстрации ресурсов британских владений. Театральные постановки, музыка, художественная литература, музейные экспозиции также активно включали колониальную проблематику и расширяли сферу пропаганды на самые широкие слои общества. Массовому читателю были известны произведения Р. Хаггарда, А. Конан-Дойля, Р. Киплинга. Последний даже получил прозвище «Сесил Родс в литературе». Воспитанию «патриотических» и «имперских» чувств служили картинки на почтовых открытках, сигаретах, в журналах. Общественное мнение самыми разными способами мобилизовывалось на поддержку конкретных колониальных акций и колониальной политики в целом, причем как либерального, так и консервативного министров.

Эпоха «нового империализма» породила и новых идеологов, чьи взгляды и деятельность оказали заметное влияние на формирование имиджа Британской империи, на восприятие ее «высокой миссии» в истории человечества. Среди них особо выделялся министр колоний рубежа XIX-XX веков Дж. Чемберлен. Он так характеризовал цели развития Великобритании: «Создать империю, более грандиозную и более способную обеспечить мир и цивилизацию, чем любая империя, которую когда-либо знала история, – это мечта, ... которой никто не должен стыдиться»³⁴.

Особой славой среди англичан пользовался южноафриканский «король алмазов» С. Родс, фанатично веривший в пионерский и колонизаторский «гений британской расы»: «Чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров. Империя... есть вопрос

³⁴ Цит. по: *Кертман Л.Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 204.

Глава 1. Британская колониальная империя...

желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»³⁵.

Важную роль в распространении колониальных идей играли представители британской интеллектуальной элиты. Среди наиболее известных ученых и публицистов выделялись фигуры Ч. Дилка, Дж. Фруда и Дж. Сили.

Чарльз Уэнтсворт Дилк (1843-1911), один из будущих лидеров либералов, стоял у истоков «нового империализма». В 1868 г. вышла его книга «Более великая Британия» («Greater Britain») – серия очерков о кругосветном путешествии по Британской империи и США. Смысл колониальной экспансии он усматривал в преодолении провинциализма, в глобальном характере интересов британцев: «То, что нас возвышает... – это наше гражданство в великом Саксонстве (сюда включались даже США. – С.З.), которое объединяет все лучшее и мудрейшее в мире»³⁶. Рассматривая характер связей между метрополией и колониями, автор находил их односторонними и в целом неудовлетворительными. Англия несла основной груз обороны империи, финансируя содержание флота и военно-морских баз, в то время как уровень жизни в колониях иногда мог даже превышать британский. Дилк полагал, что необходимо более пропорционально распределить военные расходы, разместить в колониях гарнизоны, комплектуемые из местного населения. При этом вывод войск метрополии ни в коей мере не означал констатации изменения статуса колоний или тем более их отделения от империи. Его план предусматривал сохранение более фундаментального культурно-цивилизационного уровня имперских связей через английский язык и общебританские институты. По его мнению, введение самоуправления и самофинансирования в «белых» переселенческих колониях только укрепило бы «жизнеспособную конфедерацию англосаксонской расы»³⁷.

В 1890 г. Дилк подготовил переработанное и дополненное издание своего труда под названием «Проблемы более великой Британии» («*Problems of the Greater Britain*»). Главной особенностью империи он считал ее глобальный масштаб и дифференцированный подход к разным типам колониальных владений («переселенческим», «коронным» и «военным базам»). Это статусная дифферен-

³⁵ Цит. по: *Давидсон А.Б.* Сесил Родс – строитель империи. М., 1998. С. 257.

³⁶ Цит. по: *Богомолов С.А.* Чарлз Дилк о геополитической структуре Британской империи конца XIX века // *Россия и Британия: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 2. Чтения памяти Н.А. Ерофеева / Отв. ред. В.Г. Трухановский. М., 2000. С. 64.

³⁷ Там же.

Часть I. Миропорядок империй

циация колониальных владений, как предполагал Дилк, являлась основой и силы, и одновременно слабости империи. С одной стороны, Британия имела сырье для производства любой промышленной продукции, с другой – обмен промышленных товаров на сырье осуществлялся по растянутым и уязвимым океанским коммуникациям. Усилий одной метрополии, по его мнению, было недостаточно для обеспечения безопасности перевозок. Необходимо было по-сильное участие колоний.

В условиях обострившейся конкуренции между великими державами автор справедливо подчеркивал мысль о том, что империю можно сохранить, если только в этом будут заинтересованы сами колонии. В его книге указывалась взаимовыгодная основа баланса интересов метрополии и наиболее важных частей империи. Так, Канада обладала необходимым для Англии сырьем и идеально подходила для миграции избыточного населения. Сохранить Канаду в составе империи можно было через установление более выгодных экономических отношений с метрополией. По крайней мере, более выгодных, чем имевшиеся у нее с США. К тому же, по Дилку, британский флот был единственным гарантом безопасности портов Канады на Атлантическом и Тихоокеанском побережье. Говоря об Австралии, он особо отмечал успех ее внутренних экономических и политических реформ, создававших условия для «идеальной демократии». Автор призвал поддержать государственное строительство железных дорог на «зеленом континенте» и активно регулировать переселенческую политику, не допуская массового въезда туда люмпенов из Европы и Азии. Южная Африка, обладавшая ценным сырьем и являвшаяся резервным по сравнению с Суэцким каналом морским путем в Индию, требовала создания условий для стабильного индустриального развития. Главным препятствием назывался конфликт между британцами и бурами, потомками голландских колонистов. Буры по-прежнему ориентировали свою политику на развитие аграрного сектора и поддержку со стороны Германии. При этом Дилк был противником исключительно экономикоцентричных подходов к взаимоотношениям с колониями и вообще к вопросам колониальной политики. В частности, он призывал при разделе Африки руководствоваться в первую очередь военно-стратегическими соображениями, независимо от экономической ценности захватываемых территорий.

Дилк считал Индию географическим центром империи, но одновременно и ее самым слабым – в военно-политическом отношении – звеном. Через Афганистан она имела границу с одним из сильнейших противников Великобритании – Россией, неуязвимой для британского флота. Гарнизоны сипаев, по мнению Дилка, были слабее

Глава 1. Британская колониальная империя...

русских войск, значит, единственной гарантией безопасности являлся Афганистан. Он считал, что задача британских властей – сохранять эту последнюю страну целостной и обороноспособной. Тем самым Дилк выступил сторонником концепции «закрытой границы», автором которой считался вице-король Индии Дж. Лоуренс. Она предусматривала отказ от применения военной силы на границах Индии и использование политических барьеров и естественных препятствий, затруднявших вторжение в Индию какой-либо державы³⁸. Дилк полагал, что деятельность Британии по «развитию» Индии – достаточное моральное основание британского владычества в стране. Создание же на Индийском субконтиненте независимого государства, по его мнению, неизбежно привело бы, как и в Южной Африке, к дискриминации национальных меньшинств, к вспышке межэтнических конфликтов и анархии. В качестве единственного послабления колониального режима им допускалось назначение европеизированной индийской верхушки в совещательные органы при британской администрации. Однако при этом им вообще не рассматривался характер полномочий индийских представителей, механизм их участия в принятии решений³⁹.

Обоснование «цивилизаторской» миссии англичан нашло яркое воплощение в трудах другого крупного идеолога колониализма, Джеймса Энтони Фроуда (1818-1894). В 1870-1871 годах он выступил с серией статей, в которых говорилось о важности колоний для Великобритании. Дж. Фруд утверждал в своих публикациях, что время малых государств в мировой политике прошло, что без империи, ее ресурсов и возможностей Англия стала бы второразрядной державой. Кроме того, эмиграция в колонии могла бы снять социальную напряженность внутри страны в условиях роста безработицы и прогрессирующего социального неравенства.

Наиболее известной работой Фроуда по данной проблематике явилась изданная в 1885 г. книга под названием «Океания». Автор выступил за единую и перманентно расширяющуюся империю, которая основывалась бы прежде всего на военной силе. Он убеждал соотечественников, что на их долю выпали те же функции по управлению «отсталыми» народами мира, которые ранее выполняла Римская империя. По его мнению, нецивилизованные и неспособные к самоуправлению аутсайдеры нуждались в опеке передовых народов. Подобный «цивилизаторский» патриотизм принял в общественном сознании Великобритании форму джингоизма – ис-

---

³⁸ Жигалина О.И. Великобритания на среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990. С. 29-30.

³⁹ Богомолов С.А. Указ. соч. С. 65-70.

Часть I. Миропорядок империй

кренней убежденности в расовом превосходстве и могуществе своей страны, враждебной настроенности ко всему неанглийскому. Наряду с пропагандой превосходства англичан развивались патерналистские идеи о том, что аборигены подобны «детям», которым надо дать мудрые законы и хорошее управление. Поэтому любое противодействие аборигенных народов Азии или Африки колонизаторам преподносилось джингоистами в качестве обреченных на провал попыток сопротивления «прогрессу»⁴⁰.

Профессор Кембриджского университета Джон Сили (1834-1895) дал историческое обоснование экспансии. Его книга «Расширение Англии» (1883) привлекла колоссальное внимание современников. Так, создание империи в ходе исторического развития английского народа он считал естественным процессом и огромным достижением. «Великая Британия» рассматривалась им в качестве единого государства с единой нацией. Поэтому сама постановка вопроса – нужны колонии или нет – была для него абсолютно неправомерна и даже абсурдна. Колонии представлялись ему частью единой страны, связанной узами «крови и религии». Сили предлагал рассматривать эту целостность в качестве своеобразной конфедерации, как союз равноправных республик. Автор утверждал, что величие Англии заключается именно в том, что она создала высший тип государства, в котором свобода и независимость не только отдельных личностей, но и отдельных его частей являются основой существования империи. Идеи подобного рода значительно позже, в середине XX века нашли отражение в концепции «Британского содружества наций»⁴¹.

В целом же, характеризуя основное направление политической мысли Британии того периода времени, нельзя не отметить, что отличительной чертой идеологии «нового империализма» стала тенденция к постепенному сглаживанию различий между либералами и консерваторами по вопросам колониальной политики. Обе партии разделяли идею об особой миссии Британской империи, стремились к укреплению и расширению ее владений. Свидетельство тому – политика обеих партий в период пребывания их у власти. Следует признать, что между ними существовали отдельные расхождения в подходах и методах колониальной политики, в понимании сроков и территориальных пределов предполагаемых захватов. Однако полемика партий по колониальному вопросу была в значительной степени конъюнктурной и объяснялась главным образом закономерностями партийно-политической борьбы. В ходе избирательной кампании критика соперника была органической

⁴⁰ Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 56-57; Парфенов И.Д. Указ. соч. С. 6-47.

⁴¹ Гелла Т.Н. Указ. соч. С.57.

Глава 1. Британская колониальная империя...

частью политического процесса. Что же касается существа вопроса, то на деле разногласия не затрагивали основ имперской политики. Большинство государственных деятелей, независимо от их партийно-политических предпочтений, признавали необходимость проведения активной колониальной экспансии, трансформации системы управления британскими колониями.

Практическим воплощением этой позиции стала реформа колониального управления Индией. Она свидетельствовала о том, что в Британской империи осуществился окончательный переход от основанной на проявлении спонтанной частной инициативы к осмысленной государственной колониальной политике. Изменения в системе управления британской Индией, этим важнейшим колониальным владением англичан, начали происходить еще в середине XIX века, во время и после восстания сипаев (1857-1859). Принципиальным мероприятием в этом плане стала национализация частной Ост-Индской компании⁴². Превращение в середине XIX века Великобритании в страну свободной торговли предопределило судьбу монополии. В результате ее ликвидации власть в Индии перешла к английской короне, а колониальная администрация во главе с генерал-губернатором (одновременно и вице-королем) стала контролироваться британским правительством и парламентом.

Экономические последствия реформы не заставили долго ждать. К 1870 г. 85% английского экспорта и 54% импорта приходилось на Индию. Эти цифры дают представление о том, почему англичане называли Индию «самой яркой и драгоценной жемчужиной» в британской короне. От состояния торговли с Индией зависели финансовые отношения Англии с европейскими государствами⁴³.

⁴² Ост-Индская компания была основана в 1600 году, когда ей была дано право на ведение монопольной торговли со странами, расположенными к востоку от мыса Доброй Надежды. Компания быстро превратилась в мощную и богатую организацию, пользующуюся поддержкой государства и обладающую рядом привилегий. Среди них — право ведения монопольной торговли на Востоке, право содержания собственной армии и военного флота, объявления войны и заключения мира в Индии и т.д. Основным ее пайщиком стала верхушка лондонского купечества, тесно связанная с аристократией. Деятельность компании в самой Англии была пронизана подкупом и взяточничеством. Ее опорой в парламенте стали разбогатевшие в Индии чиновники и офицеры, купившие в нем себе места. С началом промышленной революции в Великобритании нарастало недовольство привилегиями компании. Зачастую ее действия на подвластной территории не отвечали государственным интересам. Каждое продление ее хартии (с 1773 г.) на десяти- или двадцатилетний срок сопровождалось острой политической борьбой. См.: *Айзенштат М.П.* Указ. соч. С. 41-42; *Антонова К.А.* История Индии. М., 1979. С. 166-168.

⁴³ *Парфенов И.Д.* Указ. соч. С. 35-36.

Часть I. Миропорядок империй

Большое значение имели новые поступления в бюджет страны от налогообложения бизнеса, активизировавшегося на субконтиненте. Деловой климат в регионе на самом деле стал существенно более привлекательным после отмены монополии Ост-Индской компании. Возрастали торговые обороты действовавших в Индии британских компаний. В результате колоссальные и все увеличивающиеся налоговые поступления позволяли не только поддерживать на должном уровне военную и морскую мощь империи, но и приступить к решению серьезных социальных проблем метрополии.

Логическое завершение процесс реформирования нашел в провозглашении 1 января 1877 г. британской королевы Виктории императрицей Индии. Тем самым подчеркивалась косвенная преемственность Великобритании с Империей Великих Моголов и восстанавливалась прежняя система вассальной зависимости индийских князей от императорской власти. С этого времени стало официально использоваться название «Британская империя», под которой понималась вся совокупность британских владений во главе с метрополией.

По замыслу лидера консерваторов Б. Дизраэли и вскоре сменившего его у власти главы либералов У. Гладстона этот шаг был исполнен глубокого политического смысла. В рамках империи под скипетром британской монархии должна была иметь место более глубокая степень интеграции разнородных доселе колониальных владений. Монархия стала символом имперского единения метрополии и колоний. Не случайно юбилеи королевы Виктории в 1887 и 1897 годах отмечались как праздник всей империи, с участием представителей каждой колонии.

Главный залог успеха британцев – либеральный подход к управлению громадной империей, выработанный несколькими поколениями не только либеральных, но и консервативных идеологов. Достаточно показательны в этом плане уступки, сделанные метрополией в пользу так называемых доминионов. Эта самая крупная группа британских владений была образована на месте «переселенческих колоний» (с преобладанием европейских переселенцев), которые добились от метрополии самостоятельности в области внутреннего управления. Термин «доминион» («владение»), впервые появившийся в конституции Канадской федерации 1867 года, был заимствован из Библии и предложен в качестве компромисса – он не ущемлял самолюбия канадцев и в то же время отражал связь Канады с метрополией. Накануне Первой мировой войны в составе империи имелось пять доминионов: Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Ньюфаундленд. С 1887 г. стали регулярно созываться колониальные конференции,

Глава 1. Британская колониальная империя...

переименованные в 1911 г. в имперские. Эти форумы, в которых участвовали ведущие политики британских колоний, были использованы для пересмотра внутриимперских отношений. Тема ревизии политико-правовых отношений впервые появилась в политической повестке Великобритании в ходе имперской конференции 1917 года. Политическая эмансипация доминионов была закреплена в ходе Парижской мирной конференции, завершившейся подписанием Версальского договора. Окончательно она была подтверждена несколько позже – после вступления доминионов в Лигу Наций в качестве полноправных членов⁴⁴.

Британская империя занимала особое место в «миропорядке империй» в середине XIX – начале XX века. Она обладала целым рядом особенностей, которые выводили ее из общего имперского ряда. Не случайно идеологическая и политическая гибкость британского колониализма, наряду с известной финансовой и торговой мощью, помогли ей устоять и даже по ряду положений укрепить свои позиции по итогам Первой мировой войны, что не удалось четырем другим великим империям. По форме государственного устройства ее можно отнести к монархическим государствам имперского типа. Британский монарх стоял во главе громадного государственного образования, хотя не имел, как в случае с империями Романовых или Габсбургов, серьезных властных полномочий. Монархия играла роль главного политического института и одновременно символа единства полиэтничной империи, являлась источником власти как авторитета. Она обеспечивала легитимность и преемственность имперских институтов, гарантируя формальное равноправие всех подданных независимо от национальной или расовой принадлежности. В то же время по типу колониального управления Британскую империю, очевидно, можно отнести к либеральным государствам имперского типа. Вместо жесткой контролирующей политики центра, которую осуществляли, например, французский или португальский колониальные режимы, британцы стали широко практиковать косвенные и неформальные методы управления. Они не боялись установления политического равноправия центра с «белыми» переселенческими колониями, предпочитали косвенное, а не прямое управление «цветными» владениями, активно занимались формированием общности интересов и даже ценностей элит метрополии и подвластных стран, были способны обеспечить относительно высокий уровень экономического развития колоний. Фактически именно Британская империя стала первой «либеральной империей» (действительно *либеральной* и без всяких оговорок *империей*) в истории человечества.

⁴⁴ Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М., 1967. С. 17-19.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики американской неформальной империи

2.1. Идейные истоки американской внешней политики

На протяжении всей американской истории представления об отличии американской нации, государства от всех существующих и ранее существовавших государств и обществ, об особой «американской миссии» и судьбе были одной из фундаментальных идеологических основ внешней политики США. Идейно-психологические истоки подобных воззрений можно обнаружить в самом начале развития американского общественного сознания – еще в период существования британских колоний в Северной Америке.

Интерпретация американской истории, господствующая в течение почти двух столетий, как в официальной историографии, так и в политической мысли США, утверждает, что с самого начала активного заселения Североамериканского континент стал благодатной почвой для укрепления идейно-политических течений, противопоставивших себя социально-экономическому и политическому устройству имперских монархических держав Европы. В соответствии с подобным видением истории американское общество изначально строилось на идеологических основаниях, антагонистичных абсолютистской власти европейских монархов и феодальному праву, опиравшейся на религиозное господство католической и англиканской церквей. Его базовые идейно-политические принципы были заложены еще протестантами, пуританами и квакерами, дополнены позднее идеями европейского и американского Просвещения; получили дальнейшее развитие и политическое оформление в революционном либерализме. Несмотря на идеологическую тенденциозность такое понимание американской истории, имеет свою логику. Действительно, идеологические основы становления американского общества и государства развивались в значительной степени как принципиально новое идейно-психологическое и даже мировоззренческое явление по отношению к общественному сознанию Европы.

Английские протестанты и пуритане первыми противопоставили свои конгрегации (религиозные общины) в Америке сословному устройству европейских государств, идеологической и политической власти папского престола, британского короля (как монарха и главы союза англиканских церквей), епископов и феодалов. Пуритане при-

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

несли с собой на Североамериканский континент религиозно-политические идеалы индипендентов – движущей силы Английской буржуазной революции⁴⁵. Они воспринимали свои поселения в Америке как библейский «Град на холме», «Новый Израиль» – царство равных праведников, которое должно показать своим примером путь остальным, в первую очередь европейским народам⁴⁶. Пуританская версия кальвинизма легла в основу важнейшей идейно-психологической составляющей национального сознания американцев – провиденциализма, то есть веры в божественное предначертание исторической судьбы их общества, которая впоследствии развилась в представления об «исключительности». Эта черта, в дальнейшем ставшая важнейшим элементом политического мышления американцев, развилась в милленаристское восприятие американской нации и веру в существование особой «американской миссии».

Квакеры, связанные с пуританами идеологически, привнесли в американское политическое сознание представления о «естественном праве» и «общественном договоре», как об основе организации управления общественными отношениями и отношениями между народами, основанные на идеях Т. Гоббса и Дж. Локка. Продолжив революционно-демократическую линию английских левеллеров, квакеры стали в Америке еще более активными, чем протестанты и пуритане, проводниками принципов сословного равенства, основанного на их вере в «равенство перед богом». Вместе с пуританами они стояли у истоков первых демократических институтов, появившихся как органы местного самоуправления. Во многом эта протодемократическая система копировала конгрегационалистские принципы устройства пуританских и квакерских церковных общин, создававшихся на основе взаимного соглашения между верующими – «конвенанта»⁴⁷. Власть первых органов самоуправления в колониях была основана не на монаршей воле, а на соглашениях между равными членами общины⁴⁸. И хотя, как справедливо отмечает россий-

⁴⁵ См.: *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

⁴⁶ *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 11-45; *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. Т. 1. М., 1962. С. 43-130; *Покровский Н.Е.* Ранняя американская философия. Пуританизм. М., 1989.

⁴⁷ См.: *Бурстин Д.* Указ. соч. С. 28-29.

⁴⁸ В управлении многими королевскими и частновладельческими колониями принимали участие ассамблеи колонистов. В наибольшей степени демократические начала проявились именно у квакеров. В колонии Пенсильвания, созданной на средства У. Пенна, двухпалатная Ассамблея колонистов имела едва ли не больше власти, чем назначаемый губернатор. См.: *Согрин В.В.* Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. № 1.

Часть I. Миропорядок империй

ский историк-американист В.В. Согрин, демократизм колониального самоуправления традиционно преувеличивался апологетическим направлением в американской историографии⁴⁹; его значение для развития американской национальной самоидентификации и политического сознания, а косвенно и для политической системы, было чрезвычайно велико. На представлениях о нем основывается важнейшая для американской *социально-политической мифологии* XIX – XX веков вера в «изначальные» демократические истоки американского общества. Начало этой традиции обычно связывается с официальной американской идеологией с подписанным «отцами-пилигримами» (пуританами) на борту судна «Мэйфлауэр» Соглашения об «объединении в гражданский политический организм»⁵⁰. Известный идеолог американского квакерства У. Пенн сформулировал идеи о том, что мир в обществе и между народами является важной ценностью, может тоже быть достигнут конвенционально – на основе всеобщего договора, а война и связанный с ней беспорядок противоречат «божественному промыслу»⁵¹.

Представления, установки и идеи, связанные с пришедшими из Европы идейно-политическими течениями не только заложили фундамент политического сознания будущей американской нации, но и до сих пор осознаются в этом качестве самими американцами, продолжают оказывать влияние на политическую мысль США. Понимание отличий собственных ценностей и идей от европейских заложено в общественном сознании и в сознании элит Соединенных Штатов устойчивую убежденность в том, что американское общество и государство с самого начала строились как отрицание европейского прошлого и связанных с ним политических принципов, институтов и идей – имперских, авторитарно-монархических, феодально-аристократических. Значение этой убежденности для формирования американского внешнеполитического мышления не только всегда было велико, но и возрастало, подогреваясь постоянными апелляциями к собственному историческому опыту многих поколений политических деятелей и идеологов США.

⁴⁹ Согрин В.В. Образование североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. 2002. № 1.

⁵⁰ См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 54.

⁵¹ Он противопоставлял конфликтному устройству Вестфальской системы возможность создания институтов надгосударственной власти – Палаты государств, способной урегулировать территориальные и другие споры европейских монархов. См.: Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского конгресса, парламента или палаты государств // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 115-135.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

В тоже время в американском общественном сознании всегда существовала идея культурно-языковой, общественно-политической и идейно-психологической преемственности по отношению к Европе и в первую очередь к Великобритании. На протяжении всей истории США вопрос о том, чего больше в американской идеологии и культуре (в том числе и политической) – британского наследия или его отрицания – волновал и продолжает волновать американских интеллектуалов, оставаясь важной частью идейной и политической жизни страны⁵². В этой связи одной из наиболее дискуссионных проблем традиционно была и остается Американская революция. И в политической публицистике, и в историографии с начала XX века продолжают споры о том, чем были события 1775-1783 годов в большей степени – борьбой за экономическую, религиозно-идеологическую и политическую свободу американцев (и за какую из этих свобод в первую очередь), или борьбой против Британской империи за независимость рождающегося американского государства, то есть, началом антиколониалистской миссии США.

Уже с середины XIX века вопрос о том, была ли Американская революция разрывом с английской политической традицией или ее закономерным продолжением, остается дискуссионным не только среди историков, но и идеологов внешней политики США. В конце XIX – начале XX века сторонники «продолжающейся» англо-американской традиции выступили с концепцией «англосферы» – культурно-исторической общности англосаксонских держав и даже проектами возможного политико-экономического и военного союза. Причем они отстаивались не только американскими теоретиками и политическими деятелями, но и рядом британских⁵³. После Второй мировой войны представления о том, что политическая система, американская политическая традиция и идеология Соединенных Штатов стали продолжением и новым переосмыслением английского наследия были одной из важных составляющих идейного обоснования установления «особых отношений» между превращавшимися в сверхдержаву США и теряющей свой имперский статус Великобританией. В первые годы XXI века концепция «англосферы» вновь стала привлекать вни-

⁵² См., например: *McDougall W.A. The Colonial Origins of American Identity // Orbis. 2005. № 1.*

⁵³ С различными версиями идеи общности англосаксонских народов и создания союза англоговорящих и государств в конце XIX – начале XX века выступали многие британские и американские политики, публицисты, идеологи – Т. Рузвельт, С. Родс, А. Милнер, Дж. Стронг, Дж. Фиске, Дж. Барджес и др.

Часть I. Миропорядок империй

мание научно-политического сообщества, находить своих сторонников и противников⁵⁴.

Победа в Войне за независимость, утверждение республиканской формы правления и принятие Конституции имели огромное значения для развития американской внешнеполитической идеологии – США стали государством, обладающим суверенитетом, то есть полноценным участником международных отношений. При этом государственным суверенитетом обладал не монарх, как в большинстве европейских государств, а сам американский народ, что было закреплено в принятой в 1787 г. американской Конституции⁵⁵. Эти представления подкреплялись связанной с идеологией евро-американского Просвещения верой в то, что США являются обществом, выстроенном на единственно «правильных» ценностях и рациональных основаниях⁵⁶. То есть фактом своего существования подтверждают саму возможность «разумного устройства» общества и мира, а соответственно могут служить образцом для переустройства других государств. Уже на заре истории независимого американского государства такие идеи сформировали в политическом сознании его граждан американцев и в первую очередь элит убежденность в том, что внешняя политика США всегда имеет более разумную и моральную направленность по сравнению с внешней политикой иначе устроенных государств того времени – то есть европейских империй и их колоний. Характеризуя эту особенность американского восприятия своего государства и его поведения в мире, Г. Киссинджер отмечал: «Даже в гамльтоновские времена, когда американская внешняя политика во многих отношениях напоминала политику европейских государств, ее оправдание выглядело совершенно иначе: как и сегодня, американцы тогда полагали, что их мотивы значительно выше мотивов Старого Света, которые, как им представлялось, отражают эгоистические устремления монархов. Напротив, американскую республику они рассматривали как государство, действующее по законам рационализма; ей было суждено служить образцом для народов, вынужденных жить при более жестоких режимах»⁵⁷.

Представления о том, что американское общество выстроено на единственно справедливых и рациональных основаниях, а его внеш-

⁵⁴ См.: The Anglosphere Illusion. (Idea of creating a union of English speaking nations) // The National Interest. 2001. Vol. 49. № 2; Bennet J. The Emerging Anglosphere // Orbis. 2002. Vol. 46. № 1.

⁵⁵ The Constitution of the United States of America // American Democracy in Theory and Practice. New York, 1955. Sup. 1.

⁵⁶ См.: Commager U. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. New York, 1977.

⁵⁷ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 266.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

няя политика мотивируется не интересами монархов и феодалов, как в европейских государствах, а интересами американского народа, прочно укоренились в американском общественном сознании. Подобное восприятие отличий устройства и поведения США от других государств, а значит, и «исключительности» американской внешней политики, стало основой для формирования представлений о том, что они могут и должны послужить образцом для других стран и народов⁵⁸.

Уже в начале XIX века вера в то, что американская государственно-политическая система более справедлива, нежели политические системы других государств (в первую очередь европейских империй), стала одной из догм внешнеполитической идеологии США и важнейшим средством легитимации американской внешнеполитической экспансии, представшей в форме вытеснения европейских колониальных империй из Западного полушария.

2.2. От идеологии «антиимперии» к либеральному империализму

Начало нового этапа в развитии американского внешнеполитического мышления и идеологических оснований поведения США в мире связано с появлением первой официальной американской экспансионистской концепции – так называемой «доктрины Монро». Сформулированная на основе идей самого президента Дж. Монро и госсекретаря Дж. К. Адамса (впоследствии также ставшего президентом США), провозглашенная в 1823 г. в форме обращения президента к конгрессу, она была направлена против амбиций Российской, Британской и Испанской империй в Западном полушарии⁵⁹. В американской политической практике доктрина, провозглашенная президентом как главой исполнительной власти перед парламентом, фактически рассматривается как политико-правовой акт и всегда предшествует созданию политического прецедента, закрепляющего ее применение. Хотя такие установочные политические доктрины формально не носят прямой законодательный характер, в дальнейшем применяется практика многократного обращения к однажды созданному политическому прецеденту для легитимации последующих внешнеполитических акций и выстраивания новых концепций.

⁵⁸ Американский политолог У. Рин охарактеризовал эти представления как «якобинскую» основу мышления идеологов современной «американской империи». См.: *Ryn C.G. The Ideology of American Empire // Orbis. 2003. № 3.*

⁵⁹ См.: *Perkins D. Hands off: a history of the Monroe Doctrine. Boston, 1941; Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро (Происхождение и характер). М., 1959.*

Часть I. Миропорядок империй

По сути, доктрина Монро стала первым манифестом американской политической элиты⁶⁰, действующей от имени нового государства, который содержал претензии на доминирование в сопредельных с США регионах⁶¹. До этого американские элиты рассматривали свое государство исключительно как находящееся в состоянии постоянной обороны по отношению к имперским державам Европы, связанным с ними ценностям, моделям общественно-политических отношений, и их колонизаторской внешней политике. Появление американского классического изоляционизма ознаменовало начало становления в мышлении элит США собственных имперских устремлений. Устремления, направленные на вновь формирующиеся государства Западного полушария, оттенялись обещанием, что США будут соблюдать нейтралитет в европейских конфликтах, а также утверждением о том, что они не будут вмешиваться в отношения европейских держав и их колоний не объявивших свою независимость. Однако в доктрине Монро получил отражение важнейший политико-идеологический принцип, определивший в дальнейшем специфику развития американского империализма. Это был принцип единства распространения американского влияния, либеральных ценностей и демократической организации национальных политических систем, который превращал США в своего рода антиимперию, противостоящую державам Священного союза в Западном полушарии. Доктриной Монро он противопоставлялся провозглашаемому входящими в Священный Союз империями «праву на интервенцию» в целях восстановления власти «законного монарха». Выступив против того, чтобы абсолютистские и конституционно-монархические империи Европы «распространяли свои политические системы» в Западном полушарии, США проявили себя как «неравнодушного» защитника права «южных братьев» следовать принципам демократического государственного устройства, то есть их собственному политическому примеру, понимавшемуся американскими элитами как воплощенный политический идеал⁶².

⁶⁰ Хотя Дж. Монро успел принять участие в Войне за независимость и в строительстве политико-правовых основ американского государства, он и Дж. К. Адамс фактически принадлежали ко второму поколению политических элит США — «молодым патриотам», которых «начала раздражать осторожная политика старомодных республиканцев, руководимых Джефферсоном и Мэдисоном». См.: *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. Т. 2. М., 1962. С. 91-92

⁶¹ О внутриполитической и международно-политической обстановке принятия доктрины Монро см.: *May E.R.* The Making of the Monroe Doctrine. Harvard, 1975.

⁶² Transcript of Monroe Doctrine. President J. Monroe's Seventh Annual Message to Congress. 1823. December, 2. См.: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=23>.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

Либеральный экспансионизм, впервые проявившийся в связи с доктриной Монро как официальная американская внешнеполитическая идеология, получал дальнейшее развитие в «изоляционистских»⁶³ и «панамериканистских» идеях на протяжении всего XIX и в начале XX веков. Идеи, заложенные в доктрине Монро, в значительной степени были выведены политической элитой США за пределы исторического контекста ее принятия и стали идеологической основой американской внешнеполитической традиции. К доктрине Монро обращались не только как к идейному обоснованию определения выбора приоритетов и направленности поведения США по отношению к европейским державам и соседям по континенту, но и как к историческому оправданию его легитимности. На этой основе сформировалось течение американской внешнеполитической мысли – «монроизм»⁶⁴, сохранявшее ведущие позиции вплоть до начала Первой мировой войны.

На рубеже XIX–XX веков либерально-империалистическое внешнеполитическое мышление американского государственного истеблишмента получило выражение в новых концепциях поведения США по отношению к европейским империям в Западном полушарии, развивавших идеи, заложенные Дж. Монро и Дж. К. Адамсом, в так называемых «доктрине Р. Олни» и «доктрине Т. Рузвельта»⁶⁵. Как справедливо отмечает В.Л. Мальков, американский изоляционизм проявлялся как соблюдение принципа невмешательства преимущественно в отношении Европы и то не безоговорочно (до на-

⁶³ Известные исследователи и идеологи американской внешней политики Г. Киссинджер и У.Р. Мид справедливо отделяют экспансионистский изоляционизм Дж. Монро от радикального «континентального» изоляционизма, который они оба называют «джексонианским» – по имени основателя демократической партии и седьмого президента США Э. Джексона (1829–1837), который стал первым главой американского государства, ведущим происхождение из континентальной земледельческой глубинки. Поэтому он стремился отмежеваться от любых отношений с Европой, ориентировать нацию к дальнейшему движению на Запад. См.: *Mead W.R. The Jacksonian Tradition // The National Interest. 1999/2000. № 58; Киссинджер Г. Указ. соч. С. 274.*

⁶⁴ Доктрина Монро оказала огромное идеологическое воздействие на построение всех последующих американских внешнеполитических доктрин XIX – начала XX веков. Подробнее о значении доктрины Монро и «монроизма» для идеологии и практики американской внешней политики. См.: *Perkins D. Op. cit; Selig A. The Isolationist Impulse. Its Twentieth Century Reaction. London – New York, 1957. P. 9-31.*

⁶⁵ В американской историографии они обозначаются с помощью правового термина «следствие» или «вывод» (*corollary*), характерного для англо-американской прецедентной правовой системы: «следствие Олни» (*Olney Corollary*) и «следствие Рузвельта» (*Roosevelt Corollary*) из доктрины Монро.

Часть I. Миропорядок империй

чала Первой мировой). Он опирался на сформировавшееся в политическом сознании американцев неприятие европейского колониально-имперского влияния и связанной с ним идеологии и политической практики, противоречащих американским: «Исстари со времен первых переселенцев окрашенное в религиозно-нравственные тона стремление американцев оградить свою страну, Новый Свет, от «скверны», конфликтности Старого Света не отменяло желания переподчинить себе другие регионы. Принцип невмешательства к ним не применялся»⁶⁶. Развитие таких идей стимулировалось укреплением американского торгового и промышленного капитала, который активно осваивал новые рынки вне пределов США, создавал собственные сферы влияния, вытесняя европейских конкурентов из Латинской Америки, а затем и из Юго-Восточной Азии.

В доктрине внешней политики США в Латинской Америке, сформулированной в 1895 г. госсекретарем США Р. Олни в форме ноты протеста по поводу действий Великобритании в отношении Венесуэлы⁶⁷, была подтверждена готовность США препятствовать всеми средствами (включая военные) распространению влияния европейских империй. Эта концепция, наряду с доктриной Монро, стала теоретическим и этико-политическим обоснованием участия США в Американско-испанской войне 1898 года, которая интерпретировалась самими ее идеологами как оказание помощи народам Кубы и Филиппин, борющимся против колониального гнета Испанской монархии. Основанная на либерально-экспансионистских идеях монроистского изоляционизма, внешняя политика США конца XIX века подкреплялась уже прочно укоренившейся в сознании американцев убежденностью в том, что личная предпринимательская инициатива и право частной собственности, связанное в их представлениях с личным успехом, универсальны, а ограничения экономических и прочих свобод (особенно в отношении американских граждан) могут быть поводом для вмешательства в дела других государств⁶⁸.

Доктрина президента Т. Рузвельта⁶⁹, провозглашенная перед парламентом США в конце 1904 года, привнесла в концептуальные

⁶⁶ Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 25-26.

⁶⁷ Поводом для декларации послужила проблема размежевания границы между Британской Гвианой и Венесуэлой. В 1895–1896 годах Великобритания попыталась заявить свои права на часть территории Венесуэлы.

⁶⁸ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 24.

⁶⁹ Ее принятию предшествовал ряд внешнеполитических акций со стороны США, выдержанных в русле доктрин Монро и Олни. В 1902 г. США остановили военное вторжение Великобритании, Германии и Италии в Венесуэлу; в 1903 г. с помощью смены правительства Панамы США приобрели Панамский канал.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

основы американской внешней политики новые идеологические элементы. В ней произошло соединение различных по своей природе идейно-политических компонент, оказывавших в тот период значительное влияние на внешнеполитическое мышление не только самого Рузвельта и его окружения, но и всего американского истеблишмента. Особое значение для формирования доктрины имели популярные в правящих кругах США теории военно-морской мощи А.Т. Мэхэна; историософские концепции «превосходства» англосаксов и создаваемых ими демократических политических учреждений Д. Фиске и Д. Барджеса; историко-геополитические идеи «подвижных границ» Ф. Тернера; теологический социал-дарвинизм Д. Стронга; панамериканизм Г. Лоджа; этико-экономическое обоснование экспансии Б. Адамса⁷⁰. На формирование идеологии американского экспансионизма начала XX века в более широком смысле оказали значительное влияние: геополитические и военно-силовые теории международных отношений, связанные с европейской идейной традицией осмысления отношений в Вестфальской системе; широко распространившиеся в сознании европейских и американских элит социал-дарвинистские представления об историческом процессе, которые особенно укрепились в США в форме идей англосаксонского превосходства; характерное для американского мышления соединение либерально-демократического мессианства, протестантского и пуританского провиденциализма, получившее обобщение в историографической и политико-публицистической традиции в виде концепции «предопределения судьбы» или «явного предназначения» (*Manifest Destiny*)⁷¹.

На первый план в доктрине Рузвельта выдвигались идеи, сформулированные в ценностноцентричном ключе. Привнесенная Рузвельтом концепция пресечения «неправильного поведения» (*wrongdoing*) распространяла принцип вмешательства доктрины Олни не только на случаи предотвращения колониальных захватов

⁷⁰ Подробнее см.: Дементьев И.П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX – XX в.) М., 1973.

⁷¹ Впервые понятие «Manifest Destiny» ввел в политический оборот еще в 1845 г. влиятельный американский публицист Дж. Л. О'Салливан. Он был близким другом президента США Дж. Полка и одним из идеологов экспансионизма. Концепцию «предопределения судьбы» он выдвинул для обозначения американского политического мессианства, которое он сам воспринимал апологетически. О'Салливан использовал идею «предопределения судьбы» выступая в поддержку действий администрации Дж. Полка по присоединению к США Техаса. См.: Pratt J. Expansionists of 1898. New York, 1951. P.1-2.; США: политическая мысль и история / Под ред. Н.Н. Яковлева. М., 1976. С. 53-54.

Часть I. Миропорядок империй

европейских империй в Западном полушарии, но и на те ситуации, когда устанавливающиеся в странах Латинской Америки режимы не соответствуют американским представлениям о демократии: «Главное, что хочет эта страна (США. – Ф.В.): видеть соседствующие с ней страны стабильными, благонравными и процветающими. Любая страна, народ которой ведет себя достойно и правильно, может рассчитывать на нашу сердечную дружбу. Если нация проявляет понимание того, как вести себя с разумной продуктивностью и благопристойностью в общественных и политических делах, если она поддерживает порядок и следует своим обязательствам, то ей не нужно опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов»⁷².

И хотя особое внимание в доктрине Рузвельта по-прежнему уделялось Латинской Америке, впервые сфера компетенции США распространялась не только на Западное полушарие: «Хроническое неправильное поведение или неспособность, ведущая к повсеместному ослаблению уз цивилизованного общества, может, в конечном счете, вызвать в Америке или где-либо еще необходимость вторжения со стороны цивилизованной нации. В Западном полушарии следование доктрине Монро может вынудить Соединенные Штаты в случаях такого вопиюще-неправильного поведения, как бы это ни было нежелательно, к исполнению обязанностей международной полицейской силы»⁷³. Необходимость расширения сферы американской либерально-мессианской экспансии была обусловлена заинтересованностью бурно развивающихся американских трестов на рубеже XIX–XX веков в активном внедрении не только на латиноамериканские рынки, но и в Китай, в Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономический экспансионизм, стимулировавшийся в условиях огромного промышленного роста и монополизации американской экономики необходимостью избежать кризиса перепроизводства, подогревал идеологическую риторику, обосновавшую необходимость военно-политической экспансии⁷⁴.

Американский изоляционизм и экспансионизм имеют общую природу – оба они направлены на расширение сферы американского влияния, если не географической и военной, то экономической, политико-идеологической. Различие состоит лишь в том, что классический изоляционизм возник намного раньше и ограничивал сферу американской экспансии Западным полушарием⁷⁵, а либераль-

⁷² Transcript of Theodore Roosevelt's Corollary to the Monroe Doctrine. Excerpted from Theodore Roosevelt's Annual Message to Congress. 1904. December 6. См.: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?doc=56&page=transcript>.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Подробнее об экономических истоках идеологии и практики американского экспансионизма конца XIX – начала XX века см.: *Дементьев И.П.* Указ. соч. С. 36–49.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

ный империализм готов был продвигаться дальше, не только расширяя зону интересов США, но и преобразуя ее в соответствии со своими идеологическими установками. Суть расхождений между либеральным империализмом Т. Рузвельта и классическим изоляционизмом заключалась не в различном понимании особой американской «миссии» в мире и ее ценностных основ, а в разном видении подходов к ее возможному осуществлению. Изоляционисты продолжали видеть главной задачей американской внешней политики необходимость защиты завоеваний американского общества от любых посягательств извне, а условием ее достижения – неучастие Америки в делах Старого Света и недопущение проникновения европейских империй в Западное полушарие. Они считали, что американская «национальная миссия» в первую очередь состоит в том, чтобы сохранять и развивать то общество и государство, которое возникло в США и которое должно являть пример другим народам. Сторонники либерального империализма полагали, что США должны не только поддерживать и укреплять свои общественно-политические достижения, но и способствовать всеми силами (включая военные) распространению американской модели организации общества, экономики и политической системы, а также ее ценностных основ.

Морализаторская направленность доктрины Рузвельта позволяла использовать ее в качестве эффективного пропагандистского прикрытия американских экспансионистских устремлений, а также как механизм политико-психологической мобилизации внутри США при подготовке военно-политических акций. Первым прецедентом применения содержащегося в доктрине принципа предотвращения «неправильного поведения» стала американская интервенция на Кубу в 1906-1909 годах, в ходе которой был приостановлен революционный кризис и создано новое правительство. Действия новых кубинских властей направлялись напрямую из США. Именно на Кубе американцами был предпринят первый опыт практического воплощения представлений о возможности управляемой реорганизации тех государственных систем, политические режимы которых неадекватны американским ценностно-идеологическим установкам. Положенный в ос-

⁷⁵ Лишь к началу XX века американский изоляционизм «закостенел» и окончательно превратился из идейного обоснования экспансии в Западном полушарии в джексонскую концепцию самоустранения США из мировой политики и ограничения сферы приложения американских внешнеполитических усилий «старым домом». Именно в этом виде изоляционизма придерживались сенатор-республиканец У.Э. Бор и другие его приверженцы, противодействовавшие следованию универсалистским установкам В. Вильсона и вступлению США в Лигу Наций. Именно такого изоляционизма придерживались США в 1920-1930-е годы. См.: *Bartlett C.J. The Rise and Fall of Pax Americana. London, 1974. P. 54.*

Часть I. Миропорядок империй

нову этого опыта принцип позднее стал базовым для формирования во второй половине XX века концепции выстраивания государства (*nation building*), применявшейся США по отношению к странам, в которых смещался (как правило, с помощью военных средств) режим, отождествлявшийся с «неправильным поведением»⁷⁶.

Начиная с правления администрации Т. Рузвельта, США стали выступать не только как сила, готовая поддержать революционную борьбу других стран Западного полушария против европейского колониализма, но и как региональная гегемония, готовая расправится с любой революцией, идейно-политическая направленность которой не соответствует американским интересам и ценностям. Это было связано, во-первых, с тем, что США уже прочно укрепились во всех зонах своих экономических и политических интересов и не намерены были упускать никакой из регионов, находившихся в сфере их влияния, и, во-вторых, с активным развитием мирового социалистического движения, чья революционная деятельность в идеологическом отношении не совпадала с установками американского либерализма.

Доктрина Рузвельта ознаменовала окончательный переход в сознании американских элит от идеологических установок классического изоляционизма, ориентированного прежде всего на противодействие колониалистским устремлениям европейских империй, к экспансионистской ориентации. Если в начале XIX века в американской внешнеполитической идеологии проявлялись лишь отдельные представления либерально-экспансионистского характера, в середине XIX века эти идеи набирали популярность, то в период правления президентов Т. Рузвельта и В.Х. Тафта либеральный империализм стал не только идеологией американской внешней политики, но и одной из аксиом в мышлении правящих кругов США. Доктрина Рузвельта стала отражением в идеологической сфере тех изменений в мировой экономике и политике, которые сопровождали превращение миропорядка, в котором господствовали европейские колониальные империи, в империалистический, основанный на военно-экономическом соперничестве ведущих капиталистических держав. Опираясь на американский монополистический капитал и свое многократно возросшее военное могущество, США уже могли участвовать в экономической и военно-политической конкурентной борьбе на равных с европейскими державами не только в Латинской Америке, но и в других регионах мира – в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сферы экономических интересов американских

⁷⁶ О различных стратегиях реализации Соединенными Штатами концепции «*nation-building*» в XX веке см.: *Dobbins J.F. America's Role in Nation-building: From Germany to Iraq // Survival. 2003-2004. Vol. 45. № 4.*

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

элит и государства также расширились и продолжали расширяться⁷⁷. Укрупняющиеся и разрастающиеся американские тресты и корпорации, стали активно вторгаться в сферы, которые прежде были вотчиной европейского капитала, осваивать новые рынки, включая рынки европейских держав и их колоний⁷⁸.

2.3. Вильсоннианский либеральный универсализм

Новый этап в развитии идеологических основ американской внешней политики связан с появлением системы идей о международных отношениях и их организации, которую принято называть «вильсоннианством». В историографии ее возникновение традиционно связывают с политическими взглядами и деятельностью президента США В. Вильсона, в особенности с его выступлениями и заявлениями в ходе Первой мировой войны и по ее окончании, а также с его участием в Парижской мирной конференции.

Появление идеологического феномена вильсоннианства было подготовлено целым рядом факторов, обусловленных как социально-экономическим развитием США, так и возникшими международно-политическими условиями. Главным условием рождения идеологии вильсоннианства была Первая мировая война. Вступление США в войну не только стало отказом от изоляционистских принципов неучастия в международной жизни на европейском континенте, но и от правила не брать на себя обязательств и не вступать в межгосударственные союзы. Промышленность США интенсивно развивалась в отличие от европейской, сильно пострадавшей в ходе войны и переориентированной на производство военной продукции. Благодаря поставкам промышленной продукции и продовольствия европейским союзникам Соединенные Штаты превратились из должника в крупнейшего кредитора Европы. Кроме того, американский банковский капитал возлагал надежды на участие в восстановлении европейской экономики⁷⁹.

⁷⁷ С 1897 по 1914 г. американские инвестиции за рубежом выросли в 5 раз, с 700 млн. долларов до 3,5 млрд. долларов. См.: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 15; *Chambers J.W.* *The Tyranny of Change: America in the Progressive Era. 1890—1920.* New York, 1992. P. 77.

⁷⁸ К 1913 г. США производили 65% добываемой в мире нефти, 56% меди, 39% угля, 36% железной руды, лидировали в области автомобилестроения, первыми перешли к конвейерному производству. См.: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 48-49.

⁷⁹ Эти надежды смогли сбыться уже после отставки В. Вильсона — в 1920-е годы. Многие крупные американские компании стали активно инвестировать средства, создавать производственные и торговые филиалы в Европе. В первую очередь, США смогли взять в свои руки инициативу в восстановлении экономики Германии. См.: *Bartlett C.J.* *Op. cit.* P. 44; *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 75—76.

Часть I. Миропорядок империй

Идеи Вильсона стали продолжением развития либерально-империалистской внешнеполитической идеологии Соединенных Штатов и впитали в себя многие представления «империалистов 1898 года», а также традиционный американский мессианский провиденциализм. Несмотря на то, что Т. Рузвельт и В. Вильсон выступали как соперники на выборах 1912 года, их стратегические внутри- и внешнеполитические цели и приоритеты были очень близки. Различалась лишь риторика – более националистическая в первом случае и более либеральная во втором⁸⁰. В тоже время система идей, на которую впервые американская внешняя политика попыталась опереться в годы президентства В. Вильсона, привнесла в идеологические основы поведения США в мире ряд новых черт и элементов.

В основе вильсонизма лежала ставшая к началу XX века уже характерной для политической мысли США убежденность в том, что американская система ценностей и политический опыт являются наиболее успешными и могут быть заимствованы другими народами. Фактически в «Послании о 14 пунктах», с которым президент В. Вильсон выступил 8 января 1918 г. перед объединенным заседанием обеих палат американского парламента, была сделана попытка предложить идеологические основы американского общества (либеральные и христианские ценности и основанные на них конвенционалистские принципы организации отношений внутри американского государства, а также демократию) в качестве универсального рецепта организации отношений внутри других государств и между государствами. Соответственно, Вильсоном и его сторонниками подразумевалось, что такое мироустройство будет в значительной степени «американским», то есть США будут более, чем какая-либо другая страна, способны и готовы успешно играть по установленным в нем правилам (главное – чтобы эти правила были). Г. Киссинджер так охарактеризовал эту особенность идеологии либерального универсализма: «Америка не желала довольствоваться ролью лишь одного из многих государств, преследующих свои национальные интересы. Доктрина Вильсона отвергала такое моральное равенство, которое ставило бы Соединенные Штаты в один ряд с другими государствами. По Вильсону, у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образу и подобию»⁸¹.

Важным новым идейным элементом, привнесенным вильсонизмом в идеологические основы внешней политики США, стал институционализм. Вильсон первым попытался придать институционалистским принципам, характерным для американской политиче-

⁸⁰ См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. С. 209-210.

⁸¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 272-273.

Глава 2. Формирование идейных основ внешней политики...

ской системы, универсалистскую направленность. Он выдвигал программу замены существующих отношений между государствами, которые, по его мнению, были выстроены на волюнтаризме и национальном эгоизме, новым порядком, основанном на признании главенства международных институтов, чей статус и возможности определялись коллективным договором. Фундаментальные для американского политического мышления представления о том, что властные структуры должны возникать на основе «общественного договора» понимались Вильсоном и его сторонниками как вполне легитимная идейная основа для создания органов коллективного управления международными отношениями – урегулирования конфликтов и решения спорных вопросов между государствами. Вильсонизм ввел во внешнеполитическую идеологию США устойчивую убежденность в том, что создание институтов, действующих на основе договора, и их дееспособность возможны, если только все участники договора будут разделять общие ценности (либеральные и христианские) и следовать политическим принципам мирной конкуренции. Причем несоблюдение этих принципов должно пресекаться всем обществом. Именно В. Вильсоном была впервые переведена из теоретико-философской сферы в область политической практики сама проблема легитимности в международных отношениях – выдвинуты этические критерии легитимности поведения государств⁸². Эти принципы должно было закрепить создание легитимных международных институтов Лиги Наций.

Кроме того, вильсонизм заложило еще одну линию в американской внешнеполитической идеологии, ставшую одной из определяющих для ее развития на протяжении последующих 80 лет. Именно при Вильсоне американский либеральный универсализм противопоставил себя другой универсалистской идеологии – коммунизму⁸³.

---

⁸² По отношению к Западному полушарию США поставили вопрос о легитимности колониалистской внешней политики европейских империй еще в доктрине Монро. Затем в доктрине Т. Рузвельта они распространили критерий легитимности и на оценку правящих режимов в государствах этой части мира. Вильсон попытался придать этому принципу универсальное применение. Подробнее о проблеме легитимности в мировой политике и международных отношениях см.: *Косолапов Н.А.* Легитимность в международных отношениях: эволюция и современное состояние проблемы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2005. № 2.

⁸³ См.: *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.

Глава 3.

Либеральный универсализм начала XX века и создание Лиги Наций

Проблема мирорегулирования в той или иной форме неоднократно выдвигались представителями европейской политической и философской мысли. Т. Мор, Г. Гроций, И. Кант известны своими размышлениями о возможных путях обеспечения мира в отношениях между народами⁸⁴. Мыслители эпохи Просвещения уделяли значительное внимание проблеме идеального правления и установления «вечного» мира в отношениях между европейскими государствами. В этой связи они обращались и к истории, в частности, к уникальному историческому опыту Римской империи. Одни идеализировали ее устройство, другие, подобно Ш. Монтескье, доказывали невозможность длительного существования столь грандиозных политических образований⁸⁵. В конце XVIII века идея создания надгосударственного политического объединения в Европе увлекла И. Канта, придавшего ей подлинно философскую глубину. Однако вскоре после этого Наполеон доказал, что времена мирного и подлинно «просвещенного» объединения Европы еще не настали. Парадокс эпохи наполеоновских войн состоял как раз в том, что в ходе ожесточенных сражений на европейском континенте на основе антинаполеоновской коалиции держав возник один из первых органов реального регулирования международных отношений – Священный Союз.

Сокрушив Наполеона, ведущие европейские державы проявили очевидное стремление к достижению прочного мира на основе определенного баланса интересов стран-участниц антинаполеоновской коалиции и прежде всего – Австрийской, Российской, Британской империй и Прусского королевства. Дипломаты, монархи и политические деятели вполне закономерно пришли к мысли о том, что установление общеевропейского равновесия нельзя доверять слепой игре случая. Впервые в истории Европы была предпринята целенаправленная попытка создания такого механизма международного регулирования и установления порядка, который обеспечивал бы относительное равновесие ведущих европейских держав, закрепляя сложившийся на тот момент статус-кво. Контуры подобного относительно устойчивого миропорядка были прочерчены в 1814-1815 го-

⁸⁴ *Ostrower G.B.* The League of Nations: From 1919 to 1929. New York, 1996. P. 1.

⁸⁵ *Монтескье Ш.Л.* Размышления о причинах величия и падения римлян // *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955. С. 47–56.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

дах на Венском конгрессе, где и была предпринята попытка создания структуры для поддержания прочного мира и стабильности на европейском континенте. Договоренность о созыве регулярных конференций по проблемам европейской безопасности и политической стабильности, а также способность к реальному силовому вмешательству в политические события в Европе создали принципиально новый прецедент в развитии системы международных отношений. Союз императоров оказался нацелен не только на противостояние европейским революционным и национально-освободительным движениям. Кроме того, он фактически налагал на каждую их входящих в Священный Союз держав ряд регулирующих их поведение обязательств, создавая тем самым институциональную основу для поиска компромиссов. В результате на несколько десятилетий Европу удалось избавить от фронтальных столкновений великих держав.

На протяжении всего XIX века правительства Европы продолжали развивать имперские формы государственно-политической организации. Империи оставались стержнем европейского порядка. Однако в Новом Свете в это же время была прочерчена несколько иная траектория развития. Одним из ведущих внешнеполитических принципов, выдвинутых Соединенными Штатами в XIX веке, стал антиимперский и либеральный универсализм. Его основы были заложены еще президентом Т. Джефферсоном, который считал, что Америка должна служить ориентиром и «светочем свободы» для всего мира, при этом опираясь не на силу, а увлекая других своим примером⁸⁶. В американском универсализме всегда присутствовал элемент наивного убеждения, что все, что в институциональном плане пригодно для Америки, годится также и для остального мира. Американский универсализм, хотя бы на уровне деклараций, был более бескорыстным, нежели европейский экспансионизм. Он почти не был связан с территориальными захватами, за исключением акций по реализации доктрины Монро⁸⁷. Если в европейском экспансионизме, прочно ассоциировавшемся с колониализмом,

⁸⁶ Шелдон Г. Политическая философия Томаса Джефферсона. М., 1996. С. 55-69.

⁸⁷ Доктрина Монро (1823), являясь ответом на создание Священного Союза, содержала два основных тезиса: американские континенты больше не могли рассматриваться как объект колонизации европейскими державами; угнетение и контроль Латиноамериканских государств расценивались США как недружественный акт. Будучи направленной против империй Старого Света, изоляционистская по сути доктрина, провозглашала своим основным принципом «невмешательство в чужие дела». Но, в действительности, она не стала препятствием для вмешательства США в политику других стран и даже превращения их в свои протектораты. Примерами такой политики стали колониальные по своей сути войны с Филиппинами, Панамой, Гаити и др. См.: *Hugh-Jones E.M. Woodrow Wilson and American Liberalism. London, 1947. P. 126-127.*

Часть I. Миропорядок империй

лизмом, превалировало цивилизаторское начало, то в американском – христианское и либеральное. Америка посылала в заморские страны больше миссионеров, чем все европейские державы, вместе взятые. Америка всюду проповедовала свободу, в то время как европейцы ценили ее главным образом у себя дома.

Отступления от официально заявленного бескорыстного универсализма естественно имели место и неоднократно. Так, государственный секретарь А. Гамильтон наделял либерально-универсалистскую идею известной долей прагматизма. Он говорил о том, что Соединенным Штатам всегда надо помнить о своих интересах, поэтому достаточно мощные вооруженные силы, державная политика, внешний блеск так же необходимы США, как и любому другому крупному государству. На пороге XX века эти идеи стали получать практическое воплощение, когда относительная освоенность внутренних пространств Америки и экспансионистский пример Европы «потребовали» активного участия США в международной политике в качестве соперника сильнейших держав того времени.

На заре XX века система баланса сил, сформировавшаяся на европейском континенте на протяжении второй половины предыдущего столетия, стала давать сбой. Возникавшая система военно-политических союзов крупнейших европейских держав вела к перманентному балансированию Европы на грани большой войны. Получившие широкое распространение социал-дарвинистские идеи способствовали тому, что межгосударственное соперничество воспринималось как логическое продолжение «естественных» законов природы. Борьба за еще неосвоенное и уже колонизированное пространство планеты превратилась на волне воинствующего империализма в *idée fixe* мировой политики – продолжение естественного закона борьбы за существование. В новых условиях пространство рассматривалось как важнейшая составляющая национальной безопасности и как залог успешного экономического развития. Пространство давало ресурсы и обеспечивало рынки сбыта. Приобретение колоний сулило и значительный политический авторитет их обладателям. Несмотря на то, что уже к исходу первого десятилетия XX века колониальный раздел мира был практически завершен, он не являлся окончательным. Всегда находились спорные территории или фрагменты рассыпающихся империй. А гоббсианская, анархическая картина международных отношений подталкивала политических лидеров к опоре на силу в решении спорных вопросов с временно или фатально ослабевшими конкурентами.

Долгое время считалось, что мощным интеграционным потенциалом обладала мировая экономика. Именно экономическому фактору приписывалась решающая роль в поступательном движении челове-

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

чества по пути социального прогресса и строительства рационального ненасильственного мира. Еще в 1912 г. один из идеологов либерализма Норман Энджел писал, что технический прогресс вывел торговлю на принципиально новый уровень. Во взаимозависимом экономически мире война должна была утратить смысл как инструмент политики⁸⁸. Развитие событий не подтвердило столь благостных, хотя и вполне рациональных умозаключений. Международный кризис и разразившаяся мировая война похоронили надежды на поступательный прогресс человечества. Однако нельзя не признать, что тенденции развития мировой экономики в до- и послевоенный период явились определяющими предпосылками становления международных стабилизационных механизмов, принципов многополюсного сотрудничества и институтов выработки консолидированных решений.

Необходимость создания неких международных регулирующих механизмов (организаций и соглашений) также была озвучена еще накануне Первой мировой войны. Гаагский суд в некотором смысле мог служить прототипом такой международной организации. Но ввиду его функциональной ограниченности, сводящейся к правовому арбитражу рекомендательного характера, он был по определению неспособен адекватно реагировать на текущие международные события и осуществляемую ведущими державами подготовку к новой большой войне.

По мнению американского исследователя Г. Островера, в первое десятилетие XX века «интернационализм уверенно начинает делить политическую сцену с традиционным национализмом»⁸⁹. Однако, пожалуй, лишь Первую мировую войну можно назвать своеобразным рубежом, за которым последовало формирование новых принципов взаимоотношений между государствами. Конфликт невиданного ранее накала и масштаба наглядно продемонстрировал, что человечество становится все более взаимосвязанным.

Во время Первой мировой войны, затронувшей интересы большинства государств, возник целый ряд проектов мирорегулирования, создания институциональных основ будущего мироустройства. Лозунг о том, что добрая воля объединенных наций должна восторжествовать над силой, в равной степени находил поддержку в Великобритании (проект лорда Дж. Брайса), Греции (предложения Э. Венизелоса) и других странах. Часть этих планов затрагивала лишь региональные, прежде всего европейские, интересы. Другие предусматривали создание универсальной международной организации. И все же основы функционирования организации подобного рода не

⁸⁸ *Angel N.* The Great Illusion. London, 1912. P. 93-102.

⁸⁹ *Ostrower G.B.* Op. cit. P. 3.

Часть I. Миропорядок империй

могли быть заложены в условиях военного конфликта. Американский президент В. Вильсон, например, подчеркивал необходимость подписания мирного договора, за которым и должны были последовать соглашения по образованию содружества держав, исключающие возможность повторения катастрофы, подобной Первой мировой войне. «Абсолютно необходимо, – заявлял он, – чтобы в качестве гарантии незыблемости международного соглашения была учреждена сила, которая бы превышала силу любого государства или группы держав и, чтобы ни одно отдельное государство, ни возможная комбинация государств не могли бы противоборствовать ей»⁹⁰.

Страны Европы, понесшие огромные потери в ходе войны, стремились впредь оградить себя от возможных военных потрясений. США напротив пострадали сравнительно мало. И при этом приобрели большой политический и экономический вес. Вильсон верил в особую роль США на послевоенной международной арене, которая основывалась на превращении страны в главную промышленную и финансовую силу мира⁹¹. Именно поэтому доктрина «открытых дверей» была выдвинута США как универсальный принцип организации мировой экономики. И именно поэтому в ней было гораздо больше трезвого, рационального расчета и гораздо меньше идеализма, чем принято полагать. Проводя свои цели и реализуя свои экономические, территориальные интересы, США претендовали и на обладание определенным моральным ресурсом, подлинной непредвзятостью мышления в послевоенной ситуации как своего рода залогом предотвращения новой военной угрозы. В конечном счете политика «открытых дверей» была направлена на создание таких условий, при которых США, опираясь на обретенное финансово-экономическое и даже силовое превосходство после Первой мировой войны, будут в состоянии распространить американскую систему политических идей и принципов на всю сферу международных отношений⁹².

После окончания Первой мировой войны идеи доктрины Монро, слившись с новым экспансионизмом, протестантской доктриной «предопределения судьбы» и некоторыми другими традиционными идейными ингредиентами причудливым образом перевоплотились в вильсоновский универсализм. Соединенные Штаты в лице президента В. Вильсона в тот переломный момент истории выступили генератором новых принципов международных отноше-

⁹⁰ *Wilson W.* The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and other Papers (1913-1917) / R.S. Baker, W.E. Dodd (eds.). New York, 1926. Vol. 2. P. 414.

⁹¹ *Уткин А.И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 314.

⁹² *Williams W.A.* The Tragedy of American Diplomacy. New York, 1972. P. 50, 56.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

ний. Вильсон уделял заметное внимание теоретическим вопросам, связанным с эволюцией международных отношений. Он был убежден, что характерной особенностью международного права является его опора «на общие начала правоты и справедливости». Политической риторике американского президента было присуще почти библейское морализаторство. Даже проект договора о создании Лиги Наций, следуя библейской традиции, он называл «*Covenant*» (т.е. завет). Поступательное утверждение христианских ценностей и принципов демократии, по мнению В. Вильсона, должно было служить залогом построения прочных мирных взаимоотношений между народами⁹³. Можно согласиться с мнением профессора Т. Кнокка о том, что для Вильсона «христианская доктрина играла значительную, а возможно, и решающую роль в политических рассуждениях»⁹⁴. Сам президент США отождествлял акт создания Лиги Наций с практической реализацией идеалов христианского учения в сфере отношений между народами. После подписания мирного договора Д. Ллойд-Джордж с сарказмом вспоминал о выступлениях Вильсона в Версале, и о том, как наивно тот уверовал, что он – миссионер, призванный спасти бедных европейских язычников. В том же духе высказывался и Ж. Клемансо, когда называл «14 пунктов» столь же трудными для исполнения, как и Десять библейских заповедей⁹⁵.

Между тем, политику В. Вильсона в международных вопросах часто характеризуют как «идеализм замешанный на реалиях»⁹⁶. Признаки формирования идеологии либерального универсализма проявились в деятельности президента Вильсона еще в довоенный период. Уже в 1913 г. он представил комплекс предложений, известный как проект «всеобщего мира». Президент подчеркивал «возрастающее чувство общности интересов между нациями..., готовность идти на справедливые взаимные уступки»⁹⁷. Он полагал, что прочный мир следовало устанавливать путем преодоления непримиримых традиционных национальных интересов и амбиций. Начавшаяся вскоре Первая мировая война подтвердила практическую ограниченность американских пацифистских инициатив.

---

⁹³ Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С.189, 538-539.

⁹⁴ Кнокк Т. J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. Princeton, 1995. P. 4.

⁹⁵ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 159.

⁹⁶ American Foreign Policy. A history from 1900 to Present / T.G. Paterson (ed.). Lexington, 1988. P. 263.

⁹⁷ Послание президента Вильсона. Телеграммы // Русское слово. 1913. 20 ноября.

Часть I. Миропорядок империй

В ноябре 1915 г. Вильсон выдвинул задачу выхода США на мировую арену и участия в решении международных проблем, так как политика самоизоляции перестала соответствовать требованиям времени. Тогда и начинает формироваться представление о Соединенных Штатах, Белом доме, президенте как о международных посредниках. По мере «роста нашей мощи, – утверждал Вильсон, – мы стали определяющей силой в истории человечества»⁹⁸. Позиционирование США как мирового арбитра вынудило президента акцентировать внимание не на прагматических, а идеологических и моральных причинах вступления Америки в войну. Среди этих причин В. Вильсон обозначил защиту международного права, права малых государств, достижение мира, безопасного для демократии, борьбу против автократии и милитаризма, свободу мореплавания. Так начинался «крестовый поход за демократизацию всего мира»⁹⁹.

Обеспечение непрерывных связей между Америкой и Европой, защита свободы мореплавания и, соответственно, коммуникаций в открытом море предполагали вступление США в войну против Германии. Традиционная геополитическая концепция замкнутости в рамках американского континента оказалась подчинена императиву защиты экономических интересов Соединенных Штатов. Благодаря стремительному развитию производительных сил США к этому моменту уже достигли положения одной из ведущих в экономическом отношении мировых держав. Американские экономические интересы вступали в противоречие с политикой нейтралитета¹⁰⁰. Вильсон напрямую связывал процветание США с экономической экспансией. Однако Вашингтон остался верен идеалистической политической традиции, основы которой были заложены еще «отцами-основателями». Он аргументировал свое участие в войне не геополитическими или экономическими соображениями, а стремлением установить международный правопорядок в соответствии с нормами морали, которые были для Вильсона и его сторонников единственной основой прочного мира на Земле. В процессе эскалации мирового конфликта американская сторона неоднократно обращалась к воюющим странам с предложением обсудить условия, на которых мог бы быть заключен мир. США, став флагманом мировой экономики, от расположения которого непосредственно зависели европейские государства, все настойчивее заявляли, что им не безразлично, каким образом и на каких условиях закончится война.

⁹⁸ *Wilson W.* War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917-1924) / R.S. Baker, W.E. Dodd (eds.). New York, 1970. Vol. 2. P. 18.

⁹⁹ *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 53.

¹⁰⁰ American Foreign Policy. P. 266.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

В течение 1915-1916 годов «вильсоновские принципы» будущего мироустройства были конкретизированы. В их число вошли такие либерально-универсалистские идеи, как равенство всех наций и их право на самоопределение, установление свободы торговли и мореплавания, ограничение морских и наземных вооружений и ряд других. Принципиально значимым стало предложение президента «образовать Лигу Наций для обеспечения мира и справедливости во всем мире»¹⁰¹. В целом, взгляды Вильсона на новую систему отношений между нациями представляли собой довольно причудливое сочетание мотивов, свойственных традиционному американскому национализму, и новому интернационализму. С его точки зрения, существовало три фундаментальных принципа мироустройства: право народов на самоопределение; равенство малых и больших государств; исключение агрессии из арсенала средств мировой политики. Внимание президента было сосредоточено на разработке принципиальных основ внешней политики США, на идее создания «нового мирового порядка». Своего рода программным выступлением Вильсона по вопросам внешней политики стала его речь перед Лигой защиты мира, произнесенная в мае 1916 года.

Лига защиты мира была основана в Филадельфии еще в мае 1915 года, но приобрела особую актуальность в разгар очередной президентской гонки. Эта организация имела межгосударственный статус, а ее председателем был избран экс-президент США У. Тафт. К участию в ней на добровольных началах приглашались все заинтересованные державы. В Уставе Лиги декларировались такие принципы, как недопущение агрессии в отношениях между ее членами, процедура посреднического расследования и суд мировой общественности. Ее задача, состоявшая в том, чтобы «обеспечить мир реальными гарантиями против войны.., подразумевала за членами Лиги обязанность урезонить общего врага всеми экономическими и военными средствами, то есть силе противопоставить силу». По случаю годовщины ее образования Вудро Вильсон выступил с речью, в которой обозначил принципиальный момент нового внешнеполитического курса своего правительства: «Мы (американцы) не составляем более незаинтересованных наблюдателей. Мы, участники всей мировой жизни».

Современники расценивали эту речь президента как самую значительную в политическом отношении, как крупное историческое событие. В ней президент попытался представить перспективу развития международных отношений и определить основные задачи американской дипломатии на будущее. Здесь он впервые выдвинул идею создания послевоенной международной организации –

¹⁰¹ *Wilson W. The New Democracy. Vol. 2. P. 403-405, 410.*

Часть I. Миропорядок империй

Лиги Наций и сформулировал основные принципы ее функционирования. Лига Наций, по мнению Вильсона, должна была стать организацией, цели которой состояли бы в поддержании порядка и контроле за соблюдением «правил игры» в международном масштабе. Очевидцем выступления Вильсона стал известный российский публицист Р.М. Бланк, который назвал новую концепцию «широко понятым патриотизмом». «Вильсон заявил, что Америка хочет быть единой со всеми народами Европы. Старый узкий патриотизм отживает свое время. На смену ему идет новый патриотизм, широко охватывающий, основывающийся на любви к отечеству на любви к человечеству»¹⁰², – писал он.

События конца 1916 г. окончательно лишили Соединенные Штаты иллюзий относительно перспектив заключения скорого мира. Стало ясно, что война может закончиться лишь триумфом одной из сторон и поражением другой. Вудро Вильсон был поставлен перед выбором, кого из противников предпочесть и поддержать. Внешние обстоятельства неуклонно подталкивали Америку к отказу от политики нейтралитета. В январе 1917 г. появилось известное президентское послание Конгрессу, в котором прямо говорилось о том, что Соединенным Штатам небезразлично, каким образом и на каких условиях закончится война, а потому они намерены бросить все свое могущество на чашу весов для окончательного разрешения мирового конфликта. По признанию самого Вильсона, его мирные инициативы хотя и не принесли осязаемых результатов, но смогли заметно прояснить позиции сторон и возможные условия будущего мира. Кроме того, были предельно конкретизированы доктринальные основы дальнейшей внешней политики США. Основы будущего миропорядка, по мнению Вильсона, должны были формироваться Соединенными Штатами. Главными составляющими этого нового мира должны были стать: равенство всех наций и их право на самоопределение, образование Лиги Наций в качестве гаранта справедливости, свобода морей, ограничение морских и наземных вооружений¹⁰³.

Подобный поворот американской политики на деле означал полный разрыв с доктринальными положениями американского изоляционизма. Можно сказать, что Вильсон приносил доктрину Монро на заклятие европейской политической системе и панамериканизм склонял голову перед европоцентризмом. Но это была лишь иллюзия жертвы. На самом же деле вильсонизм становилось своеобразным «троянским конем», посредством которого Европа включалась в игру по американским правилам.

¹⁰² Бланк Р. Президент США о войне и мире // День. 1916. 27 июня.

¹⁰³ Заявление Вильсона в Сенате. Телеграммы // Новое время. 1917. 10 января.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

Новый мир, по мнению Вильсона, должен был в полной мере воспользоваться опытом как внешней, так и внутренней политики Америки. С одной стороны, президент предлагал перенести на глобальный уровень интегративный потенциал США, сформировавшийся после гражданской войны¹⁰⁴. С другой стороны, Вильсоном была выдвинута идея о придании глобального характера самой «Доктрине Монро» (позднее она была включена в устав Лиги Наций как статья 21).

Как замечает американский историк В. Вильямс, история США – это прежде всего история «подвижных, все время расширяющихся границ американской гегемонии». Идеологическим основанием так называемой «концепции подвижных границ» и была в значительной степени доктрина Монро. Идея же «подвижных границ» была воспроизведена в рамках вильсоновского универсализма в форме доктрины «открытых дверей». Американцы уже имели опыт расширенной интерпретации положений доктрины Монро применительно к ситуации в Западном полушарии. Согласно «дополнениям» Т. Рузвельта, определяющими организационными принципами международно-правовых взаимоотношений между странами Западного полушария стали свобода действий США и создание ими новых международно-правовых рамок для всего региона. За Вашингтоном признавалось и абсолютное право на вмешательство (вплоть до военного) в дела стран Западного полушария. Доктриной подразумевалось, что эти страны должны признавать американское доминирование в регионе и подчиняться господству США, держать двери своих экономик открытыми для американских монополий. Страны, оспаривающие право США на владычество, признавались доктриной недемократическими, и в их отношении США декларировали допустимость активного вмешательства во внутренние дела вплоть до военной интервенции¹⁰⁵. Провозглашение необходимости защиты демократии и свободы, односторонне провозглашенное право и обязанность прибегать к интервенции способствовали непрерывному расширению «подвижных границ» США, как неформальной империи.

После того как президент Вильсон провозгласил доктрину Монро в качестве универсально применимой концепции, а политику «открытых дверей» основным принципом организации мирового экономического пространства, стартовал процесс гомогенизации мира при решающей роли, а фактически под прямым руководством США. Американская история после окончания Первой мировой войны – это процесс универсализации американского влияния при

¹⁰⁴ *Ambrosius L.E. Wilsonianism: Woodrow Wilson and His Legacy in American Foreign Relations. New York, 2002, P. 21, 24.*

¹⁰⁵ *Basic Documents in American History / R.B. Morris (ed.). New Delhi, 1956. P.146-147.*

Часть I. Миропорядок империй

помощи стратегии «открытых дверей», неизбежно приводившей к расширению сферы финансово-экономического господства и установлению политической гегемонии Соединенных Штатов. С одной стороны, «Вудро Вильсон вовлек США в Первую мировую войну для защиты и закрепления доктрины и политики “открытых дверей” и для создания международной организации – Лиги Наций – в качестве средства институционализации и легитимации этой политики»¹⁰⁶. С другой стороны, «последовательно применяя политику “открытых дверей”», США намеривались распространить принципы доктрины Монро на весь мир»¹⁰⁷. Предложенные Вильсоном новые принципы мироустройства носили не настолько идеалистический смысл, как принято полагать. Их реализация позволяла США достичь прагматических стратегических целей.

Стремление распространить доктрину Монро в глобальном масштабе означало, во-первых, признание несостоятельности изоляционистских концепций и отказ от них, во-вторых, фактически провозглашение притязаний США на установление мировой гегемонии. Таким образом, известным ранее «миру по-британски» и «миру по-немецки» Белый дом предложил собственную альтернативу. Новый вариант мироустройства предполагал преодоление тенденции усиления империй, к чему неизменно приводили «европейские» системы миропорядка. Однако он же, в конечном счете, вел к возникновению одной глобально доминирующей мировой державы в лице США. Соединенные Штаты фактически проявили, таким образом, стремление к реструктурированию всей системы международных отношений и к созданию миропорядка, в котором они выступали бы в роли безусловного идейного, экономического и политического лидера.

В преддверии вступления США в Первую мировую войну, 8 января 1918 г. в послании американскому конгрессу В. Вильсоном было изложено содержание знаменитых «14 пунктов». В их рамках оказались заключены представления о некоей модели идеального правопорядка, которая предлагала решение наиболее острых проблем мировой политики.

Ключевой аспект программы был связан с обеспечением прочного мира и безопасности. Очевидно, что, требуя в пункте 1 «заключения открытых договоров о мире»¹⁰⁸, Вильсон тем самым наносил сокрушительный удар по тайной дипломатии, веками пестовавшейся в Европе. Дипломатия будущего, по Вильсону, не могла быть «подковерной» во избежание вооруженных конфликтов меж-

¹⁰⁶ *Williams W.A. Rise of an American World Power Complex. New York, 1968, P. 29.*

¹⁰⁷ *Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. P. 45, 112.*

¹⁰⁸ Архив полковника Хауза. В 4-х тт. М.-Л., 1944. Т. 4. С. 148-149.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

ду новыми блоками и сепаратными союзами. Вильсон полагал, что если внешнеполитические доктрины государств будут открыты к взаимному диалогу, то это позволит им избежать необходимости постоянного утверждения своих интересов силой оружия. Средства реализации пункта 1 содержатся в пункте 4: нациям предлагается произвести добровольное и взаимное «сокращение вооружений», заменив их более действенной силой – силой консолидированных решений. И, наконец, пункт 14 предельно четко демонстрирует механизм подобного умиротворения всех заинтересованных сторон. Совместная деятельность в рамках «всеобщей ассоциации наций», единой международной организации – Лиги Наций, позволит выработать «взаимные и равные гарантии»¹⁰⁹ суверенитета и безопасности. Таким образом, Вильсон предложил создать прочный механизм поддержания мира, основанный на принципах большей открытости, разоружения и международного сотрудничества. Рассмотренные принципы были направлены в первую очередь на подрыв классического колониализма, отрицавшего вестфальский принцип суверенитета по отношению к колониям.

Далее, изложенная в «14 пунктах» программа предполагала обеспечение стабильности политических условий для международных экономических отношений, которые позволили бы США, превратившимся в крупнейшую торговую и финансовую державу, доминировать в мировой экономике, вытеснить на второстепенные роли европейские империи. Именно в этом духе следует трактовать пункты 2, 3 и 5. «Вильсонские принципы» целиком пропитаны либеральным духом. Лозунг «свободы морей» (пункт 2) был призван ограничить морскую гегемонию великих держав, в первую очередь, Британии. Пространства мирового океана в будущем не должны были попадать в зависимость от ограниченных национальных интересов. Речь шла об абсолютной свободе торгового судоходства как в мирное, так и в военное время. Логическим продолжением принципа свободного морского товарообмена следует рассматривать требование об «уничтожении всех экономических барьеров» (пункт 3)¹¹⁰. Таможенные барьеры долгое время являлись главным препятствием интеграционных экономических процессов, даже для соседствующих друг с другом государств. Протекционизм, как основой признак государственной изоляции должен был уйти в прошлое. Наконец, в пункте 5 рассматривалась особая разновидность неравной международной конкуренции, основанная на искусственном сдерживании процесса освоения колониальных рынков. Таким

¹⁰⁹ Принципы демократии. Сборник документов. Берлин, 1924. С. 21-22.

¹¹⁰ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 149.

Часть I. Миропорядок империй

образом, пункт 5 также был направлен против старых колониальных европейских империй. Принцип «свободного и открытого разрешения всех колониальных притязаний»¹¹¹ является вариацией на тему известного лозунга «открытых дверей», который позволял на основе коллективных усилий повысить эффективность разведки и использования сырьевых запасов, увеличить наполняемость периферийных рынков конкурентоспособной продукцией. Комплексная реализация всех этих пунктов позволяла в перспективе образовать единое мировое экономическое пространство, функционирующее в соответствии с принципами свободной конкурентной борьбы, и лишить европейские колониальные империи их преимуществ в мировой экономике, а следовательно, и в политике.

Наконец, в «14 пунктах» было предложено решение одной из наиболее острых международных политических проблем – территориальной. Вильсон предложил по-американски универсальное решение. Территориальные вопросы предполагалось разрешать на основе принципов «национального равенства и справедливости». Пункты 6-13, как и в значительной мере пункт 5, утверждали в мировом масштабе неоспоримое право народов на самоопределение. Признание законным стремления малых наций на обретение суверенитета от великих империй привело в дальнейшем к образованию в Европе и во всем мире целой плеяды новых государств. Однако Вильсон выступал за поэтапную схему суверенизации, а некоторым народам и вовсе отказывал в праве на суверенитет¹¹². Синтезируя в своем понимании нации этнорелигиозные и либеральные взгляды, американский президент считал, что только «зрелые нации» должны иметь государственность¹¹³. Народы, прежде не знавшие самостоятельной государственности, по мнению создателя «14 Пунктов», должны быть прежде подготовлены к этому. Колониально-зависимые народы должны были постепенно, сначала экономически, а затем и политически вовлекаться в орбиту международных отношений. Это приводило бы к поступательному росту их национального самосознания (пункт 5). Предполагалось, что на определенном этапе политического развития вполне возможным стало бы образование широких «национальных автономий» в рамках многонационального образования (пункт 12). Наконец, наступил бы момент, когда тем или иным автономным образованием была бы обретена полная «политическая и экономическая независимость». Новый самостоятельный член мирового сообщества наделялся бы равными со всеми правами, а его су-

¹¹¹ Принципы демократии. С. 23.

¹¹² *Ambrosius L.E.* Op. cit. P. 23.

¹¹³ *Ibid.* P. 22.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

веренитет и территориальная целостность подтверждались бы «международными гарантиями» (пункты 11 и 13)¹¹⁴.

Выступая за создание новых или воссоздание старых национальных государств в Европе, в том числе и в России, В. Вильсон видел их не «гражданскими нациями», объединенными в «нации-государства» общностью истории культуры и политических институтов, а скорее как этнополитические сообщества¹¹⁵. Президент Вильсон являлся ревностным сторонником принципа национального самоопределения, при котором этнорелигиозный фактор имел решающее значение не только в вопросе национального самоопределения, но и в вопросе определения государственных границ. Однако его позиция не была лишена определенных парадоксов. Пройдя путь от примордиалистского понимания нации до цивилизационного, Вильсон продолжал видеть в нации живой организм. Более того, он настаивал на существовании иерархии рас. Одновременно, им энергично отстаивался тезис о равноправии между большими и малыми государствами. Однако вильсонская трактовка национального вопроса, очевидно направленная против колониальных империй прошлого, совсем не противоречила принципам существования империи нового образца, неформальной американской империи.

«14 пунктов» формулировались В. Вильсоном в качестве практических инициатив завершения войны и основ послевоенного устройства. Тем не менее, ошибочно было бы интерпретировать их исключительно в контексте процессов послевоенного урегулирования. Программа преследовала далеко идущие цели, которые невозможно было решить непосредственно после окончания боевых действий. Последующий ход истории наглядно продемонстрировал жизненность принципов «вильсонской идеологии». «14 пунктов» Вильсона несли в себе элементы нового внешнеполитического видения, отрицающего приоритет военной силы в международных делах и стремящегося гуманизировать международные отношения по мере совершенствования человеческой цивилизации. Вместе с тем эта программа имела и чисто практическое применение: она была направлена на то, что бы путем привнесения в официальную внешнеполитическую доктрину таких понятий, как «суверенитет», «самоопределение», «равенство» и других, утвердить доминирующие позиции США в мире и расширить им доступ на мировой рынок¹¹⁶.

Абсолютно уверенный в своей правоте и универсальности выдвинутых им принципов, американский президент отправился в

¹¹⁴ Архив полковника Хауза. Т. 4. С. 156-157.

¹¹⁵ *Ambrosius L.E.* Op. cit. P. 23.

¹¹⁶ *Ibid.* P. 21.

Часть I. Миропорядок империй

Европу. «Вильсон ясно понимал: заключить мирный договор так же важно, как и победить в войне. Он вез европейским народам лучший миропорядок»¹¹⁷. В основе отстаиваемого им проекта договора лежали все те же «14 пунктов». К тому времени данная программа успела уже получить достаточно широкое международное признание. Поэтому Вильсон резонно рассчитывал на ее формальное одобрение Парижской мирной конференцией. Однако первые же заседания выявили чрезвычайную сложность процесса универсализации принципов, на которых бы базировались международные отношения. Европейские национал-прагматики в лице Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо и В. Орландо не склонны были разделять универсалистский идеализм американской стороны, или как доказывает профессор Д. Эспозито, комбинацию идеализма и реализма, сформировавшую основу вильсонской внешней политики¹¹⁸.

Камнем преткновения стал вопрос о создании Лиги Наций. В первые же дни работы Парижской конференции ее участники приняли резолюцию, предусматривавшую необходимость создания Лиги Наций и включения ее устава в текст мирного договора. В. Вильсон считал учреждение Лиги Наций неотъемлемым условием будущего мира. «Мы собрались здесь во имя двух целей: для подготовки урегулирования, которое стало обязательным в результате этой войны, а также для обеспечения и поддержания мира на земле. Лига Наций необходима для достижения обеих этих целей»¹¹⁹, – заявил американский президент. Стремясь представить себя выразителем интересов всех народов мира, способным принести спасение измученной Европе, Вильсон утверждал, что создание международной организации обеспечит гарантию надежного мира между государствами. Во имя достижения этой главной цели – образования международной регулирующей организации по поддержанию мира – он шел на компромиссы, понимая порой пагубность их последствий. Вильсон видел в Лиге Наций панацею от всех бед и пороков человечества. Он стремился создать политическую структуру нового типа, которая должна была стать центром по согласованию и урегулированию внешнеполитических интересов субъектов международных отношений.

Предложенная Вильсоном программа была подвергнута серьезной критике со стороны Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо, В. Орландо и других политических деятелей. Само по себе наличие кри-

¹¹⁷ *Macmillan M.O.* Paris 1919: Six Months That Changed the World. New York, 2002. P. 3.

¹¹⁸ *Esposito D.M.* The Legacy of Woodrow Wilson. Westport, 1996. P. 6.

¹¹⁹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. Vol. 3. Washington, 1943. P.178.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

тики было вполне объяснимо. В особенности если учесть, что помимо американского проекта по созданию Лиги существовали также британский и французский. В английском проекте Лига трактовалась как союз, и споры между государствами-членами должны были регулироваться третейским судом, а следовательно, и действенность консолидированного мнения международного сообщества оставалась невысокой. Рычаги воздействия на «нарушителей режима» были весьма аморфны. Французские предложения оказались более решительными. Они включали в себя подробный перечень мер воздействия на агрессора, вплоть до военного принуждения к миру. Франция настаивала на необходимости наделить Лигу Наций вооруженными силами, которые состояли бы из армий, входящих в нее государств¹²⁰. Очевидно, что проекты США, Британии и Франции существенным образом различались между собой, каждая сторона рассматривала свой вариант в качестве основного и оптимального, что породило на мирной конференции ожесточенные споры.

Однако принципиальными стали разногласия по вопросу о критериях, с помощью которых была бы возможна квалификация действий стороны как нападающей. В Статут Лиги Наций с этой целью вводилось понятие «агрессия» и «агрессор», хотя их расшифровка не являлась в достаточной мере развернутой. Качественно новым было то, что впервые между нападающей стороной (агрессором) и жертвой агрессии проводилось явное различие, которое могло являться аргументом для оказания жертве коллективной помощи. Несмотря на это важное достижение, Статут так и не смог обрести статьи, безоговорочно запрещающей бы любые формы агрессии. Лига предпочитала подробно обсуждать коллективные санкции против нападающей стороны, но не постаралась дать четкого представления о том, каковы критерии «агрессивного поведения»¹²¹. Вместе с тем, отсутствие общепризнанного толкования порождало противоречивые казусные ситуации, поэтому в каждом отдельном конфликте Совет Лиги Наций вынужден был принимать особое решение и не всегда адекватное. Несмотря на большую работу, проделанную специальными комиссиями в 1920-х годах, отвергнутыми оказались также предложения о взаимной помощи и гарантиях коллективной безопасности. Тогда как В. Вильсон был убежден, что «коллективная безопасность являлась сердцем Лиги Наций»¹²². В результате нерешенности данного вопроса, под сомнение стави-

¹²⁰ *Новак К.Ф.* Версаль. М., 1930. С. 94-95.

¹²¹ Гарантии безопасности по статуту Лиги Наций // Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск XI. М., 1937. С. 126-127.

¹²² *Cooper J.M.* Breaking the Heart of the World. New York, 2001. P. 11.

Часть I. Миропорядок империй

лась неизбежность универсалистской концепции о том, что в международную систему безопасности должны быть вовлечены все без исключения государства, и действия их должны быть консолидированными, а не избирательными, зависящими от частных интересов и сиюминутными расчетами.

Дебаты в Версале вызывал и вопрос о создании международных вооруженных сил. Д. Ллойд-Джордж полагал, что создание международных сил в Европе вызовет резкое усиление влияния Франции¹²³, что шло вразрез с интересами Британии. Французское предложение о решительных военных санкциях против агрессора оказалось отвергнутым. В свою очередь, Вильсон неуклонно испытывал на себе давление со стороны американских изоляционистов в Конгрессе, которые выступали категорически против вовлечения Соединенных Штатов в организацию, призванную обеспечивать международную безопасность. Разноликая коалиция сил в составе представителей республиканской партии и группировки «непримиримых» объединилась с целью не допустить участие США в Лиге Наций. Они призывали не связывать себя обязательствами по отношению к другим странам и не заключать с ними союзов. Противники Вильсона доказывали, что статья 10 Статута Лиги Наций¹²⁴ заставит США отказаться от традиционной политики нейтралитета, ввергнет их в пучину европейских конфликтов и нанесет ущерб американскому суверенитету, закрепив доминирующие позиции в Лиге за Англией и Францией.

Таким образом, уже в начальной стадии своего образования Лига Наций лишилась одной из наиболее действенных сил для поддержания мира и безопасности. Разногласия между главными участниками конференции привели к тому, что каждая новая компромиссная поправка снижала действенность этой организации, делая ее способной лишь констатировать факт нарушения мира, не имея возможности адекватно на него реагировать. Согласно статье 16 Статута, единственной мерой воздействия на агрессора стало пространное положение о «разрыве всех торговых и финансовых отношений». Следовательно, вооруженному нарушению мира члены Лиги готовы были противопоставить лишь экономические санк-

¹²³ Именно французские сухопутные войска, самые мощные тогда в Европе, и французское командование, как наиболее авторитетное, неизбежно составили бы основу любых вооруженных сил подобного типа.

¹²⁴ Статья 10 обязывала членов международной организации «уважать территориальную целостность и политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет Лиги предлагает конкретные меры по обеспечению выполнения этого обязательства». См.: *Wilson W. War and Peace*. Vol. 1. P. 416.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

ции. Позднее, в 1924 г. был подписан Женевский протокол об исключительно мирном разрешении международных споров. В нем подтверждалось, что страны-участницы «вправе прибегать к войне только в том случае, если они подвергнутся нападению, и притом только с согласия Лиги Наций»¹²⁵.

Другой серьезной проблемой для Лиги Наций стала предельно усложненная система выработки решений. По Статуту высшими органами Лиги являлись Ассамблея (сюда входили все государства-члены Лиги) и Совет, в котором заседали постоянные члены (страны-победительницы) и непостоянные (избирались Ассамблеей). Согласно статьям 3 и 4 Статута, полномочия двух этих органов трактовались совершенно одинаково и при этом они обладали юридическим равноправием¹²⁶. И Ассамблея, и Совет принимали решения только на основании консенсуса. Процедура голосования позволяла любому заинтересованному государству-участнику идти вопреки общей воле, срывая принятие невыгодных ему решений.

Значительные проблемы на переговорах в Версале породил вопрос о взаимном ограничении вооружений. Процесс международного разоружения мог в определенной мере компенсировать нереализованный в Статуте механизм военного принуждения агрессора к миру. В случае если бы процесс сокращения вооруженных потенциалов стал обязательным, а самому процессу разоружения был бы придан достаточно высокий уровень транспарентности, шансы возникновения широкомасштабных конфликтов могли бы значительно снизиться¹²⁷. Первая редакция американского проекта предусматривала «сокращение национальных вооружений до минимума, совместимого с внутренней безопасностью». Более того, В. Вильсон на определенном этапе вообще предлагал отменить обязательную военную службу. Но подобные предложения не вызвали сочувствия со стороны британской и японской делегаций. Под их давлением в Статуте Лиги была зафиксирована статья 8, рекомендующая свести процессы разоружения «до минимума, совместимого с национальной безопасностью». Определения «внутренней» и «национальной» безопасности разительно отличались друг от друга. Подразумевалось, что национальная безопасность носит абстрагированный общий характер и может варьироваться в зависимости от политических задач момента, наличия реальных или гипотетических угроз национальному спокойствию. В окончательном виде

¹²⁵ Гарантии безопасности по статуту Лиги Наций // Сборник документов по международной политике и по международному праву. Выпуск XI. М., 1937. С. 5, 123.

¹²⁶ Там же. С. 159-163.

¹²⁷ Там же. С. 219.

Часть I. Миропорядок империй

статья 8 сводилась лишь к добрым пожеланиям и нисколько не препятствовала гонке вооружений. В 1920-1930-х годах в рамках Лиги неоднократно созывались различные конференции по вопросам разоружения, действовали несколько рабочих комиссий, но практических результатов их работа не принесла.

Несмотря на многочисленные препятствия, окончательный компромиссный вариант Статута Лиги Наций был составлен и единогласно принят 28 апреля 1919 г. на пятом пленарном заседании Парижской мирной конференции. В качестве важнейшей составной части он был включен в текст Версальского мирного договора, а также во все последующие договоры новой нарождавшейся системы международных отношений – Вашингтонский, Сен-Жерменский, Нейиский, Трианонский и др. Вильсонианский универсализм с формальной точки зрения восторжествовал. И Лига Наций была создана как залог «развития сотрудничества между народами и гарантия их мира и безопасности»¹²⁸. Изначально Лига объединила 40 государств, доминионов и автономных колоний. В число постоянных членов Совета вошли Великобритания, Франция, Италия и Япония. Страны – члены Лиги занимали около 63% территории земного шара, в них проживало около 70% населения Земли¹²⁹.

Закономерность возникновения такой идеи, как Лига Наций, на американской почве, блестяще демонстрируется российским историком В.Л. Мальковым. По его словам: «Идея Лиги Наций, выдвинутая Вильсоном и считавшаяся многими видными политиками Запада утопической, должна была служить целям возрождения человечества, перенаправления всех его внутренних побуждений на созидание в духе грандиозной программы реконструкции, сложившейся в голове президента США и предусматривавшей перевод стрелок часов мировой политики на новое время. Но само это время должно было быть американским, поскольку старый порядок, Европа сполна продемонстрировала бесплодность своих усилий избежать общей катастрофы методами и приемами традиционной дипломатии великих держав, сколачивая военные блоки, отдавая предпочтение тайному сговору, равновесию сил и ничуть не считаясь с общественным мнением, малыми странами и мировой периферией – колониальными и зависимыми странами»¹³⁰.

По мнению известного германского политолога К. Шмидта, образование Лиги Наций означало распад господствующих принципов международного права, исторически сформировавшихся в пе-

¹²⁸ *Ostrower G.B.* Op. cit. P. 73, 84, 122-123.

¹²⁹ *Макаров А.Н.* Лига Наций. Петроград, 1922. С. 35.

¹³⁰ *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 64.

Глава 3. Либеральный универсализм начала XX века...

риод между Вестфальским миром и Венским конгрессом и действовавших до конца Первой мировой войны¹³¹. Теперь на смену Вестфальской пришла новая универсалистская Версальско-Вашингтонская система, в основу которой легли вильсонские принципы мирорегулирования.

Отныне американский либеральный универсализм покоился на уверенности США в собственной правомочности, моральной обоснованности и технической способности мягко навязывать всем прочим субъектам мировой политики правила игры и нормы нового международного права. Г. Моргентау отмечал, что «притязания на универсальность, на которой основывается моральный кодекс одной группы в международном сообществе, абсолютно несовместимы с аналогичными притязаниями другой группы. В мире есть место только для одной такой группы и другая должна или подчиниться или быть уничтожена»¹³².

Между тем универсалистская вильсонская доктрина при всем акцентировании национального самоопределения и суверенитета косвенным образом способствовала подрыву легитимности самого принципа национального суверенитета. Обеспечивавший американское доминирование либеральный универсализм в действительности реализовывался как безличная «общая воля мирового общества», как власть «нормы международного права». В квазитеологических установках универсализма американская либеральная гегемония начинает рассматриваться как идеальное и при этом естественное состояние.

В межвоенный период Европа пережила целый ряд экономических и политических потрясений. Широкое распространение пацифистских течений парадоксальным образом создавало благодатную почву для становления политики умиротворения в отношении фашиствующих режимов. Пацифистские лозунги нередко становились прикрытием для политической слабости или же узких государственных интересов, которые снова начинали довлеть над союзнической солидарностью и международными обязательствами. Очевидным было усиление изоляционистских настроений в США. Президент США Г. Гувер прямо предостерегал своих сограждан «от повторения ошибок Версаля, при которых дельцы Старого Света, прикрываясь вильсонским идеализмом, фактически приступили к переделу континентальной карты»¹³³. Европейские же демократии возлагали надежды на институт Лиги Наций, полагая, что

¹³¹ *Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des jus publicum Europaeum. Cologne, 1950. S. 12*

¹³² *Morgenthau H. Politics Among Nations. New York, 1948. P. 249.*

¹³³ *Hoover H. The Ordeal of Woodrow Wilson. Washington, 1992. P. XII.*

Часть I. Миропорядок империй

она сможет эффективно играть свою роль в предотвращении и локализации конфликтов. Это была неоправданная иллюзия.

За годы своего существования Лиге Наций приходилось сталкиваться с многочисленными фактами нарушения мира, актами прямой агрессии. Большинство этих агрессивных актов рассматривалось многочисленными комиссиями, комитетами, конференциями. Однако выносимые ими решения и многочисленные резолюции не влекли за собой каких-либо практических последствий¹³⁴. Предсказуемым финалом подобной политики стало развязывание державами Оси новой, еще более страшной Второй мировой войны. К ее началу международную регулирующую роль Лиги Наций можно было признать исчерпанной. Как отмечал американский историк М. Хэмптон: «Строгий мир 1919 года, хаос 1920-х годов и повторение мировой войны в Европе соответствовали предостережениям Вильсона относительно сохранения баланса европейских сил»¹³⁵. Детище В. Вильсона – Лига Наций – не прошла испытания историей и 18 апреля 1946 г. прекратила свое существование. Однако идеология либерального универсализма, составившая квинтэссенцию вильсонизма, оказалась гораздо более востребованной. По меткому определению Г.Киссинджера, «наиболее утонченные свершения дипломатии XX века уходят своими корнями в идеализм Вудро Вильсона»¹³⁶.

Универсализм, по словам французского историка Э. Тодда, вообще является классической опорой для империй, обуславливающей их динамизм и стабильность одновременно¹³⁷. В вильсонизме либерального универсализма слились воедино доктрина «предопределения судьбы», доктрина «открытых дверей» и доктрина Монро. Доктрина «предопределения судьбы», отождествляющая американский империализм с волей Провидения, явилась теологическим компонентом, доктрина Монро составила политико-правовое основание, а доктрина «открытых дверей» оказалась экономическим базисом либерального универсализма той поры. Из географически ограниченной Западным полушарием неформальной империи США начали превращаться в глобальную мировую империю экономического контроля, политической гегемонии и перевеса силы США¹³⁸.

¹³⁴ См.: *Gill G.* The League of Nations from 1929 to 1946: From 1929 to 1946. New York, 1996. P. 191.

¹³⁵ *Hampton M.N.* The Wilsonian Impulse: U.S. Foreign Policy, the Alliance, and German Unification. Westport, 1996. P. 8.

¹³⁶ *Киссинджер Г.* Дипломатия. Главы из книги // США-Канада: экономика, политика, культура. 1997. № 7. С. 99.

¹³⁷ *Тодд Э.* После империй. Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 119.

¹³⁸ *Williams W.A.* Rise of an American World Power Complex. P. 2.

Часть II.

МИРОПОРЯДОК СВЕРХДЕРЖАВ

Глава 4.

Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

4.1. Феномен сверхдержавности

Изучение природы миропорядка сверхдержав, сложившегося после Второй мировой войны, требует проработки определения феномена сверхдержавности, выявления отличий СССР и США от великих держав и колониальных империй предшествующих времен. Надо сказать, что сама этимология слова «сверхдержава» подразумевает наличие неких «сверхкачеств» по сравнению с прочими государствами, включая и региональные державы.

В отечественной политической науке сверхдержавы определяются как страны, обладающие «подавляющей мощью», способные «возглавить военно-политические союзы и блоки и противостоять друг другу»¹³⁹. Такое определение концентрируется прежде всего на военно-политической компоненте явления сверхдержавности и лишь частично раскрывает его более сложную суть. Рождение феномена сверхдержавности стало возможным как в силу внутренних свойств США и СССР (географическое положение, материальные и людские ресурсы, мощная экономика, возросшее военное могущество), так и благодаря состоянию мировой политической системы, когда остальные пять великих держав, лидерство которых и лежало в основе предвоенного миропорядка, лишились своего статуса, либо были ослаблены настолько, что оказались не в состоянии соперничать с двумя новыми колоссами. Что касается идеологического фактора как важной составляющей сверхдержавности (а в равной степени и как одной из причин «холодной войны», т.е. опыта конфронтационного взаимодействия сверхдержав), то мы можем столкнуться с различными оценками его роли. Ряд исследова-

¹³⁹ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 98.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

телей склонен искать корни «холодной войны» еще в 1917 году, в том идеологическом вызове, который бросили США и Советская Россия старому миру империй. И США, и СССР предложили новое универсалистское прочтение истории: революционизирующую существовавший на тот момент мировой порядок вильсоновскую идею мира, основанного на принципах либерализма, и большевистский проект преобразования всего человечества на началах социальной справедливости¹⁴⁰.

Как утверждали сторонники «силовой» концепции происхождения «холодной войны», в мире и прежде всего в Европе образовался вакуум власти (силы) и он был заполнен двумя ранее периферийными по отношению к Европе странами, которые не только обладали колоссальным внутренним потенциалом, но и могли проецировать силу на остальные части мира¹⁴¹. Кроме того, элиты обоих государств сформировали четкие универсалистские по масштабу притязаний идеологические доктрины, привлекательные не только внутри самих будущих сверхдержав, но и за их пределами. Однако в остальном между двумя глобальными антагонистами/партнерами было больше различий, чем сходства.

Понять сверхдержавность США проще: к концу Второй мировой войны они были крупнейшей в экономическом отношении страной. Резкий экономический рост в ходе войны привел к удвоению ВВП за 5 лет. Достаточно сказать, что к 1950 г. Штаты производили 50% мировой промышленной продукции. Среднегодовой доход американцев в 1949 г. составлял 1453 доллара на человека, в то время как в СССР – всего 308 долларов, то есть имел место почти

¹⁴⁰ Fontaine A. History of the Cold War: from the October Revolution to the Korean War, 1917-1950. Translated from French. New York, 1968. P. 12. В том же ключе можно оценивать высказывание И.В. Сталина в 1927 г. перед делегацией американских рабочих об образовании двух центров мирового масштаба: социалистического и капиталистического, к которым будут стягиваться тяготеющие соответственно к социализму и капитализму страны, и борьба между которыми решит судьбу мирового капитализма и социализма. См.: Лельчук В.С. У истоков биполярного мира // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М. 1997. Т. 1. С. 340.

¹⁴¹ Подобные представления были характерны для исследователей, принадлежавших к школе политического реализма в западной науке о международных отношениях. Сторонники политического реализма говорили о том, что поражение Германии и образование вакуума в Европе предопределило неизбежное заполнение этого вакуума Россией, а США вынуждены были реагировать на изменяющийся баланс сил, что и привело к столкновению двух держав и, как следствие, к холодной войне. См.: Halle L.J. The Cold War as history. London, 1967. P. 36-37; Spanier J.W. American Foreign Policy since World War II. Fourth revised edition. New York, 1971. P. 28, 31.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

пятикратный разрыв¹⁴². За годы Второй мировой войны существенно возросла военная мощь США – прежде всего военно-морская и военно-воздушная. Они стали сильнейшими на море, достигнув статуса так называемой «морской державы» (sea-power), о котором писал еще в конце XIX – начале XX века идеолог военно-морского усиления США адмирал А. Мэхэн¹⁴³. Наконец, одной из важнейших основ превращения США в сверхдержаву было появление сверхоружия – атомного, а затем термоядерного. Обладание подобным оружием породило в американском обществе и в особенности в сознании политической элиты ощущение небывалой безопасности и даже всемогущества¹⁴⁴.

Что имелось у Советского Союза, чтобы называться сверхдержавой? Прежде всего – сильнейшая в мире сухопутная армия. Плюс выгодное географическое положение – сердце Евразии (heartland), выражаясь языком геополитиков¹⁴⁵. Геополитики начала XX века признавали удобство такого положения России – с выходом одновременно и на Европу, и на Центральную Азию, и на Дальний Восток, а также возможностью влиять на всю евроазиатскую береговую линию¹⁴⁶. Кроме того, обширные российские пространства хранили огромные природные ресурсы. Да и по численности населения, несмотря на страшные военные потери, СССР ос-

¹⁴² Мальков В.Л. Указ. соч. С. 559-561; Historical statistics of the United States. Colonial times to 1970. Washington, 1975. Part 1. P. 224.

¹⁴³ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660-1783. М.-Л., 1941. С. 23-24.

¹⁴⁴ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 553-554.

¹⁴⁵ С этим утверждением можно поспорить, учитывая, что большая протяженность границ и обширность территории, заселенность которой носила очаговый характер, а также сложные климатические условия требовали огромных затрат на обеспечение безопасности и развитие транспортной инфраструктуры.

¹⁴⁶ Макиндер Х. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 7. С. 26-31. Даже в вышедшей относительно недавно книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» говорится о том, что распад СССР «способствовал образованию "черной дыры" в самом сердце Евразии», как будто «центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» (Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999. С.108). Учитывая, что СССР владел и большей частью того, что Бжезинский называет «Евразийскими Балканами», т.е. Средней Азией и Закавказьем, важными с геополитической точки зрения и обладающими огромными запасами полезных ископаемых (Там же. С. 150-151), его позиция предстает достаточно убедительной. Вообще, несмотря на неоднозначное отношение к геополитике как к теоретическому направлению в науке о международных отношениях, геополитические императивы неизбежно присутствуют в деятельности государств, а рекомендации геополитиков учитываются в при выработки внешнеполитических решений во многих странах. Так, например, выполнили же США программу А. Мэхэна.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

тавался одной из крупнейших стран мира. Однако экономика страны сильно пострадала в результате Второй мировой войны¹⁴⁷. Не имея сильного флота и финансово-экономических возможностей США, СССР до середины 1950-х годов фактически был не в состоянии осуществлять свое влияние в отдаленных частях мира и мог считаться «сверхдержавой» исключительно в рамках Евразии.

В дальнейшем соотношение сил СССР – США несколько выровнялось. В первую очередь это произошло в военно-политической сфере. В конце 1940-х – начале 1950-х годов СССР разработал собственное атомное и термоядерное оружие. Экономический рывок 1950-х годов привел к тому, что валовой продукт СССР достиг к 1958 г. лишь 1/2 американского¹⁴⁸. Получив в 1957 году, с изобретением межконтинентальной баллистической ракеты возможность ядерного удара по территории США, и постоянно совершенствуя свои стратегические ядерные силы (СЯС), Советский Союз сумел достичь к концу 1960-х стратегического паритета с США. Именно это обстоятельство, как известно, стало основой стабилизации отношений не только между двумя сверхдержавами, но и всей системы международных отношений в целом. Более того, феномен стратегического ядерного паритета, по мнению целого ряда авторов, стал одним из факторов, подтолкнувших начало политики разрядки.

Отрыв СССР и США от остальных стран мира по совокупности силовых, политических и экономических возможностей позволил им стать двумя полюсами послевоенного мира, к которым тяготели остальные государства. Подобный расклад сил и стал называться «биполярностью»¹⁴⁹. Данная поляризация сил в начальный период «холодной войны», когда все страны тяготели либо к одному, либо к другому полюсу, привела к ситуации, в которой США и СССР в той или иной мере стали определять политику всего остального мира. То есть суть определения сверхдержавности прежде всего в сте-

¹⁴⁷ По официальным данным, общий экономический ущерб СССР в 1940-1947 гг. составил 893 млрд. долларов по официальному обменному курсу Госбанка СССР 1940 года. См.: *Пыжиков А.В., Данилов А.А.* Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. М., 2002. С. 110.

¹⁴⁸ См.: *Wohlforth W.C.* The Elusive Balance. Power and Perceptions during the Cold War. Ithaca, 1993. P. 162. Учитывая специфику советской статистики, некоторые западные экономисты рассчитывали размер советского ВВП в 1960-е гг. как некую среднюю величину между $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ американского ВВП. Такая разница в цифрах объяснялась способом расчета стоимости товаров и услуг - в советских или американских ценах. См.: *Самуэльсон П.* Экономика. М., 1997. Т. 2. С. 411.

¹⁴⁹ *Богатuroв А.Д.* Динамическая стабильность в международной политике // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 162.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

пени и масштабах системообразующего влияния двух конкретных стран на всю мировую политику, экономику, идеологию. Это ставит их значительно выше по статусу, чем великие державы и колониальные империи предшествующего исторического периода.

Подобная степень влияния СССР и США на остальной мир позволила известному исследователю «холодной войны» Дж. Л. Геддису сравнить сверхдержавы и сформировавшиеся вокруг них блоки государств с империями. Сходство с империями он находил в наличии внутренней иерархии, существовании разных способов воздействия доминирующей державы на своих союзников/сателлитов и в существовании обратных связей, позволявших не только сверхдержавам влиять на союзников, но и союзникам оказывать существенное воздействие на политику сверхдержав¹⁵⁰.

Важной особенностью этих «империй “холодной войны”» была большая, чем в традиционных империях, идеологизированность их внутренней и внешней политики. Так, восточный блок представлял союз авторитарных и коммунистических режимов. Западный блок, который норвежский историк Г. Лундестад называет «империей по приглашению»¹⁵¹, учитывая заинтересованность самих западноевропейских стран в американском главенстве, сплотился на основе приверженности демократии, либеральным ценностям и рыночной экономике. При этом идеология каждой из сверхдержав носила универсалистский характер и была и потенциально ориентирована не на обеспечение контроля над определенной территорией и ресурсами, но на господство в полном смысле в глобальном масштабе.

Данная схема представляется, однако, несколько упрощенной и европоцентричной. В действительности, ни о каких демократических ценностях в странах Азии, Африки и Латинской Америки – союзниках США, долгое время не могло быть и речи. Равно как довольно сложно всерьез рассуждать о «социалистической ориентации» ряда ближайших союзников СССР в странах Азии и Африки. Система устойчивой биполярности и ядерного пата действительно создавала возможность для возникновения разумных альтернатив, поисков «третьего пути», активного лавирования между двумя противостоящими блоками ряда стран третьего мира. Поэтому, чтобы реально представлять себе систему межгосударственных отношений эпохи биполярности, мы с необходимостью должны обратиться к проблематике наследия колониальных империй.

¹⁵⁰ *Gaddis J.L. We now know. Rethinking Cold War History. Oxford, 1997. P. 26-28.*

¹⁵¹ *Лундестад Г. Восток. Запад. Север. Юг. Основные направления международной политики после 1945 года. М., 2002. С. 304-305.*

4.2. Наследство колониальных империй: постколониальные страны в биполярном мировом порядке

«Холодная война» возникла как сугубо европейское явление. Колониальные страны в конце 1940-х годов мало занимали Советский Союз. Он не мог оказывать на них заметного влияния. Даже официальная идеология, базировавшаяся на теории «двух лагерей», ассоциировала колонии и только что освободившиеся страны с их метрополиями, включая их в капиталистический лагерь. Национально-освободительные движения рассматривались в качестве прогрессивных, если они возглавлялись коммунистами¹⁵².

Победа Китайской революции способствовала расширению географии противостояния. Вторым фронтом «холодной войны» в начале 1950-х годов стал Дальний Восток. После смерти Сталина, в течение этого десятилетия, противостояние СССР и США распространяется на Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку и становится, наконец, глобальным¹⁵³. Биполярность оформляется не только в институциональном (образование противостоящих военных блоков – НАТО в противовес ОВД), но и в пространственно-географическом плане. Можно выделить несколько причин подобной «глобализации» конфликта. Это и возросшие возможности СССР, и пересмотр отношения СССР к национально-освободительному движению (теория «трех лагерей»)¹⁵⁴ и, собственно, стремительное увеличение числа стран третьего мира¹⁵⁵.

Если брать за основу силовые модели биполярного противостояния и считать, что СССР и США восполняли вакуум власти, образовавшийся после разрушения прежней системы, основывавшейся на взаимоотношениях европейских империй, то произошедшие изменения выглядят вполне логично. Сначала в 1940-е гг. был заполнен вакуум власти в Европе. Затем, на рубеже 1940 – 1950-х годов – в Восточной Азии, где перестала существовать Японская колониальная империя и произошла смена власти в Китае. Наконец, по мере ухода колониальных держав из традиционных сфер влияния

¹⁵² Wohlforth W.C. Op. cit. P.111-113.

¹⁵³ Лундестад Г. Указ. соч. С. 63.

¹⁵⁴ Wohlforth W.C. Op. cit. P.174-175.

¹⁵⁵ Существует множество интерпретаций понятия «третий мир», равно как и термины «развивающиеся страны». В рамках данной работы в качестве рабочей гипотезы под странами третьего мира мы будем понимать группу государств, которые с 1960-х гг. принято называть «бедным югом» в противоположность «богатому северу». То есть большая часть государств мира, за исключением стран Европы (включая СССР), США, Канады и Японии.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

(деколонизация), вакуум был заполнен в Индокитае, Африке и т.д. Однако эта схема отдает значительным редуционизмом. Она не учитывает огромного значения социально-экономических и идеологических процессов, развивавшихся как внутри государств, так и на глобальном уровне, возрастающего количества усложняющихся экономических связей, взаимодействий многочисленных внутренних по отношению к сверхдержавам и другим субъектам международных отношений сил, групп интересов, новых субъектов мировой политики. К числу таких новых субъектов относились освободившиеся страны и международные организации, создаваемые этими странами, либо выступающие в их интересах.

Известно негативное отношение обеих сверхдержав к колониализму, хотя источники этого отношения различны. СССР и США активно способствовали демонтажу старых колониальных империй. Наиболее яркий пример – Суэцкий кризис 1956 года, когда сверхдержавы одновременно оказали давление на европейские государства, пытавшиеся навязать свою волю бывшей «полуколонии» – Египту, очевидно проявившему стремление к большей независимости¹⁵⁶.

Позиция Соединенных Штатов в целом оказалась более уязвимой, так как они вынуждены были выступать оппонентами собственных союзников, в то время как местные националисты в бывших колониях нередко имели просоветскую ориентацию. В результате США порой вели себя в отношении новых освободившихся государств непоследовательно и время от времени отступали от своих антиколониальных принципов. Примером такого рода двойственной политики может служить оказание администрацией Г. Трумэна помощи Франции в Индокитае в начале 1950-х годов.

Возникающие новые государства постепенно сами становятся фактором международной политики, влияющим на поведение сверхдержав, которые борются за приобретение новых союзников. Когда в 1960-1970-е годы происходит стабилизация системы, и обе стороны оказываются в стратегически патовой ситуации из-за боязни взаимного уничтожения¹⁵⁷, прямое силовое воздействие на соперника оказывается абсолютно неприемлемым. В этот момент новые «освободившиеся» государства постепенно становятся фактором мировой политики, влияющим на поведение сверхдержав, которые жестко конкурируют за приобретение новых союзников. Мировая периферия становится ареной борьбы за создание новых сфер влияния.

¹⁵⁶ *Лундестад Г.* Ук. соч. С. 91; Системная история международных отношений. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. М., 2003. С. 220-221.

¹⁵⁷ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 682-683.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

СССР активно использовал антиколониальную риторику для усиления своих позиций в странах третьего мира. Даже в период разрядки, в 1970-е годы, СССР не отказывался от помощи национально-освободительным движениям и ввязывался в конфликты между просоветскими и прозападными силами в третьем мире, например, после ликвидации Португальской колониальной империи в Анголе и Мозамбике или после свержения монархии в Эфиопии¹⁵⁸. Этими странами был в результате сделан выбор в пользу социалистической ориентации. Подобной же внешнеполитической линии поддержки клиентов в третьем мире придерживались и Соединенные Штаты, оказывая всестороннюю помощь готовым к сотрудничеству силам в Азии и Латинской Америке.

Сами страны третьего мира получили в условиях развивающегося биполярного противостояния определенную свободу маневра. Причем не только в плане выбора наиболее предпочтительных условий присоединения к тому или иному лагерю, но и в смысле возможности поиска более справедливых оснований мирового порядка вообще. Эти новые международно-политические возможности послужили основой возникновения Движения неприсоединения, которое начало складываться еще в середине XX века. Его идейные основания были заложены на Бандунгской конференции в 1955 году. Тогда же были сформулированы принципы мирного сосуществования и более справедливых международных отношений, основанных на уважении национального суверенитета и неприменении силы. В момент официального оформления движения на конференции в Белграде в 1961 г. оно насчитывало всего 25 членов, а к концу «холодной войны» в 1989 г. – уже 101 государство и движение¹⁵⁹. Примечательно, что одной из стран-учредительниц стала Югославия, европейская социалистическая страна, само существование которой в качестве нейтральной стало возможным благодаря такому же силовому пату в Европе в конце 1940-х – начале 1950-х гг. и умелой политике лавирования югославского руководства между СССР и США.

Говорить о каком-то политическом единстве неприсоединившихся государств было бы некорректно. Конфликты между ними, в том числе довольно кровопролитные, не были редкостью. Наиболее яркие примеры – взаимоотношения Индии с Пакистаном, Ирана с Ираком, Вьетнама с Камбоджей. Утверждать, что они

¹⁵⁸ Богатуров А.Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С.124-125.

¹⁵⁹ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 томах. Т. 4. М., 2000. С. 111.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

имели идеологическую общность с противостоящими друг другу блоками или, напротив, были полностью отстранены от них, тоже нельзя. Среди членов движения неприсоединения имелись и просоветские режимы, такие, как Вьетнам или Куба, и откровенно проамериканские страны, как, например, Пакистан, Филиппины, Саудовская Аравия¹⁶⁰.

Тем не менее, существовал определенный круг вопросов, по которым у всех этих стран имелось общее мнение. Прежде всего – это проблемы деколонизации и экономического развития. Так, например, создание ЮНКТАД¹⁶¹ в 1964 г. было во многом заслугой объединенных усилий развивающихся стран-членов Генеральной Ассамблеи ООН, образовавших на первой сессии ЮНКТАД в Женеве «Группу 77». Группа стала бороться за улучшение экономических условий для развивающихся стран, включая требование помощи социально-экономическому развитию от индустриально развитых государств. Однако формирование консолидированной позиции развивающихся стран по экономическим вопросам началось еще раньше – на Второй конференции неприсоединившихся стран в Каире в 1964 году, где был сформулирован тезис о необходимости оказания помощи развивающимся странам со стороны развитых государств в размере 1% от валового национального дохода последних¹⁶². С созданием в рамках ЮНКТАД «Группы 77» произошло как бы разделение полномочий: движение неприсоединения занималось более общими политическими вопросами, такими, как деколонизация и положение стран третьего мира в целом, а «Группа 77» непосредственно добивалась улучшения внешнеэкономических позиций развивающихся стран, работая, главным образом, в рамках ООН и ее специализированных организаций. К началу 1980-х годов численность стран-членов «Группы 77» выросла до 119, то есть на тот момент она стала еще более многочисленной, чем Движение неприсоединения. Состав группы, как и состав Движения неприсоединения, был весьма пестрым: в нее вошли социалистические страны – Югославия, Куба, Румыния и КНДР, ориентировавшиеся на США латиноамериканские и ближневосточные режимы, а также ряд более менее нейтральных государств¹⁶³.

¹⁶⁰ *Лундестад Г.* Указ. соч. С. 311.

¹⁶¹ Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD – United Nations Conference on Trade and Development).

¹⁶² *Хвойник П.И.* «Тихая» агрессия империализма (внешнеэкономическая политика неокOLONИализма). М., 1986. С. 98-99; *Обминский Э.Е.* Группа 77. Многосторонняя экономическая дипломатия развивающихся стран. М., 1981. С. 50.

¹⁶³ *Хвойник П.И.* Указ. соч. С. 102; *Обминский Э.Е.* Указ. соч. С. 52.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

Главным направлением деятельности «Группы 77» стала борьба за реализацию идеи нового мирового экономического порядка, выразившейся сначала в принятии в октябре 1970 г. Генеральной Ассамблеей ООН Международной стратегии развития, а позднее – Программы Нового международного экономического порядка (НМЭП). Успех группы развивающихся стран, чья программа легла в основу двух политических резолюций – Декларации об установлении НМЭП и Программы действий по установлению нового международного экономического порядка, принятых без голосования на VI спецсессии ГА ООН 1 мая 1974 г. и знаменовавших начало формирования программы НМЭП, можно в значительной степени объяснить мировым энергетическим кризисом, который вынудил развитые страны пойти на некоторые экономические уступки. Позднее Программа была дополнена Хартией экономических прав и обязанностей государств, принятой на XXIX сессии ГА ООН в декабре 1974 г. (США, вместе с пятью западноевропейскими странами голосовали против нее), и резолюцией VII специальной сессии ГА ООН, принятой в сентябре 1975 г. и получившей название «Развитие и международное экономическое сотрудничество». В этих программных документах провозглашались как общие принципы (суверенное равенство государств, самоопределение народов, невмешательство во внутренние дела других государств, мирное сосуществование, всеобщее разоружение, право нации на выбор подходящей для нее экономической и социальной системы, осуждение колониализма), так и конкретные экономические принципы, принятые в интересах стран третьего мира: преференциальный режим для развивающихся стран, который должен предоставляться развитыми странами в одностороннем порядке; оказание экономической помощи; передача технологий; внешнее финансирование; подтверждение полного суверенитета государств над недрами; право на национализацию; контроль за деятельностью транснациональных корпораций со стороны принимающих государств; невмешательство ТНК во внутренние дела принимающих государств и т.д.¹⁶⁴.

Позиция Советского Союза в отношении организаций стран третьего мира была более последовательной, нежели у стран Запада. Он легко мог обличать колониальную политику, не имея собст-

¹⁶⁴ Декларация об установлении нового международного экономического порядка, № 3201 (S-VI) // Резолюции, принятые по докладу специального комитета VI специальной сессии ГА ООН; Программа действий по установлению нового международного экономического порядка, № 3202 (S-VI) (<http://www.un.org/russian/ldocumen/gadocs/spec>). См. также: *Хвойник П.И.* Указ. соч. С. 104-110.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

венного прошлого как колониальной империи¹⁶⁵. СССР последовательно поддерживал политические требования и социально-экономические притязания освободившихся стран. В результате на Западе зачастую склонны были видеть в Движении неприсоединения и других организациях третьего мира фактических союзников Москвы. Хотя на самом деле ситуация была далеко не столь однозначна. Страны третьего мира все-таки стремились к равноудаленности от обоих блоков. И если в 1960-1970-х годах они осуждали интервенцию США во Вьетнаме, то в начале 1980-х на саммите Движения неприсоединения в Дели (1983) они также осудили советское вмешательство в Афганистане¹⁶⁶. Со второй половины 1970-х годов отношения между Советским Союзом и экономическими организациями стран третьего мира становились все более непростыми, так как СССР не мог им оказывать помощь в таких размерах, как Запад, да и не собирался этого делать, мотивируя свою позицию тем, что он не несет ответственности за их колониальное прошлое. Особое раздражение в СССР вызывало требование равной помощи от всех развитых государств со стороны стран третьего мира. При этом само противопоставление развивающихся и развитых стран, перекликающееся с «буржуазными» концепциями противостояния Севера и Юга, в советской политической литературе объявлялось ложным. Несмотря на важность, которую приобретал третий мир, его борьба мыслилась советскими учеными и идеологами исключительно в рамках основного противоречия эпохи – противоречия между двумя социально-экономическими системами, то есть между Западом и Востоком¹⁶⁷.

Однако ситуация стратегического пата 1960-1970-х годов способствовала тому, что в рамках биполярного миропорядка относительно независимо могли действовать целые организации государств, позиционировавших себя как равноудалённые от возглавлявшихся сверхдержавами блоков. Таким образом, биполярный порядок оказался отчасти плюралистическим, несмотря на жесткую поляризацию сил в начале «холодной войны». В его рамках помимо наметившейся на первом этапе «холодной войны» оси взаимодействия Запад – Восток сформировалась новая ось развития мировой политики: Север – Юг.

¹⁶⁵ Системная история международных отношений. Т. 3. М., 2003. С. 285-286; *Gaddis J.L. We now know.* P.154.

¹⁶⁶ См.: *Лундестад Г.* Указ. соч. С. 312-313.

¹⁶⁷ См.: *Хвойник П.И.* Указ. соч. С.110-111; *Доронина Н.И.* Международный конфликт: О буржуазных теориях конфликта. Критический анализ методологии исследований. М., 1981. С. 68-69 и др.

4.3. Локальный конфликт как форма биполярных отношений

В рамках формирующегося биполярного мирового порядка оба глобальных соперника испытывали страх перед прямой конфронтацией. Поэтому среди своеобразных неписанных правил, которыми сверхдержавы руководствовались в своих отношениях, стремление избежать прямой военной конфронтации, в том числе через вовлечение в конфликты между третьими странами, равно как и взаимное уважение сфер влияния, занимало едва ли не первенствующее положение. Однако там, где сферы влияния были определены нечетко, или где решимость одной из сторон отстаивать свою сферу влияния ослабевала, другая сторона могла попытаться изменить ситуацию в свою пользу. Тем не менее, и здесь обе сверхдержавы были осторожны, не решаясь переходить черту, за которой был возможен риск большой войны, и предпочитая действовать не напрямую, а через «доверенных лиц»¹⁶⁸.

В таких случаях приемлемой формой силовой игры становился локальный конфликт или ограниченная война. Локальные конфликты периода «холодной войны» унесли жизни примерно 20 млн. человек и были весьма разнообразны по масштабам и по форме. Одна или обе сверхдержавы могли принимать прямое или опосредованное участие в боевых действиях открыто или тайно. Наиболее хрестоматийными примерами прямого участия стали введение американских войск в Корею и Вьетнам, а советских – в Афганистан. Сверхдержавы также могли посылать для участия в локальных конфликтах военных советников и отдельные подразделения: таковыми были, например, советские летчики и зенитчики в Корею и Вьетнаме. Они могли использовать своих младших партнеров (третью страну), передоверив им ведение боевых действий или превратив их территорию в базу. Эту функцию выполнял Китай для СССР в Корейской войне, кубинские войска в тропической Африке в 1970-е годы, а для США – Пакистан в Афганской войне. В конфликте могла принимать участие третья сила, имеющая совершенно иные интересы, но объективно оказавшаяся на стороне одного из соперников, как Китай во Вьетнамской войне или Иран и исламские фундаменталисты в Афганистане. Общим было одно: масштаб конфликта ограничивался так, чтобы не возникало риска прямого полномасштабного столкновения сверхдержав.

¹⁶⁸ Gaddis J.L. The Long Peace. Inquires into the history of the Cold War. New York – Oxford, 1987. P. 239-240.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

При этом очевидно, что в наименее выгодной позиции оказывался тот из глобальных соперников, кто ввязывался в конфликт напрямую. В каждом конкретном случае на решение США или СССР применить свои войска в локальном конфликте влияла общая стратегическая концепция, согласно которой оценивались предполагаемые действия противника и необходимые меры для их нейтрализации.

В Корее США готовились отражать агрессию мирового коммунизма. Корейская война из всех локальных и ограниченных войн по своим последствиям и в еще большей мере по той опасности, которая потенциально в ней заключалась, была наиболее близка к эскалации в глобальный конфликт¹⁶⁹. Ввязываясь в Корейскую войну, руководство США учитывало положения директивы СНБ-68 (*National Security Council-68*), разработанной весной 1950 года. Эта директива постулировала необходимость противостояния «мировому коммунизму» повсеместно, без выделения жизненно важных и периферийных регионов¹⁷⁰. Конец 1950 – начало 1951 года можно считать одним из пиков «холодной войны» (пожалуй, более опасный момент был только в период Карибского кризиса 1962 г.). Характерно, что именно в период Корейской войны блок НАТО превратился в серьезную военную организацию. Война в Корее также явно повлияла на решение о ремилитаризации Германии и последующем включении ее в НАТО. США резко увеличили военный бюджет, стали наращивать обычные вооружения.

Современные исследователи в России, как и американские историки, принадлежащие к так называемому постревизионистскому направлению в историографии, получив доступ к ранее секретным советским документам, склоняются к выводу: одобрение Сталиным попытки Ким Ир Сена объединить Корею силовым путем или непрепятствование ее осуществлению стали возможными только потому, что США не дали ясно понять, что будут защищать Южную Корею. Напротив, они говорили о вынесении территории континентальной Азии за пределы «оборонительного периметра» США. Изменение соотношения сил в регионе и то бездействие, которое демонстрировали при этом американцы, могли вдохновить Сталина на активные действия и заставить его поверить в возможность вытеснения соперника из сопредельных с Ки-

¹⁶⁹ См.: Уззерсби К. Война в Корее 1950-1953 гг.: холодная война разгорается // Холодная война 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 257-259.

¹⁷⁰ *Gaddis J.L. We now know. P. 76.*

Часть II. Миропорядок сверхдержав

таем стран, в экспорт революции на территорию Восточной и Юго-Восточной Азии без риска дальнейшего обострения противостояния с Западом.

Конечно, к столкновению с Соединенными Штатами СССР не был готов, и никакой спланированной глобальной коммунистической агрессии не было¹⁷¹. Однако риски эскалации, по крайней мере, теоретически существовали. Сначала, когда «войска ООН» вышли за рамки своего первоначального мандата и решили ликвидировать КНДР – тогда в войну вступил Китай в лице китайских народных добровольцев (КНД). Затем генерал Дуглас Макартур предложил начать бомбардировки баз КНД в Манчжурии, а после в марте 1951 г. выступил по своей инициативе с ультиматумом, в котором он угрожал китайцам применением атомного оружия. Если бы в Вашингтоне или в Москве реально хотели войны, она могла бы состояться. Но стороны предпочли пойти на локализацию конфликта. С весны 1951 года, а в еще большей степени с лета того же года, когда начались переговоры, Корейская война превратилась в настоящую ограниченную войну.

Вопрос о чисто корейских корнях Корейской войны был поднят так называемой ревизионистской школой в американской историографии «холодной войны»¹⁷². Позже постревизионисты выдвинули компромиссный тезис о сочетании внешних и внутренних факторов¹⁷³. Важным также представляется китайский фактор. Сам факт победы китайской революции и провозглашения КНР начал серьезное изменение расстановки сил в Восточной Азии. Падение прозападного режима Чан Кайши и появление на его месте новой и потенциально мощной коммунистической державы, которая становилась базой для коммунистических движений в Восточной и Юго-Восточной Азии, вели к превращению этого региона во «второй фронт “холодной войны”».

В ходе войны Китай был той силой, которой было доверено вести боевые действия после разгрома Корейской народной армии. СССР обеспечивал КНД технически, прикрывал их с воздуха своей авиацией (64-й истребительно-авиационный корпус), посылал во-

¹⁷¹ Там же. С. 276.

¹⁷² *Kolko J., Kolko G.* The limits of power: the world and United States foreign policy, 1945-1954. New York, 1972. P. 574-586; *Cumings B.* The origins of the Korean war. Vol. 1. Princeton, 1981. P. XXI; *Halliday J., Cumings B.* Korea: the unknown war. London, 1990. P. 74.

¹⁷³ *Kaufman B.I.* The Korean War: Challenges in Crisis, Credibility and Command. Philadelphia, 1986. P. 1, 35-36; *Stueck W.* The Korean war as international history // Diplomatic History. 1986. Vol. 10. № 4. P. 291-294.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

енных советников и самим фактом существования советско-китайского договора 1950 г. удерживал США от дальнейшей эскалации. Но именно китайцы остановили наступление западных войск в конце 1950 г. и потом стойко противостояли им до конца войны. И это позволило им впоследствии утверждать, что именно КНР является той силой, которая способна помочь угнетенным народам развивающихся стран и колоний в борьбе с Западом. Здесь можно усмотреть даже одно первых проявлений китайской внешнеполитической «доктрины трёх миров», согласно которой КНР была естественным лидером третьего мира.

В период советско-китайской конфронтации на Западе стали появляться работы, в которых высказывалось мнение, что Сталин нарочно затеял Корейскую войну, чтобы столкнуть КНР с Соединенными Штатами¹⁷⁴. Имел ли Сталин в виду этот аспект – вопрос спорный. Но американо-китайский антагонизм обострился до предела. США оказались втянуты в изнурительное вооруженное противостояние с Китаем (в том, что Сталин способствовал затягиванию конфликта, сомнений нет), а КНР оказалась сильно привязана к своему старшему партнёру – СССР.

Подводя итог, можно сказать, что Корейская война стала важным уроком для обоих глобальных соперников, показав опасность эскалации и выработав такую форму соперничества между сверхдержавами, как ограниченная война. Впрочем, как уже говорилось выше, это столкновение было самым крупным из локальных войн, став третьим по числу жертв конфликтом XX века после двух мировых войн и получив неофициальное название «малой Третьей мировой войны».

В случае с Вьетнамом свою роль сыграли сформулированная еще при администрации Эйзенхауэра «теория домино» и концепция гибкого реагирования, разработанная во времена Кеннеди¹⁷⁵. Однако конфликт во Вьетнаме, несмотря на его жесточенность, изначально позиционировался как ограниченная война. На действия американских военных были наложены серьезные ограничения. Американские ВВС бомбили территорию ДРВ, а также базы вьетнамских партизан в Камбодже и Лаосе, минировали северо-вьетнамские порты. В президентство Никсона американские и южновьетнамские войска неоднократно нарушали границу и вторгались на территории Камбоджи и Лаоса. Однако о масштаб-

¹⁷⁴ *Ulam A.B. Stalin. The Man and his era. New York, 1973. P.720-722; Salisbury H.E. The coming war between Russia and China. New York, 1979. P. 63-77.*

¹⁷⁵ Системная история международных отношений. Т. 3. С. 291, 260; *Киссинджер Г. Указ. соч. С. 572-573, 580-581.*

Часть II. Миропорядок сверхдержав

ной эскалации конфликта не могло быть и речи. Согласно американской военно-политической концепции гибкого реагирования, ответ должен был быть пропорционален вызову. Именно этот принцип отчетливо проявился во время Вьетнамской войны. В соответствии с «теорией домино» США защищали южновьетнамский режим на его территории, бомбардировки Севера рассматривались ими как средство наказания коммунистов, но о ликвидации ДРВ в Вашингтоне практически не помышляли. Уроки Корейской войны были хорошо усвоены американским военно-политическим истеблишментом, прекрасно осознававшим угрозы расширения конфликта, опасность перерастания локального конфликта в глобальный и вовсе этого не желавшего. Таким образом, противоречия между СССР и США в конкретном регионе оказались в принципе не менее острыми, чем во время Корейской войны, однако они были сознательно вытеснены на периферию взаимоотношений сверхдержав.

Более того, политику СССР в ходе войны во Вьетнаме можно, как это ни парадоксально, рассматривать и в качестве впечатляющей демонстрации возможностей сотрудничества сверхдержав. Советский Союз, конечно же, не возражал бы против унижения своего главного оппонента во Вьетнаме. Однако вероятность поражения американцев, особенно на первых этапах развития конфликта, была достаточно невелика. Опасность же вторжения американских войск в Северный Вьетнам, эскалации конфликта и резкого обострения из-за столкновения интересов сверхдержав на мировой периферии всей международной обстановки оценивалась крайне негативно. СССР просто не был готов в случае необходимости вступать в полномасштабную, в том числе ядерную, конфронтацию с США по поводу Вьетнама. Именно поэтому практически на протяжении всей войны цели Москвы в рамках конфликта оказались связаны с недопущением поражения ДРВ, но первоначально отнюдь не за счет полного военного фиаско Соединенных Штатов и ухода последних из Вьетнама.

Парадоксальным для стороннего наблюдателя могло представляться развитие двуединого процесса в отношениях сверхдержав. С одной стороны, имело место ужесточение риторики Москвы и Вашингтона по вьетнамской проблеме, с другой – происходила явная интенсификация политических контактов между ними. После Карибского кризиса, в условиях достижения ядерного паритета советско-американский диалог становится по-настоящему интенсивным. Эта тенденция проявилась менее отчетливо при администрации Джонсона, и в гораздо большей степени – в эпоху Никсона и Форда. Достаточно вспомнить, что во время Вьетнам-

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

ской войны (1965-1973) были подписаны такие важные соглашения, как Договор о нераспространении ядерного оружия (1968), Договор ОСВ-1 и договор по ПРО (1972). Обострение ситуации во Вьетнаме, углубление локального конфликта поразительным образом совпало по времени со снижением напряженности в отношениях между сверхдержавами.

Неудивительно, что в ходе войны США постоянно ставят вопрос о возможности для СССР повлиять на северовьетнамское руководство, склонить его к переговорам, и даже фактически выступить в роли посредника. Эта тема затрагивалась на встрече в Глассборо в 1967 г. и позже. СССР явно оказывал влияние на руководство ДРВ, подталкивая его к вступлению в переговорный процесс в Париже в мае 1968 года. Вообще почти на всем протяжении конфликта Москва и в самом деле реально стремилась усадить своих северовьетнамских союзников за стол переговоров, временами оказывая давление на своего строптивого и достаточно самостоятельного клиента в регионе¹⁷⁶. То, что война не закончилась раньше 1973 г. зависело не только от советской или американской стороны, но и в значительной степени от того, что влияние СССР на Ханой было ограниченным. ДРВ периода войны 1965-1973 годов была гораздо более независимым в своих действиях игроком, чем, скажем, КНДР в 1950-1953 годы¹⁷⁷.

Определенную «умиротворяющую» роль для СССР играло и наличие китайского фактора. Период вьетнамской войны совпал со временем жесткого противостояния СССР и КНР, которое дошло до военных столкновений в 1969 году. Противоборство за влияние на ДРВ, а значит, и на национально-освободительные движения в странах третьего мира, было частью этого советско-китайского соперничества. Если в начале развития конфликта (1964-1966) Китай, несомненно, являлся главным авторитетом для Северного Вьетнама, то к концу войны перевес явно был на стороне СССР¹⁷⁸. Говоря о причинах вьетнамо-советского сближения и ухудшения китайско-вьетнамских отношений нельзя не отметить стремления КНР к проекции собственного влияния в Лаосе и Камбодже, а это было негативно воспринято руководством Северного Вьетнама, имевшего собственные виды на влияние в Индокитае¹⁷⁹. СССР, бо-

¹⁷⁶ Гайдук И., Маринин О. Война во Вьетнаме и советско-американские отношения // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 385-386, 381-382.

¹⁷⁷ Там же. С. 374, 378-383.

¹⁷⁸ Там же. С. 374-375; Системная история международных отношений. Т. 3. С. 291, 359.

¹⁷⁹ Jian Chen. China and the Vietnam Wars, 1950-75 // The Vietnam War / Peter Lowe (ed.). London, 1998. P.177.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

лее удаленный географически от ДРВ, был более мягким старшим партнером. Необходимо также отметить, что на Вьетнам могла повлиять политика КНР в отношении США. Дело в том, что в 1968 г. Китай первоначально осудил ДРВ за согласие на переговоры с США, но потом внезапно, без всяких предварительных консультаций со своим союзником, сам в начале 1970-х гг. пошел на контакт с США, действуя, таким образом, за спиной у вьетнамцев¹⁸⁰.

В период конфликта Китай был третьей силой, вмешивающейся в противостояние сверхдержав. Внешне его усилия были сфокусированы в том же направлении, что и усилия СССР. Сначала Китай, как и Советский Союз, поддерживал борьбу Вьетнама против США. После примирения с США в начале 1970-х годов Китай оказывал подобно СССР влияние на ДРВ с целью достижения мира. Но в действительности его интересы кардинально расходились с советскими. Москва не могла не учитывать китайского фактора при проведении своей политики в регионе. А американцы умело играли на советско-китайских политических противоречиях. Кроме того, сближение США и КНР создавало для Москвы крайне неприятную геополитическую конфигурацию на Дальнем Востоке и в целом в Евразии. Значимость китайского фактора не только с точки зрения влияния на ход Вьетнамской войны, но и в общем для развития процесса разрядки состояла прежде всего в том, что американо-китайское сближение должно было подтолкнуть СССР к более активному сотрудничеству с США. Москва, по замыслу творцов американской политики, Киссинджера и Никсона, должна была попытаться упредить Пекин на пути сближения с Вашингтоном для того чтобы не оказаться в ситуации жесткого противостояния сразу и с США, и с Китаем¹⁸¹.

Сравнительный анализ двух локальных конфликтов позволяет сделать вывод о том, что при существовании внешне близких оснований, между войной в Корее и во Вьетнаме не меньше различий, чем общих моментов.

Корейская война. Начальный, жесткий период конфронтации Запад – Восток. В ее ходе происходила выработка формулы ограниченной войны, но при этом возникла опасность эскалации, вплоть до глобального военного противостояния (особенно в связи с переходом войсками ООН 38-й параллели и вступлением в Корею Китайских народных добровольцев). Корейскую войну отличает и присутствие атомного фактора – требование генерала Макартура применить атомное оружие против КНР; возникновение в связи с

¹⁸⁰ Ibid. P. 179.

¹⁸¹ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 653-655.

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

ультиматумом администрации Эйзенхауэра угрозы ядерного удара по Северной Корее. Однако в итоге стороны взвесили все риски и удержались от эскалации. Роль клиентов сверхдержав как в развязывании войны (особенно Ким Ир Сен), так и в ее затягивании (Ли Сын Ман) была очень велика.

Война во Вьетнаме. Качественно иная ситуация – в этот период взаимоотношения СССР и США стабилизировались, так как между двумя сверхдержавами был достигнут военно-стратегический паритет, и наступила эра переговоров. Большую часть времени конфликт был ограничен рамками Южного Вьетнама – наземные войска США не переходили демаркационную линию, хотя и жестоко бомбили Север. Не было риска эскалации, несмотря на жестокость, проявлявшуюся обеими сторонами. Ядерный фактор присутствует в конфликте лишь косвенно – как инструмент взаимного сдерживания и американского психологического воздействия на Вьетнам, но не становится орудием прямого давления друг на друга. Параллельно с ходом войны развивалась разрядка, советско-американский диалог. Уже президент Л. Джонсон намекает на то, что СССР может сыграть роль посредника. Отношения двух сверхдержав – главных глобальных партнеров становятся для каждой из них важнее, чем отношения с другими странами. В итоге СССР активно способствует окончанию войны.

Объединяет оба конфликта существенная роль, которую сыграли в их развитии местные факторы. В обоих случаях налицо неадекватность политики, приведшей США к увязанию в локальной войне. В обоих случаях доктрины превалировали над рациональным поведением – в первом случае это была директива СНБ-68, во втором – «теория домино» и концепция гибкого реагирования. Впоследствии СССР, сделав по результатам Вьетнамской войны выводы об «отступлении империализма на периферии», стал активно вмешиваться в локальные конфликты и, в конце концов, угодил в афганскую ловушку. Что касается участия СССР в Корейском и во Вьетнамском конфликтах, то его также можно объяснить неверным восприятием намерений глобального партнера (США), но в еще большей степени влиянием младших партнеров и прежде всего – китайским фактором. Поведение СССР стимулировалось соперничеством за влияние среди освободительных движений третьего мира – особенно в случае с Вьетнамом.

Подводя итоги, следует отметить, что биполярный миропорядок, основанный на взаимодействии ядерных сверхдержав, опиравшихся на систему блоков и союзов, прошел между двумя этими конфликтами значительную эволюцию. Из жестко конфронтационного, анархического и непрогнозируемого в период своего фор-

Часть II. Мировопорядок сверхдержав

мирования, он превратился в довольно устойчивый и в целом предсказуемый. Этого состояния динамической стабильности мировопорядок смог достигнуть в условиях ядерного паритета и взаимного гарантированного уничтожения.

Казалось бы, сама логика биполярного противостояния подсказывала использование модели игры с «нулевой суммой» во взаимоотношениях сверхдержав. Однако реальность оказывалась куда сложнее. И особенно наглядно это демонстрировали конфликты на периферии системы международных отношений. Взаимодействие сверхдержав являло многочисленные примеры не только конфронтации, противостояния, но и сотрудничества в разных сферах: безопасности, контроля над вооружениями и т.д. Большинство из этих направлений взаимодействия имели одну цель – сделать противостояние сверхдержав менее опасным и более предсказуемым. Особенно ярко подобные тенденции проявились в период разрядки, стабилизации системы отношений сверхдержав друг с другом. Практика совместного урегулирования международных кризисов и локальных конфликтов, проявившаяся именно в связи с войной в Корее, а затем во Вьетнаме, была важной частью этого сотрудничества. Управление конфликтно-кризисными ситуациями, разрешение либо локализация конфликтов на периферии с целью ограничить их негативное влияние на отношения между сверхдержавами стали одной из наиболее важных сфер взаимодействия СССР и США. Причем речь идет о конфликтах, которые были спровоцированы самими сверхдержавами в целях «прощупывания» оппонента или в целях защиты сферы «жизненно важных интересов». Либо о конфликтах, в которые сверхдержавы впутывались из-за авантюрной политики младших партнеров, или для того, чтобы доказать партнерам свою состоятельность и надежность.

Тенденция активного сотрудничества в урегулировании конфликтов наиболее явно прослеживалась в периоды снижения напряженности в отношениях сверхдержав. Так, прологом «первой» разрядки 1950-х годов стало заключение перемирия в Корее и урегулирование ситуации в Индокитае. Высокая разрядка 1960-1970-х годов ознаменовалась разрешением крупнейшего локального конфликта того времени – Вьетнамской войны, а также локализацией других конфликтов – индо-пакистанского, ближневосточного, эфиопско-сомалийского и т.д.

* * *

Несмотря на устойчивость биполярной модели, двухполюсного мира больше нет, а из двух «империй холодной войны», казавшихся незыблемыми, осталась только одна. Произошедшие

Глава 4. Сверхдержавы на обломках империй и локальные конфликты

изменения, крушение биполярного миропорядка некоторые исследователи-постревизионисты стали объяснять тем обстоятельством, что изначально эти две империи не были равны, что СССР мог тягаться с США лишь в военной или даже только в ядерной сфере. Подобное объяснение кажется вполне правдоподобным. Есть еще немало теоретических построений, перекликающихся с приведенным выше в том смысле, что главной объединяющей их чертой является признание внутренней слабости СССР, а именно: экономическое перенапряжение советской системы, загнанной гонкой вооружений; недостаточный уровень подготовки советской правящей элиты; банкротство коммунистической идеи, потерявшей свой мобилизационный потенциал; низкий уровень эффективности советской управленческой системы и т.д. Каким бы ни было объяснение исхода «холодной войны», на смену биполярному миру, возникшему после Второй мировой войны на обломках миропорядка империй, приходит новый постбиполярный мировой порядок, в котором проявляется все больше черт моноцентричности.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США в Европе (1949-1975)

5.1. Создание НАТО. Первые задачи и функции блока

После окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты, значительно укрепив свою экономическую мощь за счет военных заказов и поставок товаров воюющим странам, обладая монополией на ядерное оружие и отказавшись от политики изоляционизма, вполне обоснованно претендовали на роль мирового лидера. Они стремились изменить соотношение сил в свою пользу и сплотить вокруг себя как можно большее число союзников. В речи президента Гарри Трумэна перед Конгрессом США весной 1947 г. принципиальный акцент был сделан на обосновании абсолютной несовместимости авторитарного и демократического государственного устройства, на противопоставлении «свободного мира» миру «коммунистической диктатуры»¹⁸². Основой внешнеполитического курса США стала политика «сдерживания» коммунизма, понимаемая в том числе и как помощь нациям в укреплении их демократических институтов, что являлось дальнейшим развитием идеологии вильсонизма¹⁸³.

Реализация «плана Маршалла» предполагала, что экономическое восстановление затормозит продвижение коммунизма в Западной Европе. Помимо этого, «план Маршалла» служил надежным средством привязки европейских стран к американской экономике и инструментом, который позволял Вашингтону влиять на политическое развитие европейских союзников, ослабить позиции коммунистических сил в Италии, Франции, Бельгии и косвенно повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах. Следующим шагом в реализации этой стратегии стало создание военно-

¹⁸² *Бонцевич Н.Н.* Общественное мнение США и Гарри Трумэн: поворот к антисоветизму (1946-1950) // Американский ежегодник. 2002. М., 2004. С. 145.

¹⁸³ Существует точка зрения, согласно которой главные направления американской внешней политики в отношении Советского Союза и послевоенного мироустройства (Атлантическая хартия, доктрина Трумэна, план Маршалла) были воплощением принципов, сформулированных еще Вудро Вильсоном. См. об этом: *Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Указ. соч. С. 389-403.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

политического союза¹⁸⁴, который должен был поставить под контроль свободу действий тех европейских стран, которым предоставлялась защита от «угрозы с Востока».

События весны-лета 1948 г. – государственный переворот в Чехословакии, заключение советско-финляндского договора о сотрудничестве, первый берлинский кризис, – придали новый импульс к созданию Организации Североатлантического договора. В январе 1949 г. представители госдепартамента США впервые открыто заявили о существовании угрозы для безопасности стран Западной Европы и о неэффективности ООН из-за принципа единогласия членов Совета Безопасности¹⁸⁵.

Юджин Ростоу – заместитель государственного секретаря Дина Раска по политическим вопросам, принимавший активное участие в судьбе Североатлантического альянса в середине 1960-х годов, считал, что создание НАТО было не только ответом на советскую попытку доминировать в Европе после окончания Второй мировой войны. По его мнению, это был ответ на более глубокие перемены в мировом устройстве. Он полагал, что управляемая великими державами система международных отношений функционировала весьма успешно с 1815 г. вплоть до начала XX века. 1914 год стал началом ее разрушения, которое окончательно завершилось в 1945-м, когда «новый мировой порядок» был объявлен действующим под началом Устава ООН. Однако Ю. Ростоу считал, что Организация Объединенных Наций оказалась настолько же слаба, как и Лига Наций, а Устав ООН оставался своего рода лишь «кодексом поведения», «одобренным сводом правил». В связи с этим, по мнению Ростоу, и потребовалась такая организация как НАТО, нацеленная не только на поддержание безопасности ее членов, но и на достижение баланса сил¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Идея создания Атлантического союза родилась еще до начала Второй мировой войны. Так, в 1939 г. американский политический обозреватель Клэрэнс Стрейт (в дальнейшем – влиятельный публицист, создатель и руководитель Совета по созданию союза демократий), освещавший работу Лиги Наций, опубликовал работу «Союз немедленно. Проект федерального союза демократических государств Северной Атлантики» (Union now. A Proposal for a Federal Union of the Democracies of the North Atlantic. New York – London, 1939). В ней он предлагал создать федеральный союз 15 североатлантических стран, который бы имел единое правительство, общий парламент и объединенные вооруженные силы. См. также: *Замошкин Ю.А., Баталов Э.Я., Малашенко И.Е., Мельвиль А.Ю.* Общественное сознание и внешняя политика США. М., 1987. С. 48.

¹⁸⁵ Системная история международных отношений. Т. 3. С. 99–100.

¹⁸⁶ *Rostow E.* A practical programme for peace: the 20th anniversary of the Harmel report // NATO review. 1987. № 4. P. 15.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

Начало войны в Корее летом 1950 г. послужило дополнительным импульсом к превращению Североатлантического альянса из организации, существовавшей фактически лишь на бумаге, в действующий институт и мощный фактор силы в мировой политике. Подогревая опасения по поводу того, что эта война является подготовкой более широкого наступления СССР на страны Запада, Соединенные Штаты приступили к укреплению военного потенциала альянса. Однако заявление президента Г. Трумэна от 30 ноября 1950 г. о том, что в Соединенных Штатах активно рассматривается вопрос о применении ядерного оружия в ходе войны в Корее, вызвало волну опасений среди западноевропейских союзников по НАТО. Особенно острой была реакция Великобритании, так как там имелась самая высокая концентрация баз стратегической авиации США в Европе, и в случае развязывания атомной войны именно ее территория стала бы первой мишенью атомного удара. Понимая, что рост недоверия между союзниками по НАТО может привести к снижению обороноспособности альянса в целом и затормозить планы перевооружения Западной Германии, Соединенные Штаты согласились впредь информировать союзников по вопросам, касавшимся применения атомного оружия. В дальнейшем, стремясь создать видимость равного партнерства и исключить подозрения в одностороннем диктате, а также как можно теснее связать между собой союзников по НАТО, США особый акцент делали на необходимости рассмотрения в рамках Североатлантического альянса не только военных, но и экономических и политических вопросов.

На сессиях Совета НАТО последовательно проводилась идея о необходимости более тесного экономического и политического партнерства между государствами-членами альянса и их сотрудничества в рамках других международных структур, например, Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС)¹⁸⁷. Специально для изучения вопроса о возможностях и способах укрепления сплоченности союзников в этих областях в сентябре 1951 г. был учрежден Комитет атлантического сообщества под председательством министра иностранных дел Канады Л. Пирсона¹⁸⁸. По результатам рассмот-

¹⁸⁷ ОЕЭС была образована в апреле 1948 г. для содействия осуществлению «плана Маршалла». Основной задачей организации была провозглашена экономическая интеграция Западной Европы. В дальнейшем именно в рамках ОЕЭС получила свое рождение идея формирования «зоны свободной торговли», которая потом воплотилась в создании европейского «Общего рынка». См.: Западная Европа. Экономика, политика, классовая борьба. М., 1979. Т. 1. С. 172-173.

¹⁸⁸ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Ottawa 15th – 20th Sep 1951 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 65. Здесь и далее см. также: <http://www.nato.int/docu/comm>.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

рения на сессии Совета НАТО в феврале 1952 г. итогового доклада комитета, в котором подчеркивалась важность экономического сотрудничества и либерализации торговли, была принята «Декларация о целях». В ней говорилось, что в будущем НАТО сконцентрирует свое внимание не только на военных вопросах, но и расширит свою компетенцию на другие сферы отношений между союзниками¹⁸⁹.

В июле 1952 г. был создан специальный политический отдел в составе секретариата генсека НАТО, в функции которого входили анализ политических событий в мире и подготовка предложений по политическому, социальному и культурному взаимодействию в рамках Атлантического сообщества. В начале 1953 г. по инициативе американского президента Д. Эйзенхауэра, считавшего необходимым обсуждать все вопросы, которые в той или иной степени могли бы повлиять на политику блока, было принято решение расширить тематику политических консультаций в рамках НАТО. Рассмотрению подлежали такие проблемы, как позиция Швеции, Финляндии, Югославии, Испании и стран Британского Содружества по отношению к НАТО; взаимоотношения Франции со странами Юго-Восточной Азии; корейский вопрос и т.д.¹⁹⁰.

В дальнейшем неоднократно подчеркивалась необходимость углубления атлантического партнерства, поиска индивидуальных и коллективных мер для усиления сотрудничества в политической и экономической областях. Однако поддержка экономической интеграции стран-членов альянса шла параллельно с утверждением тезиса об особой роли союза как своеобразного форума для обсуждения всех политических вопросов. Подобного рода стратегия преследовала цель создания экономически единой, сильной Европы, но не допускала интенсивного развития политической интеграции западноевропейских государств.

5.2. Испытание на прочность. Доклад комитета «трех мудрецов»

Смерть И.В. Сталина и приход к власти нового советского руководства привели к тому, что фундамент сплоченности союзников, основанный на общей стратегии по отношению к Советскому Союзу, был в определенной степени поколеблен.

¹⁸⁹ *Ismay H.* NATO. The first five years. 1949-1954. Utrecht, 1955. См.: <http://www.nato.int/archives/1st5years/appendices/5.htm>.

¹⁹⁰ The evolution of NATO political consultation 1949-1962. См.: <http://www.nato.int/archives/docu/d630502e.htm>.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

Генеральный секретарь НАТО лорд Исмей в начале апреля 1953 г. отмечал, что после смерти Сталина в общественном мнении стран-членов НАТО изменилось само отношение к Советскому Союзу¹⁹¹. Такие перемены были связаны с тем, что во внешней политике СССР стали заметны признаки «смягчения» курса по отношению к корейскому (в июле 1953 г. подписано соглашение о перемирии в Корее) и германскому вопросам (предложение об отказе от курса на строительство социализма в ГДР). Это в свою очередь вызвало рост дискуссий среди союзников по блоку НАТО относительно вопроса о трансформации советской внешней политики.

К октябрьской сессии Совета НАТО 1955 г. был подготовлен специальный доклад под названием «Влияние советской политики и тактики на общественное мнение». В нем отмечалось, что последующее за смертью Сталина изменение советского внешнеполитического курса создало в общественном мнении стран-членов альянса «надежды на установление нового этапа взаимоотношений между странами Востока и Запада»¹⁹². В докладе подчеркивалось, что прежде «жесткая политика и грубый тон сталинской дипломатии» убеждали правительства стран НАТО в необходимости укрепления оборонной политики, а изменения в советской внешнеполитической линии могли иметь прямо противоположенный эффект. Авторы доклада считали, что новая политика СССР может укрепить позиции тех политических сил, которые выступают за сокращение оборонных обязательств в рамках альянса и расходов на военные нужды в рамках национальных бюджетов, а также привести к усилению позиций прокоммунистических политических групп в национальных правительствах¹⁹³.

XX съезд КПСС внес еще большую растерянность в атлантические ряды. Выступая с отчетным докладом, первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев подверг ревизии сталинскую теоретическую схему, согласно которой, пока существует капитализм, новая мировая война считалась неизбежной, и единственный путь устранения этой неизбежности лежал через уничтожение капитализма. Изредка вспоминая советским руководством при Сталине ленинская концепция мирного сосуществования фактически означала вооруженное перемирие, отсутствие состояния войны между двумя антагонистическими системами. О возможности и желательности сотрудничества между Востоком и Западом до XX съезда не говорилось ни слова¹⁹⁴.

¹⁹¹ NATO Archives. C-R (53) 16 (Архив НАТО в Брюсселе).

¹⁹² NATO Archives. C-M (55) 87. Part II. P. 7-8.

¹⁹³ Ibid.

¹⁹⁴ *Нежинский Л.Н. Чельшев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945-1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 23-24.*

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

Н.С. Хрущев решительно отошел от этой схемы, заявив, что страны с разными социальными системами не просто могут существовать рядом друг с другом, но им нужно идти дальше по пути налаживания отношений и укрепления доверия. Большой резонанс вызвали и другие инновационные положения, такие, как возможность новых, отличающихся от советских образцов, форм перехода различных стран к социализму, необходимость изменить отношение к социал-демократии и т.д.¹⁹⁵. Несмотря на то, что «мирное сосуществование по Хрущеву» предусматривало сильный акцент на продолжении идеологической борьбы с «империализмом», тем не менее, эти изменения доктринальных основ внешней политики были серьезным свидетельством отсутствия у Москвы воинственных намерений в отношении Запада.

Так как с самого начала своего существования Североатлантический альянс представлял собой военно-политическую организацию, целью которой было объявлено противостояние угрозе со стороны Советского Союза, то принципиальное изменение характера этой угрозы не способствовало укреплению сплоченности союзников по НАТО. На сессии Совета НАТО в Париже 4 мая 1956 г. было отмечено, что в связи с последними изменениями в советской стратегии Североатлантический альянс – наряду с поддержанием военной составляющей – должен «изменить свою тактику и пересмотреть свои приоритеты»¹⁹⁶. На этом настаивал и госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, считавший необходимым усиление роли консульств между союзниками по политическим вопросам, что должно было помочь, по его мнению, избежать ситуации, при которой страны-члены НАТО могли придерживаться противоположенных позиций по тем или иным политическим проблемам¹⁹⁷.

В результате 5 мая 1956 г. было принято решение об учреждении комитета «трех мудрецов»¹⁹⁸. В его состав вошли министры иностранных дел Италии, Норвегии и Канады – Г. Мартино, Х. Ланге, Л. Пирсон. Образованный комитет должен был дать рекомендации по вопросам расширения сотрудничества в невоенной области и по проблеме укрепления сплоченности в рамках Атлантического сообщества. Однако разразившийся осенью 1956 г. Суэцкий кризис – как результат действий Великобритании, Франции и

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ NATO Archives. CR (56) 20. P. 8.

¹⁹⁷ Ibid. P. 18.

¹⁹⁸ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Paris 4th – 5th May 1956 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 98-100.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

Израиля против Египта – поставил под вопрос не только дальнейшее развитие НАТО, но и вообще возможность сотрудничества атлантических стран.

Американская администрация дистанцировалась от своих британских и французских союзников и содействовала их поражению. Тем не менее главной политической задачей, стоящей перед Соединенными Штатами, оставалось сохранение «атлантической солидарности». Чтобы не углублять разногласий в НАТО, президент Д. Эйзенхауэр стремился напомнить европейским союзникам об их общих интересах с США. В телефонных разговорах с главами правительств Франции и Великобритании А. Иденом и Г. Молле он сравнивал ситуацию в отношениях с союзниками с «семейной ссорой». Затем это выражение использовал и госсекретарь Дж. Ф. Даллес, заявлявший, что ссора стран НАТО «из ряда тех, которые не ведут к разводу»¹⁹⁹.

Соединенные Штаты в лице госсекретаря Даллеса, разъясняя свою позицию в ходе Суэцкого кризиса, подчеркивали, что действия американской администрации не должны были расцениваться как свидетельство того, что Вашингтон больше не намерен защищать своих союзников. Эти действия, как отмечал Даллес, были обусловлены определенными обязательствами, связывающими США²⁰⁰. Осуждение политики Великобритании и Франции вновь сопровождалось утверждением тезиса о неспособности ООН быть «краеугольным камнем» международной политики²⁰¹.

С целью поддерживать свою пошатнувшуюся солидарность, союзники по НАТО «ухватились» за события осени того же года в Венгрии, рассматривая их как подтверждение наличия «советской угрозы» Западу. Постепенно переносился акцент с суэцких событий на советское вмешательство в Венгрии, руководство альянса вполне успешно пыталось сгладить противоречия между союзниками, используя «советскую угрозу» в качестве объединяющего фактора. В ходе обсуждения в рамках комитета «трех мудрецов» сложившейся ситуации в Восточной Европе было отмечено, что проблемы в механизме сотрудничества стран Запада возникли в то самое время, когда Советский Союз путем использования силы в Венгрии подтвердил возврат к политике «жестокости и открытой враждебности»²⁰². В связи с этим, говорилось далее, основная задача

¹⁹⁹ Пеллупась М.Я. Суэцкий кризис 1956 года // Холодная война 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 573.

²⁰⁰ NATO Archives. CR (56) 69 (Part II). P. 9.

²⁰¹ Ibid. P. 9; CR (56) 70. P. 5-6.

²⁰² NATO Archives. CM (56) 126. P. 1.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

НАТО – развивать пути и возможности для предотвращения разногласий в отношениях между членами альянса, объединять их усилия перед лицом новых кризисов, спровоцированных Советским Союзом. В заключительном коммюнике декабрьской сессии Совета НАТО было заявлено о необходимости «мужественно встретить любую угрозу, которая подвергнет опасности безопасность и свободу Атлантического сообщества»²⁰³.

В результате рекомендации комитета «трех мудрецов» стали ответом не только на новую внешнеполитическую доктрину Советского Союза, но и реакцией на Суэцкий кризис и венгерские события. Члены комитета «трех мудрецов» подчеркивали, что «наличие односторонних действий некоторых членов правительств по вопросам, напрямую касающихся альянса, оказывало вредное воздействие на сплоченность союза и, таким образом, ослабляло организацию»²⁰⁴ (имелись в виду прежде всего несогласованные с США акции Великобритании и Франции в ходе Суэцкого кризиса. – П.Г.). В связи с этим отмечалась необходимость предоставления Совету НАТО полной информации о политических событиях в любой области, которые могли бы затрагивать интересы одного из членов альянса или же союз в целом. Помимо этого, странам-членам альянса было рекомендовано информировать Совет на самых ранних стадиях развития событий и не делать никаких политических заявлений, влияющих каким-либо образом на весь альянс или на его отдельных членов, без предварительных консультаций с остальными союзниками по НАТО.

Консультации при этом, по мнению членов комитета, должны были вестись по всем вопросам, с которыми сталкивался альянс как организация или же отдельные его члены (в том числе и за пределами зоны ответственности НАТО), чтобы выработать единую позицию по всем глобальным проблемам. Подчеркивалось, что Совет НАТО должен стать в будущем «высшим международным органом по выработке общей политики свободных государств»²⁰⁵. Несмотря на серьезные разногласия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и остальными членами НАТО – с другой, о причинах Суэцкого кризиса, Соединенные Штаты настояли на том, что первым шагом для укрепления сотрудничества должно стать одобрение доклада комитета «трех мудрецов» на сессии Совета НАТО.

²⁰³ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Paris 11th – 14th Dec 1956// NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 102.

²⁰⁴ Committee of Three Questionnaire. NATO Archives. CT-D/1.

²⁰⁵ NATO Archives. CM (56) 45 (revised). P. 4, 7-8.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

Лишь после этого предполагалось проведение более подробного обсуждения форм и методов консультаций²⁰⁶. Итоговый доклад комитета «трех мудрецов» был представлен сессии Совета НАТО в декабре 1956 года, где его рекомендации были одобрены, а текст было решено опубликовать с целью популяризации.

Советская концепция мирного сосуществования расценивалась в докладе как тактический маневр коммунистов, преследующий цель демобилизовать Запад и осуществить «экспорт революции» в развивающиеся страны. В докладе отмечалось, что Советский Союз стремится поймать другие страны в «ловушку» экономическими средствами и политической «подрывной деятельностью», набросить на них те же самые «кандалы коммунизма», от которых некоторые члены советского блока «стремятся освободиться». В связи с этим странам-членам НАТО рекомендовалось поддерживать «бдительность», имея дело с подобного рода новой формой «проникновения». Изменения в советской политике, которые произошли после смерти Сталина, утверждалось в докладе, не уменьшили потребность в коллективной обороне, а наоборот, поставили альянс перед новым вызовом (ст. 19, 20)²⁰⁷. Последние события в Восточной Европе расценивались как доказательство того, что Советский Союз может в определенных обстоятельствах использовать силу или угрозу силы, и поэтому «военная мощь НАТО не должна быть уменьшена, хотя ее характер и способности должны быть приспособлены к меняющимся обстоятельствам» (ст. 3, 25, 27).

Рассматривая в качестве основной причины создания НАТО советскую угрозу, авторы доклада отмечали существование инстинктивного чувства необходимости более «тесной ассоциации родственных атлантических и западноевропейских наций не только для целей совместной обороны». Это было, говорилось в докладе, «ощущение *Атлантического сообщества* (курсив наш. – П.Г.), чьи корни намного глубже, чем потребность в общей обороне». Далее подчеркивалось, что безопасность стран-членов НАТО это не только военный вопрос, поэтому Североатлантический альянс должен стать чем-то большим, нежели просто военным союзом. Развитие Атлантического сообщества провозглашалось главной задачей блока (ст. 12, 14, 28).

В докладе делался акцент на том, что национальное государство, полагаясь исключительно на национальную политику и национальную власть, «является неадекватным для прогресса и даже

²⁰⁶ NATO Archives. CR (56) 71. P. 10.

²⁰⁷ Text of the Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO. См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/bt-a3.htm>.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

для выживания в ядерном веке». Считалось, что растущая взаимозависимость государств, политическая и экономическая, также как и военная, приводят к постоянному увеличению международного единства и сотрудничества. Подчеркивалось, что некоторые государства «могут быть способны наслаждаться достигнутым ими уровнем политической и экономической независимости, когда дела идут хорошо, но ни одно государство, даже самое мощное, не может гарантировать свою безопасность и свое процветание только путем национальных действий» (ст. 36).

Такая позиция отражала стремление американского руководства к углублению тесных связей, особенно атлантических отношений со странами Западной Европы. Предполагалось, что «европеизм» будет развиваться только в рамках атлантической интеграции и пойдет в направлении наднационального объединения государств, которое представлялась управляемым для Соединенных Штатов²⁰⁸. При этом концепция «атлантического сообщества» предусматривала, что в будущем атлантическими рамками будут охвачены все важнейшие сферы военной, экономической и политической деятельности западных стран.

Было заявлено о том, что, исходя из опыта прошлых разногласий в политике стран-членов НАТО, подтверждается потребность всех участников альянса развивать эффективные политические консультации и сотрудничество. Авторами доклада предусматривалось: предоставление необходимой предварительной информации Совету НАТО по вопросам, затрагивающим союз; право отдельных стран-членов и генерального секретаря выдвигать на обсуждение Совета вопросы, представляющие общий интерес; создание комитета политических советников. Особо подчеркивалась роль консультаций внутри альянса, которые «означают больше, чем возможность Совету НАТО знать о принятии национальных решений... Они означают обсуждение проблемы коллективно, на самых ранних этапах формирования политики и до того, как будет выработана национальная позиция» (ст. 42).

Однако руководство Соединенных Штатов в лице госсекретаря Дж. Ф. Даллеса сделало небольшое дополнение, отметив, что такой вариант является желательным, но существуют ситуации, когда действовать необходимо как можно быстрее, что в свою очередь ограничивает возможность предварительных консультаций²⁰⁹. Даллес

²⁰⁸ *Иванова И.М.* Концепция «атлантического сообщества» во внешней политике США. М., 1973. С. 44, 95.

²⁰⁹ The evolution of NATO political consultation 1949-1962. См.: <http://www.nato.int/archives/docu/d630502e.htm>.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

считал, что относительно необходимости проведения предварительных консультаций по вопросам, которые затрагивают других членов НАТО (ст. 51, 52), Вашингтон не сможет выполнить этих обязательств во всех случаях, так как в США существует определенная конституционная практика и Соединенные Штаты имеют оборонительные соглашения с 44 нациями, из которых 20 не являются членами НАТО²¹⁰. Подобного рода позиция американского госдепартамента была высказана Даллесом еще 23 апреля 1954 года. Поддержав инициативу Л. Пирсона об усилении роли политических консультаций, он заметил, что для такой страны, как Соединенные Штаты, имеющей интересы по всему миру, весьма затруднительно консультироваться с союзниками по альянсу по любому вопросу. В случае непредвиденных обстоятельств более важным является принятие правильного решения, а не предварительные консультации²¹¹.

Одновременно с усилением роли политических консультаций в докладе затрагивались и вопросы экономического сотрудничества. Был учрежден комитет экономических советников, который должен был урегулировать любые экономические разногласия, в особенности касающиеся политических вопросов и обороны, а также содействовать экономическому процветанию «Атлантического сообщества». «Роль НАТО как сдерживающего фактора, основанного на солидарности и силе, может быть выполнена только в том случае, если политическое и экономическое сотрудничество между союзниками будет тесным и согласованным. Союз, в котором все члены игнорируют интересы друг друга, ... не может быть эффективен ни для сдерживания, ни для обороны», – подчеркивалось в докладе (ст. 9). Мотивацией для плодотворного развития экономической и финансовой политики стран-членов альянса вновь выступало утверждение об агрессивной политике Советского Союза, якобы направленной на использование экономических мер для ослабления стран Запада и создания высокой степени зависимости других государств от Советского блока (ст. 71).

Таким образом, доклад комитета «трех мудрецов», заложив основные принципы сотрудничества атлантических стран в политической и экономической областях, стал ответом на новую внешнеполитическую доктрину Советского Союза. Акцентируя необходимость устранения разногласий в отношениях между партнерами по альянсу, их сплочение перед лицом общей угрозы и способность оперативно действовать в критической ситуации, этот документ был нацелен на преодоление кризиса в отношениях между союзниками после Суэцкого кризиса.

²¹⁰ NATO Archives. CR (56) 72. P. 6.

²¹¹ NATO Archives. C-R (54) 18.

5.3. Нарастание противоречий и способы их урегулирования

«Суэцкое унижение» Франции и Великобритании привело к тому, что европейцы почувствовали себя во многом зависящими от Соединенных Штатов, а это в свою очередь повлияло на ускорение процесса переговоров по созданию Европейского экономического сообщества. Соединенные Штаты выступили с полной поддержкой дальнейшей европейской экономической интеграции, рассматривая ее как средство консолидации стран Западной Европы. На сессии Совета НАТО в декабре 1957 г. была подтверждена особая важность подобного рода инициативы, так как «она укрепляет не только участвующие страны, но и отношения внутри Атлантического сообщества». Взаимозависимость экономик стран-членов НАТО признавалась важной составляющей дальнейшего развития блока. Предлагалось проводить в дальнейшем более тесные консультации по вопросам экономического сотрудничества в рамках Североатлантического альянса²¹².

Однако процесс европейской интеграции был осложнен ростом противоречий между Францией, с одной стороны, и Великобританией и Соединенными Штатами – с другой. После Суэцкого кризиса британское правительство довольно быстро восстановило хорошие отношения с Соединенными Штатами до уровня, который давал основания французским политикам обвинять Великобританию в превращении в «троянского коня» американцев в Европе. Соединенные Штаты выстраивали своеобразную иерархическую систему взаимоотношений в рамках Североатлантического альянса: лидер (США) – привилегированный союзник (Великобритания) – остальные страны²¹³.

Попыткой реорганизовать НАТО и допустить Францию к разработке главных направлений политики и стратегии блока стало секретное послание генерала Ш. де Голля президенту Д. Эйзенхауэру от 17 сентября 1958 года. В нем содержался революционный проект реформы политической структуры НАТО, фактически предлагающий превратить альянс в своеобразный руководящий «триумвират»²¹⁴.

²¹² Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Paris 16th – 19th Dec 1957; Copenhagen 5th – 7th May 1958 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 115-116; 118-119.

²¹³ Пилько А.В. Роль ближневосточного конфликта 1956-1958 гг. в возникновении «кризиса доверия» в НАТО // Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика: Материалы VIII научной конференции Российской ассоциации американистики. М., 2003. С. 236-237.

²¹⁴ Charles de Gaulle. Memories d'espoir. Le renouveau 1958-1962. Paris, 1970. P. 214-215.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

Опираясь на первые результаты в создании собственного ядерного оружия, генерал де Голль поставил перед США и Великобританией вопрос о перестройке всей системы НАТО с учетом того факта, что среди членов блока уже имелись три ядерные державы. Ссылаясь на конфликты в Тайваньском проливе, а также на Ближнем Востоке – в Ливане и Иордании, где США и Великобритания высадили свои войска после революции в июле 1958 г. в Ираке, де Голль указывал, что в обоих случаях события могли выйти из-под контроля и вызвать всеобщую войну, в которую была бы неизбежно вовлечена Франция. Между тем он отмечал, что Франция была в последний момент извещена о намерениях своих союзников и не могла участвовать в принятии решений. Объявляя подобное положение нетерпимым и считая его прямым следствием как ограниченной географической сферы ответственности НАТО, так и решающей роли США в вопросах применения ядерного оружия, де Голль предлагал предоставить «триумвирату» возможность принимать «совместное» решение об использовании ядерного оружия, что предполагало бы французское право вето на его использование²¹⁵. Помимо этого предложенная де Голлем новая организация в рамках НАТО должна была быть уполномочена составлять стратегические планы и реализовывать их в различных частях света. Меморандум предусматривал раздел всех зон, находящихся вне официальной сферы деятельности НАТО, на определенные «организационные операционные театры». Президент Франции не скрывал, что при такой реорганизации Североатлантического альянса его страна хотела бы получить африканское командование НАТО в свои руки²¹⁶.

Отрицательный ответ американского руководства на это французское предложение породил рост дальнейших противоречий между союзниками по блоку. Франция встала на путь сокращения своих обязательств в рамках Североатлантического альянса: весной 1959 г. вывела из-под оперативного контроля НАТО свой средиземноморский флот; отказалась дать разрешение на размещение на своей территории складов американских ядерных боеприпасов к истребителям-бомбардировщикам ВВС США, дислоцированным на французских аэродромах НАТО.

Создание Великобританией Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) привело к тому, что противоречия между двумя европейскими державами стали проявляться в форме соперничества двух экономических группировок – ЕЭС и ЕАСТ. Соединен-

²¹⁵ История Франции. В 3-х томах. М., 1973. Т. 3. С. 442-443.

²¹⁶ Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики, 1958-1972. М., 1976. С. 21-22.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

ные Штаты расценивали такой ход событий, как крайне нежелательный, стремясь убедить европейских союзников в необходимости преодолеть экономическое соперничество и избавиться от противоречивых национальных интересов. Выступая с поддержкой идеи присоединения Великобритании к «Общему рынку», американское руководство не переставало подчеркивать, что противоречия между европейскими союзниками несут потенциальную угрозу атлантической солидарности²¹⁷.

Разногласия между Соединенными Штатами и Великобританией, с одной стороны, и Францией – с другой, были чреватые тем, что ЕЭС могло превратиться в отдельное закрытое экономическое, а в перспективе – в политическое объединение под эгидой Парижа. С целью противодействия этому процессу, Соединенные Штаты путем частичного удовлетворения требований де Голля пытались вновь вовлечь Францию в ряды активных участников блока НАТО. Так, в конце 1959 г. именно американской стороной было высказано предложение о необходимости долгосрочного исследования проблем, стоящих перед альянсом.

Государственный секретарь США Кристиан Гертер не скрывал, что основная задача этой программы – политическая. По его мнению, она заключалась в том, чтобы координировать действия союзников по Североатлантическому альянсу в отношении Советского Союза, а также вести обмен мнениями по проблемам вне зоны ответственности НАТО. Он подчеркивал, что в ходе подобного рода исследования необходимо отдельно признать «особую ответственность держав с мировыми интересами» наряду с «общими интересами всех стран-членов альянса»²¹⁸.

В ходе обсуждения на сессии Совета НАТО доклада «Долгосрочное планирование» в декабре 1960 г. представители Великобритании отмечали, что наряду с полностью согласованной позицией союзников по таким вопросам, как Берлин или сокращение вооружений, разногласия существуют в других областях. Прежде всего это проявляется в «существующей в Европе ситуации, касающейся отношений Шестерки и Семерки» (ЕЭС и ЕАСТ. – П.Г.). В связи с этим особое внимание члены британской делегации сконцентрировали на необходимости долговременного планирования в экономической сфере²¹⁹. Однако министр иностранных

---

²¹⁷ The evolution of NATO political consultation 1949-1962. См.: <http://www.nato.int/archives/docu/d630502e.htm>.

²¹⁸ Verbatim Record of the Meeting of the Council held on Tuesday, 15th December 1959. Speech by Mr. Herter. (C-VR(59)44). См.: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_Harmel/documents/volume3/01-V3.pdf.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

дел Франции М.К. де Мюрвилль заявил, что концепция, согласно которой Североатлантический альянс является не только оборонительным пактом, но и одновременно «политическим сообществом», страны-члены которого «должны стремиться развивать общую внешнюю политику», нуждается в более пристальном и детальном изучении²²⁰.

Позиция де Мюрвилля отражала стремление Ш. де Голля не просто договориться с США и Великобританией о трехсторонних консультациях в рамках Североатлантического альянса, но и коренным образом реформировать блок НАТО. Позднее, в беседе с канцлером ФРГ К. Аденауэром в январе 1963 г. де Голль пояснил, что «реорганизация НАТО должна привести к такому положению, при котором не будет больше американской гегемонии, а часть стратегической ответственности будет переложена на Европу»²²¹. Однако Соединенные Штаты не были готовы к ограничению своих полномочий и предоставлению западноевропейцам большей свободы действий в выработке стратегии развития альянса.

В ходе Кубинского кризиса отношения между союзниками по НАТО были осложнены недовольством западноевропейцев тем обстоятельством, что США предпочитали лишь изредка информировать союзников, но никак не консультироваться с ними²²². Так, при принятии решения о введении блокады Кубы американское руководство не проводило никаких предварительных консультаций, а лишь де-факто проинформировало партнеров по альянсу о своих намерениях. И хотя в ходе Кубинского кризиса страны Западной Европы выступали на стороне Соединенных Штатов, они, тем не менее, частично игнорировали американское экономическое эмбарго в отношении Кубы²²³.

Вашингтон, в свою очередь, не скрывал разочарования итогами испытания на практике прочности межсоюзнических отношений и предпринимал попытки перехватить инициативу, чтобы использовать последствия кризиса в своих интересах. Заместитель государственного секретаря США Дж. Болл в декабре 1962 года, отмечая трудности, с которыми связаны консультации в условиях

²¹⁹ NATO Archives. CR(60)52. P. 13-14.

²²⁰ Ibid. P. 18.

²²¹ См.: *Adenauer K.* Erinnerungen. Stuttgart, 1968. Bd. 4 (1959-1963). S. 206.

²²² *Münzer Ch.* Kennedy, die Berlin Mauer und die Kuba-Krise. Die westliche Allianz in der Zerreißprobe 1961-1963. Paderborn, 2003. S. 27.

²²³ *Пилько А.В.* Влияние Карибского кризиса на взаимоотношения союзников по НАТО (1962-1965). М., 2003. С. 18-19.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

развивающегося кризиса, предлагал в будущем заранее договариваться о едином плане действий союзников посредством создания механизмов для неотложных и скоротечных консультаций в условиях обострения международной обстановки²²⁴. Помимо этого, для урегулирования противоречий и консолидации союзников в рамках НАТО, а также стремясь не допустить создания нового западноевропейского «центра силы», американское руководство стало активнее выступать с пропагандой «концепции взаимозависимости», распространяя ее не только, как это практиковалось ранее, на отношения между США и Великобританией.

В июне 1963 г. госсекретарь США Д. Раск в своем выступлении на сессии Совета НАТО особый акцент сделал на идее взаимозависимости, которая подразумевала, по его мнению, более тесное экономическое и политическое сотрудничество между странами-членами альянса. Он считал, что, принимая во внимание последние международные события, союзники должны стремиться консультироваться по всем вопросам, в том числе и по тем, которые касались проблем вне зоны ответственности НАТО. Однако он подчеркивал, что консультации не всегда могут заменить конкретные действия, а некоторые политические обстоятельства могут подвигнуть действовать без предварительного согласования, как это было во время Кубинского кризиса²²⁵. Таким образом, выступая с концепцией «взаимозависимости», Соединенные Штаты вновь особый акцент делали на важности консультаций между союзниками, необходимости согласования их действий на международной арене и избежания нескоординированных акций. Подобный подход был вполне справедливо охарактеризован в отечественной исторической науке как попытка «управления» и воздействия на противоречия между США и странами Западной Европы в сторону их ослабления с помощью экономических и политических методов²²⁶.

Охлаждение в отношениях между США и Западной Европой было усугублено также и тем, что Вашингтон продолжал настаивать на осуществлении плана создания Многосторонних ядерных сил (МЯС) НАТО. Их создание предполагало, что Великобритания и Франция согласятся поставить свои ядерные силы под международное командование, а ФРГ получит доступ к «ядерной кнопке», но не будет иметь собственного ядерного оружия.

---

²²⁴ Там же. С. 21.

²²⁵ NATO Archives. CR(63)29. P. 7.

²²⁶ См.: Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба. М., 1981. С. 279-290.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

Выдвигая проект создания МЯС, американское руководство преследовало несколько целей. Первая из них заключалась в том, чтобы после Берлинского кризиса 1961 г. пойти на некоторые уступки Западной Германии и не допустить ее переориентации на Францию. Помимо этого проект должен был создать альтернативу национальным ядерным силам и таким образом нейтрализовать стратегическую линию генерала де Голля по формированию независимого от США ядерного потенциала. К тому же путем образования своеобразного «ядерного товарищества» Соединенные Штаты создавали видимость разделения ядерной ответственности с союзниками по НАТО.

Однако против проекта МЯС категорически выступила Франция, усмотревшая в нем угрозу своим собственным ядерным силам. Ш. де Голль еще в январе 1963 г. заявлял о своем намерении порвать связи с НАТО и даже выйти из этого военного союза, если проект будет претворен в жизнь. Он считал, что создание МЯС является «разобщающим элементом для НАТО и Европы» и своеобразным «тайным заговором против Франции»²²⁷. Называя план МЯС «ядерной спекуляцией, в которой США сохраняли бы за собой право решающего голоса», де Голль не одобрял участие других западноевропейских стран в этом проекте²²⁸.

Великобритания настаивала на осуществлении своего альтернативного плана создания Атлантических ядерных сил (АЯС), который обеспечивал ей положение привилегированного союзника США и роль второй ядерной державы. Сомнения относительно участия в проекте МЯС высказали такие государства, как Дания, Исландия, Канада, Норвегия и Турция. Голландия объявила себя «свободной от обязательств». Бельгия заняла особую позицию: участвуя в переговорах, она оставила за собой право окончательного решения²²⁹.

Для Соединенных Штатов ситуация осложнялась тем, что реализация проекта МЯС означала неподписание с Советским Союзом договора о нераспространении ядерного оружия. Именно на этом неоднократно настаивал в переговорах с американским руководством посол СССР в США А.Ф. Добрынин²³⁰. Испытания же ядерной бомбы в Китае в октябре 1964 г. привели к тому, что приоритеты

²²⁷ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1964-1968. Vol. XIII. Western Europe region. Washington, 1995. P. 92-93.

²²⁸ FRUS. 1964-1968. Vol. XII. Western Europe. №. 42. См.: <http://www.state.gov/r/pa/ho/frus/johnsonlb/xii/>

²²⁹ Халоба Б. НАТО: кризис углубляется, угроза остается // Мировая экономика и международные отношения. 1966. № 10. С. 5-16.

²³⁰ FRUS. 1964 — 1968. Vol. XIII. P. 43-44; 271-273.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

американского госдепартамента постепенно склонились в сторону заключения подобного соглашения²³¹. В результате идея частично-го разделения ядерной ответственности с союзниками по альянсу постепенно отошла на второй план. На смену ей пришел проект внедрения широких консультаций по ядерным вопросам.

Министр обороны США Р. Макнамара на совещании военных министров НАТО в Париже 31 мая – 1 июня 1965 г. предложил основать орган, который должен был исследовать возможности улучшения и расширения участия союзников в решении вопроса об использовании тактических и стратегических ядерных сил²³². В декабре 1965 г. на сессии Совета НАТО было принято решение о создании специального ядерного комитета («комитета Макнамары»). Этот шаг, по мнению американского госдепартамента, должен был свидетельствовать о том, что Соединенные Штаты действительно намеревались более серьезно консультироваться с союзниками по НАТО по ядерным вопросам²³³. Таким образом, перейдя к проведению политики привлечения союзников к процессу совместного обсуждения ядерной стратегии, США сумели сохранить за собой «ядерный центризм» в этой важнейшей сфере деятельности НАТО.

5.4. Действия генерала де Голля и их влияние на политику НАТО

Война во Вьетнаме, а также политика Соединенных Штатов, направленная на создание общих натовских ядерных сил, а затем и механизма политических консультаций в области ядерной стратегии, способствовали тому, что внутри Североатлантического альянса разразился так называемый «кризис доверия». Кульминацией этого кризиса стал выход Франции из военной структуры НАТО.

Изначально позиция французского правительства в отношении НАТО была изложена в послании генерала де Голля президенту США Л. Джонсону от 7 марта 1966 г. и в направленном позже специальном меморандуме остальным странам-участницам НАТО. В послании говорилось, что в связи с изменениями, произошедшими с 1949 г. в странах Европы, Азии и вообще в мире, возникает необходимость перестройки и самой военной структуры Североатлантического союза. Франция «ограничивает свое участие в "объединенном" командовании и больше не передает в рас-

²³¹ Ibid. P. 133.

²³² Ibid. P. 212, 221.

²³³ Ibid. P. 215, 278.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

поражение НАТО свои войска»²³⁴. И хотя суть французского меморандума сводилась к тому, что Франция остается в Североатлантическом союзе и не выйдет из него даже после 1969 года, а она намерена уйти лишь из созданной военной системы, истечение 20-летнего срока Североатлантического договора представляло теперь определенную политическую проблему для членов американской администрации.

Однако действия Франции не были неожиданностью для Вашингтона. Администрация президента Л. Джонсона, как считает швейцарский исследователь А. Вегнер, готовила трансформацию своей внешней политики в связи с предполагаемым демаршем де Голля по направлению к «менее гегемонистской форме лидерства» и формированию «менее иерархически выстроенного» альянса²³⁵. В этой связи реакция американского руководства на действия президента Франции была относительно спокойной.

Еще в начале марта 1966 г. помощник американского президента по национальной безопасности Ф. Батор предупреждал, что раздражительная реакция США на действия де Голля приведет лишь к обострению ситуации²³⁶. Советник президента по национальной безопасности Р. Комер акцентировал внимание на том, что наиболее правильным будет «переждать» де Голля и таким образом ограничить урон, который он может нанести²³⁷. В результате письмо президента Л. Джонсона генералу де Голлю заканчивалось словами: «Францию будет ждать ее законное место в НАТО, когда бы она не решилась возобновить свои лидирующие позиции в альянсе»²³⁸.

В американском госдепартаменте полагали, что так как действия президента де Голля основывались «на миссионерской вере в славу Франции», то бессмысленно выдвигать против такой позиции какие-либо контраргументы. Попытки умиротворить французского президента тоже считались нежелательными, так как они могли привести скорее к увеличению его требований²³⁹. Госсекретарь США Д. Раск предлагал не вести полемику против де Голля лично и Франции в целом, так как это не получило бы поддержки у французского народа, а

²³⁴ Ibid. P. 325.

²³⁵ *Wegner A.* Crisis and opportunity: NATO's transformation and the multilateralization of Detente, 1966-1968 // *Cold War Studies*. Winter 2004. Vol. 6. № 1. P. 25.

²³⁶ FRUS. 1964 — 1968. Vol. XIII. P. 328.

²³⁷ Ibid. P. 337.

²³⁸ Ibid. P. 344.

²³⁹ FRUS. 1964-1968. Volume XII. №. 55. См.: <http://www.state.gov/r/pa/ho/frus/johnsonlb/xii/>.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

выступать с критикой всего французского правительства²⁴⁰. Это, по его мнению, должно было способствовать тому, что в будущем «более дружелюбное правительство придет к власти во Франции»²⁴¹.

С целью демонстрации «единства» атлантических союзников и их верности НАТО на совещании в парижской штаб-квартире НАТО в апреле 1966 г. была составлена «Декларация 14-ти». Связано это было с тем, что, согласно одной из статей договора, любая страна-участник блока получала право выхода из альянса, предупредив об этом за год. Было не ясно, пойдет ли на такой окончательный шаг Франция, не последуют ли ее примеру другие европейские страны, так как позиция Франции всерьез повлияла на других участников НАТО, в частности – на Данию и Норвегию. Эти страны, хотя и в осторожной форме, стали солидаризироваться с взглядами де Голля. Вслед за Францией в Норвегии всерьез рассматривался вопрос о нейтралитете страны, что предполагало ее возможный выход из НАТО²⁴². Премьер-министр Дании О.Е. Краг в начале мая 1966 г. предлагал, чтобы альянс пересмотрел свои политические цели, заявив, что де Голль отчасти прав в своей оценке положения в НАТО²⁴³.

Поездка генерала де Голля в Москву летом 1966 г. (с 20 июня по 1 июля) еще больше усилила рост центробежных тенденций в стане союзников по НАТО. На переговорах между советским и французским руководством был вновь поднят вопрос о созыве совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который в дальнейшем получил свое выражение в Бухарестской декларации²⁴⁴, принятой государствами-членами Варшавского договора 5 июля 1966 года. Итальянское правительство одним из первых государств Запада выступило в поддержку идеи проведения общеевропейского совещания по вопросам безопасности в Европе. Положительный взгляд итальянского руководства по этому вопросу выявил еще ви-

---

²⁴⁰ Можно предположить, что события весны-лета 1968 г. не только были с удовлетворением восприняты руководством Соединенных Штатов, но и, вероятно, то, что Вашингтон мог оказывать финансовую поддержку «новым левым» силам во Франции. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что тогдашний идеолог студенческого движения философ Г. Маркузе во время Второй мировой войны активно работал в УСС (Управление стратегических служб, которое в 1947 г. было преобразовано в ЦРУ). См.: <http://www.marcuse.org/herbert/#biography>.

²⁴¹ FRUS. 1964-1968. Volume XII. №. 56. См.: <http://www.state.gov/r/pa/ho/frus/johnsonlb/xii/>.

²⁴² Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ), ф. 116, оп. 50, п. 65, д. 11, л. 113.

²⁴³ Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1967. С. 143.

²⁴⁴ Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе // Правда. 1966. 9 июля.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

зит министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Рим, состоявшийся в апреле 1966 года²⁴⁵. Дания на брюссельской сессии Совета НАТО в июне 1966 г. также выступила с поддержкой этой советской инициативы, акцентировав внимание на необходимости расширения контактов с Востоком не только в «многостороннем» атлантическом формате, но и на уровне двухсторонних отношений. Государственному секретарю США Д. Раску пришлось приложить немало усилий для отстаивания тезиса о том, что урегулирование европейских проблем должно идти через НАТО и советское предложение является «преждевременным»²⁴⁶.

Даже такой верный союзник Соединенных Штатов, как Канада, формально стремилась играть более самостоятельную роль в международных делах. Министр иностранных дел Канады П. Мартин еще на весенней сессии 1964 г. Совета НАТО говорил о том, что наряду с необходимостью укрепления трансатлантических связей, надо искать вопросы, по которым между Востоком и Западом могут быть заключены ограниченные соглашения. Что касается военной интеграции в рамках блока, то он заявлял, что Канада занимает «среднюю позицию» между теми, кто добивается дальнейшей интеграции, и теми, кто хочет ее ослабления²⁴⁷.

Вероятно, стремление ряда правительств западноевропейских стран к налаживанию отношений между странами Востока и Запада было проявлением их желания стать более самостоятельными игроками в международных делах и в какой-то степени избавиться от американской гегемонии. Это, в свою очередь, могло быть осуществлено только в условиях снижения уровня международной напряженности. США, осознавая, что все европейские инициативы в налаживании отношений с СССР и соцстранами подрывают почву американского влияния в Западной Европе, вели активные поиски «противоядия» этой неумолимой тенденции.

Именно эту цель преследовало возрождение Соединенными Штатами политики «наведения мостов». Она была призвана обеспечить западноевропейцам ощущение определенной направленности и чувства причастности к процессу налаживания отношений между Востоком и Западом и одновременно уменьшить негативные последствия французской политики, стремящейся доказать, что только ослабление альянса может положить конец разделению Европы. Претворение в жизнь политики «наведения мостов» должно было также прекратить своеобразное соревнование между страна-

²⁴⁵ Советско-итальянское коммюнике // Известия. 1966. 25 апреля.

²⁴⁶ Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1967. С. 144.

²⁴⁷ АВП РФ, ф. 99, оп. 30, п. 36, д. 13, л. 20-22.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

ми-членами НАТО в поисках лучших отношений с Востоком и укрепить лидерство Соединенных Штатов в процессе европейского урегулирования.

В своем выступлении «Атлантический союз и европейская безопасность» (7 октября 1966 г.) президент США Л. Джонсон отмечал: «Мы должны двигаться вперед на трех фронтах: во-первых, модернизировать НАТО и укреплять другие атлантические институты; во-вторых, содействовать интеграции западноевропейского сообщества; в-третьих, ускорить прогресс в отношениях между Востоком и Западом... Наша задача – добиться примирения с Востоком, переходя от узкой концепции сосуществования к более широкой концепции мирной помолвки»²⁴⁸. Принципиальный акцент был сделан на том, что улучшение отношений между Востоком и Западом должно было предшествовать объединению Германии. В свою очередь объединение должно было быть достигнуто мирным путем в ходе соглашений со странами Восточной Европы и СССР.

Заявление американского президента принципиально изменило направленность политики США в Европе. Если до нее объединение Германии рассматривалось в качестве предпосылки для улучшения отношений между Востоком и Западом, то теперь эта последовательность была изменена. Примирение двух частей Европы стало неременным условием для возможного объединения Германии. Эта политическая рокировка позволила Соединенным Штатам вновь взять в свои руки инициативу в деле налаживания отношений между Востоком и Западом.

Необходимость такого решения и трансформации американской политики была обусловлена стремлением западноевропейских стран к урегулированию европейских проблем путем двухсторонних контактов со странами Восточного блока, что неизбежно привело бы к росту центробежных тенденций внутри Североатлантического альянса. Постоянный представитель США при Совете НАТО А. Кливленд отмечал, что «к осени 1966 года стало ясно, что стремление к разрядке представляет опасность для НАТО»²⁴⁹. Соединенные Штаты старались наряду с углублением процесса разрядки не допустить ослабления обороноспособности альянса или же дистанцирования союзников от НАТО. Проблема заключалась в том, что необходимо было найти рамки, внутри которых оборонительная политика сочеталась бы с тенденцией к разрядке.

---

²⁴⁸ Цит. по: Текущие проблемы мировой политики. Ежеквартальное международное обозрение. Октябрь-декабрь 1966. М., 1967. С. 17.

²⁴⁹ *Cleveland H.* NATO: the transatlantic bargain. New York, 1970. P. 138.

*Часть II. Миропорядок сверхдержав***5.5. «Доклад Армея»**

Еще весной 1964 г. министр иностранных дел Канады П. Мартин высказывался о том, что в интересах будущего развития НАТО необходимо улучшение системы консультаций в рамках блока по военным, а также политическим и экономическим вопросам²⁵⁰. При этом он делал акцент на том, что более тесные консультации по вопросам отношений между Востоком и Западом необходимы для того, чтобы все члены НАТО могли лучше понимать тактику и цели Советского Союза²⁵¹.

В декабре 1964 г. канадское правительство предложило Совету НАТО создать специальный комитет из пяти постоянных членов для изучения целей и задач альянса для того, чтобы укрепить его сплоченность²⁵². О поддержке инициативы П. Мартина заявил заместитель госсекретаря США Дж. Болл. На сессии Совета НАТО в начале мая 1965 г. он выступил с инициативой обсудить вопросы эволюции Североатлантического альянса. Для этого он считал необходимым сосредоточить внимание союзников на рассмотрении нескольких групп вопросов: какие изменения произошли в международно-политической ситуации и какие изменения в НАТО должны иметь место в этой связи; уменьшилась ли вероятность военного нападения со стороны стран Варшавского договора и если она уменьшалась, то сократилась ли их военная мощь или же это произошло по причине укрепления НАТО; роль НАТО в конфронтации между Востоком и Западом вне зоны ответственности альянса²⁵³.

На сессии Совета НАТО, состоявшейся 15-16 декабря 1966 г. в Париже, по инициативе бельгийского министра иностранных дел П. Армея было решено проанализировать политические события, произошедшие со времени подписания Североатлантического договора в 1949 г. – с точки зрения их влияния на международные отношения в целом и на НАТО в частности. Это должно было помочь критически оценить задачи, стоящие перед союзом в нынешней ситуации, оживить сам альянс и укрепить его сплоченность²⁵⁴.

Положительно рассмотрев предложение П. Армея, постоянные представители стран-членов НАТО вновь собрались в феврале

²⁵⁰ АВП РФ, ф. 99, оп. 30, п. 36, д. 13, л. 29.

²⁵¹ АВП РФ, ф. 99, оп. 31, п. 40, д. 24, л. 321.

²⁵² NATO Archives. C-VR(64) 54. P. 21-27.

²⁵³ NATO Archives C-VR(65) 20. P. 24-25.

²⁵⁴ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Paris 15th-16th Dec 1966 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 183-184.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

1967 г. в Париже, где было принято решение об учреждении специального комитета под председательством генерального секретаря НАТО М. Брозие, которому было поручено заняться изучением целей Североатлантического союза и представить доклад «Будущие задачи альянса» на рассмотрение декабрьской сессии Совета НАТО. В конце марта того же года была достигнута договоренность об образовании четырех специальных подгрупп, которые должны были заняться исследованием отдельных аспектов политики Североатлантического альянса²⁵⁵.

Первая подгруппа во главе с А. Уотсоном (помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании) и К. Шютцом (статс-секретарь МИД ФРГ) исследовала вопросы, связанные с отношениями между странами Востока и Запада, включая германский вопрос и проблему европейского урегулирования. Со стороны Соединенных Штатов в ее состав были включены два эксперта из госдепартамента – З. Бжезинский (член совета по политическому планированию) и Г. Зонненфельдт (глава отдела по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы).

Несмотря на отмеченную необходимость налаживания отношений между странами Востока и Запада, в докладе первой подгруппы подчеркивалось, что советское правительство все еще надеется ослабить единство Атлантического союза и «вбить клинья ... между государствами Западной Европы и Соединенными Штатами». В этой связи отмечалось, что «активное североамериканское участие в процессе ослабления напряженности является необходимым, так как любое европейское урегулирование и любая система безопасности будут требовать продолжающейся поддержки и сотрудничества со стороны Соединенных Штатов»²⁵⁶.

Вторую подгруппу возглавил премьер-министр Бельгии и бывший генсек НАТО П.А. Спаак. В ее состав вошел также советник госсекретаря США Р. Боуи. Она занималась изучением вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений внутри Североатлантического блока: укреплением сплоченности между странами-членами альянса; возможностями более тесной европейской интеграции; общими идеологическими основами сотрудничества.

Фактически основная часть доклада этой подгруппы была по своей сути повторением тех рецептов, которые были высказаны в 1956 г. в рекомендациях комитета «трех мудрецов»: развитие во-

²⁵⁵ The future tasks of the Alliance. NATO press release. 13 April 1967. См.: <http://www.nato.int/docu/pr/1967/p67-003.htm>.

²⁵⁶ East-West Relations Detente and a European Settlement. Report of Sub-Group 1. См.: www.nato.int/archives/harmel/harmel1.htm.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

енной, политической и экономической составляющих для защиты принципов западной цивилизации и поэтапный переход к учреждению Атлантического сообщества. Признавалось, что предложение французского правительства о создании триумвирата в 1958 г. и отказ США и Великобритании стали теми факторами, которые повлияли на изменение французской внешней политики и привели к выходу Франции из военной структуры НАТО. Будущее Североатлантического альянса, по мнению авторов доклада, в значительной степени зависело от будущего Европы и от того, присоединятся ли Великобритания и другие страны к «Общему рынку» или нет. «Только объединенная Европа сможет стать полноправным партнером Соединенных Штатов и иметь вес в мировом масштабе», – говорилось в докладе²⁵⁷.

Третья подгруппа во главе с вторым заместителем госсекретаря США Ф. Колером (бывшим послом США в СССР) исследовала вопросы изменения и улучшения оборонной политики альянса, проблеме контроля над вооружениями и их ограниченного сокращения, вопросы ядерных договоренностей.

В итоговом докладе этой подгруппы было заявлено, что безопасность членов НАТО опирается на два «столпа», первый из которых – «поддержание адекватной военной силы и политической солидарности для того, чтобы не допустить агрессии или других форм давления и защитить территорию стран НАТО в случае нападения». Вторая составляющая – это «действительные меры, направленные на ослабление напряженности и снижение риска конфликта, включая ограничение вооружений и меры по разоружению». «Только оборонительная политика, связанная с политическими консультациями может противостоять попыткам Москвы настраивать одного члена НАТО против другого, таким образом разделяя и ослабляя союз», – подчеркивалось в докладе²⁵⁸.

Четвертая подгруппа, во главе которой стоял бывший член голландского парламента, профессор К.Л. Патин (от Соединенных Штатов в ее состав вошел постоянный представитель США в НАТО – А. Кливленд), занималась рассмотрением вопросов, связанных с развитием ситуации вне зоны ответственности НАТО: отношения со странами третьего мира, возможное предотвращение и прогнозирование военных конфликтов и т.д.

²⁵⁷ Les relations interalliques. Rapport du Rapporteur du Sous-Groupe 2. См.: <http://www.nato.int/archives/harmel/harmel02.htm>.

²⁵⁸ The future security policy of the Alliance. Report of Sub-Group 3. См.: <http://www.nato.int/archives/harmel/harmel03.htm>.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

В итоговом докладе этой подгруппы отмечалось, что «проблемы, возникающие вне зоны ответственности НАТО, требуют долгосрочной политической стратегии, политического планирования и системы кризисного урегулирования». К каковым, по мнению авторов доклада, относились: рост коммунистического влияния в различных регионах мира, который приводил к необходимости проводить политику, направленную на «нейтрализацию подрывной деятельности со стороны Советского Союза»; необходимость международного контроля за распространением оружия; позиция союзников в отношении национально-освободительных войн в Азии и Африке; оценка революционных событий в Латинской Америке; проблема сохранения мира путем действий со стороны ООН и других международных организаций; жизненно важные (нефть) экономические интересы стран Запада в неевропейских регионах мира и проблема их охраны (Суэцкий канал)²⁵⁹.

В заключении авторы доклада четвертой подгруппы выступили с рекомендацией «превратить НАТО в центр по координации политики стран западного мира» и «приспособить натовскую машину для решения новых задач». Совету НАТО было предложено создать ряд специальных групп, которые должны были заниматься исследованием вопросов вне зоны действия Североатлантического договора. Предполагалось, что их основная цель будет заключаться в планировании вариантов предотвращения конфликта, то есть в изучении ситуации до того, как она будет представлять опасность, и в выдвижении конкретных политических предложений для предотвращения теоретической угрозы²⁶⁰.

К ноябрю 1967 г. на основе материалов работы четырех подгрупп был составлен краткий итоговый доклад «Будущие задачи альянса» (более известный как «доклад Армеля»), одобренный на зимней сессии Совета НАТО в Брюсселе 14 декабря 1967 года. В нем была сформулирована идея комплексной политики, получившей в дальнейшем название доктрины «двух опор», руководствоваться которой должен был Североатлантический блок в новых международных условиях.

Суть ее заключалась в том, что были утверждены две основные функции альянса – гарантировать военную безопасность и одновременно проводить политику разрядки. Это был своего рода компромисс, достигнутый между теми, кто до сих пор придавал особое значение обороне и устрашению в ответ на угрозу со стороны СССР и стран Варшавского блока, и теми, кто стремился дать толчок поли-

---

²⁵⁹ Developments in regions outside the NATO area. Report of Subgroup 4. См.: <http://www.nato.int/archives/harmel/harmel04.htm>.

²⁶⁰ Ibid.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

тике разрядки. В докладе говорилось, что «военная безопасность и политика разрядки не противоречат, а дополняют друг друга»²⁶¹. Однако центральным положением стратегии было утверждение о том, что добиться желаемых результатов в процессе разрядки между двумя блоками государств можно лишь благодаря постоянному совершенствованию оборонной политики. Альянс всегда должен был быть готов отразить угрозу в случае, если разрядка потерпит фиаско (формула: мир посредством силы).

Страны-члены НАТО должны прилагать все усилия, подчеркивалось в докладе, для улучшения отношений с Советским Союзом и странами Восточной Европы, учитывая, однако, тот факт, что продолжение политики разрядки не должно привести к размыванию альянса. Для этого рекомендовалось проводить скоординированную политику. Развитие отношений между странами Восточной и Западной Европы на двухсторонней основе не приветствовалось, так как, по мнению авторов доклада, «некоторые аспекты этих связей по природе своей нуждаются в многостороннем подходе»²⁶².

5.6. Роль госдепартамента США в подготовке исследования П. Армеля

Несомненно, П. Армель в своей мотивации проведения подобного рода исследования был связан с общим курсом бельгийской политики. Он неоднократно подчеркивал заинтересованность Бельгии в выдвигании на первый план согласованной программы альянса по уменьшению напряженности с коммунистическим миром, отмечал, что «европейские страны могут сыграть собственную роль в деле разрядки напряженности путем налаживания контактов со странами Восточной Европы»²⁶³. К тому же именно по инициативе бельгийского правительства еще в январе 1967 г. было предложено вынести на обсуждение проблему положения Европы внутри Североатлантического альянса, необходимости образования некоего подобия ЕОС или же Европейского политического

²⁶¹ Полный текст доклад см.: The Future Tasks of the Alliance. Report of the Council. Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Brussels 13th-14th December 1967 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 198-202; В извлечении см.: Системная история международных отношений. Т. 4. М., 2004. С. 223-225.

²⁶² Ibid.

²⁶³ АВП РФ, ф. 72, оп. 47, п. 47, д. 13, л. 55.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

сообщества²⁶⁴. Великобритания и некоторые другие страны-члены альянса выступили с поддержкой проведения подобного рода исследования, считая, что «голос европейцев должен быть громче слышен в НАТО»²⁶⁵.

К середине июля 1967 г. был подготовлен специальный доклад «Проблемы баланса внутри Атлантического альянса в 1970-х». В нем говорилось о том, что блок НАТО столкнулся с проблемой «разбалансированности, причиной которой было чрезмерное превосходство Соединенных Штатов в военной и экономической областях»²⁶⁶. Другая причина заключалась в «противоречии между юридическим равенством пятнадцати союзников и их фактическим неравноправием». В докладе отмечалось, что ситуация постепенно изменяется, благодаря экономическому восстановлению и укреплению европейских партнеров по альянсу. Предлагалось: (1) в экономической области – содействовать вступлению Великобритании и других стран ЕАСТ в состав Европейского экономического сообщества и способствовать превращению последнего в более тесное политическое объединение; (2) в области оборонной – развивать сотрудничество путем создания особой Европейской оборонной организации, наподобие ЕОС, в качестве составного компонента НАТО; (3) в политической области – европейским партнерам было рекомендовано придерживаться более независимой позиции, которая иногда могла бы не совпадать с мнением их неевропейских союзников²⁶⁷. При этом принципиальный акцент был сделан на том, что независимая политика стран Западной Европы не должна привести к противоречиям между тенденцией к разрядке и совершенствованием оборонительной составляющей НАТО. Особо подчеркивалось, что в связи с концепцией взаимозависимости, между Соединенными Штатами и странами Западной Европы должны проводиться постоянные консультации и обмены мнениями по вопросу о том, как гармонизировать отношения между странами Востока и Запада и какими методами. Таким образом, несмотря на изначально выдвинутую Бельги-

---

²⁶⁴ Council resolution on Future task of the Alliance. Memo from acting ASG/PA to Secretary General. Gas (67)5. См.: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_Harmel/documents/volume1/13-V1.pdf.

²⁶⁵ Verbatim Record of a Meeting of the Council, 15 February 1967 (C-VR(67)8). См.: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_Harmel/documents/volume1/34-V1.pdf.

²⁶⁶ APAG report on the problem of balance within the Atlantic alliance in the 1970's (RDC(67)240. См.: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_Harmel/documents/volume3/18-V3_full.pdf.

²⁶⁷ *Ibid.*

Часть II. Миропорядок сверхдержав

ей проблеме дальнейшего политического развития стран Западной Европы, основной упор был вновь сделан на необходимости тесного сотрудничества в рамках Североатлантического альянса.

Следует также учитывать, что предложение П. Армеля о проведении исследования «Будущие задачи альянса» не раз обсуждалось с представителями американской администрации. Однако Соединенные Штаты старались не допустить такого развития событий, при котором их роль в этом проекте стала бы очевидной. В Вашингтоне полагали, что тактически более предпочтительным будет, чтобы инициатива исходила от Европы, так как это поддержит ту точку зрения в обществе, согласно которой НАТО движется в направлении к менее гегемонистскому и иерархически выстроенному альянсу²⁶⁸.

Принципиальной задачей, стоявшей перед американской администрацией, было стремление не допустить окончательного разрыва де Голлем отношений с НАТО. И хотя Франция с самого начала была привлечена к участию в проекте П. Армеля, степень ее обструкции легко представить, так как с ее стороны была отвергнута даже формулировка, согласно которой Североатлантический альянс провозглашался в докладе «элементом мира»²⁶⁹. Французская сторона ставила под сомнение компетенцию НАТО действовать в качестве «фактора разрядки», считая, что отношения между Востоком и Западом не должны строиться на основе блоковой политики²⁷⁰. На сессии Ассамблеи Североатлантического союза 20 ноября 1967 глава французской делегации М. Бошер подчеркивал, что целью проведения исследования П. Армеля является стремление лишить Европу политической независимости, а НАТО не может заменить собой компетентные национальные и международные органы для ведения переговоров с третьими странами²⁷¹.

В результате поведение Франции в ходе работы над докладом становилось определенной проблемой. П. Армель, выражая сожаление по поводу одностороннего решения Франции выйти из военной структуры НАТО, высказывался за переговоры с ней, поскольку «европейцам трудно представить безопасность ...без участия Франции». Однако он подчеркивал, что «примирение возможно лишь в том случае, если будет сохранено главное в атлантической концепции»²⁷². П. Армель считал, что наиболее предпочтительным является продолжение работы при французском «молчаливом согласии»,

²⁶⁸ FRUS. 1964 — 1968. Vol. XIII. P. 500-501, 515.

²⁶⁹ Ibid. P. 618.

²⁷⁰ Ibid. P. 638.

²⁷¹ АВП РФ, ф. 160, оп. 32, п. 79, д. 175, т. III-17, л. 46.

²⁷² АВП РФ, ф. 72, оп. 47, п. 47, д. 13, л. 55.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

однако в случае полностью негативного отношения к проекту со стороны Франции, необходимо будет продолжать работу без ее участия. Госсекретарь США Д. Раск высказывался более осторожно, считая, что этот основной вопрос политической стратегии заслуживает рассмотрения на более высоком уровне. Он заявил, что «мы не должны позволять себе быть шантажистами, хотя это и представляет определенную опасность»²⁷³. Имелось в виду, что порвать с французским участием очень просто, но делать этого пока не следует.

В преддверии 1969 г. необходимо было также не допустить выхода других стран из состава Североатлантического альянса по примеру Франции. При этом заинтересованность в сохранении альянса изначально проявляли не только Соединенные Штаты, но и бельгийское правительство. П. Армель неоднократно поднимал вопрос о том, что необходимо убедить союзников по НАТО согласиться не использовать право выхода из альянса, согласно статье 13 Североатлантического договора. По его мнению, надо было внести ясность в этот вопрос, подразумевая под этим то, что альянс не только является необходимым в дальнейшем, но и «будет автоматически даже после 1969 г. продолжать свою деятельность в течение неограниченного периода времени с тем, чтобы выполнить до конца поставленные перед ним цели, например, осуществить европейское урегулирование»²⁷⁴.

П. Армель считал, что некоторые проблемы в отношениях между Востоком и Западом будут существовать всегда, следовательно, перманентной будет и необходимость в сохранении альянса²⁷⁵. Неудивительно, что такая позиция бельгийского министра иностранных дел встречала полную поддержку со стороны американской администрации. Ю. Росту подтвердил, что «существование альянса на протяжении всего периода времени пока будет сохраняться опасность является само собой разумеющимся»²⁷⁶.

20 ноября 1967 г. на сессии ассамблеи НАТО М. Брозио заявил, что «план Армеля» не имеет цель осуществить реформу НАТО или же радикальным образом преобразовать союз. Вашингтонский договор, по его мнению, оставался «единственным уставом НАТО»: «План Армеля не ставит задачи ответить на вопрос: продолжит ли НАТО свое существование или нет», его цель – «указать, как союз может быть усилен и изменен применительно к нуждам настоящего времени и более отдаленного будущего».

---

²⁷³ FRUS. 1964 – 1968. Vol. XIII. 1995. P. 618.

²⁷⁴ Ibid. P. 622.

²⁷⁵ Ibid. P. 636.

²⁷⁶ Ibid. P. 626.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

М. Брозин также подчеркивал, что Североатлантический альянс не имеет срока действия, добавив, что если какая-либо страна пожелает выйти из НАТО, то она может заявить о своем намерении не ранее, чем в августе 1969 года²⁷⁷.

Американская администрация стремилась теснее связать между собой страны Западной Европы и Северной Америки. При этом, по мнению госсекретаря США Д. Раска, «в то время как Соединенные Штаты не хотели бы брать на себя инициативу в продвижении идеи на официальных мероприятиях, представители США должны пытаться стимулировать Бельгию или какую-либо другую страну представить соответствующие предложения по увеличению европейского участия в рамках альянса»²⁷⁸. Именно такая задача и была поставлена перед второй подгруппой, занимавшейся исследованием взаимоотношений между союзниками по НАТО. Ей предстояло гармонизировать подходы стран членов НАТО к вопросу отношений с Восточной Европой.

Такое желание вполне естественно можно рассматривать как стремление поставить под свой контроль процесс развития отношений между государствами Западной Европы и странами социалистического лагеря. И в сентябре 1967 г. представители американского госдепартамента при подготовке окончательного варианта доклада первой подгруппы по вопросу отношений между Востоком и Западом настаивали на том, чтобы он включал в себя более четкие рекомендации по вопросу консультаций между союзниками и содержал формулировку задач альянса на 1970-е годы. З. Бжезинский подчеркивал, что формулировка задач на будущее должна стоять выше по значимости, чем задача сохранения мира и поддержания безопасности стран-членов НАТО²⁷⁹.

В ходе беседы представителей американской администрации с П. Армелем в Министерстве иностранных дел Бельгии в декабре 1967 года, советник госсекретаря Р. Боуи выразил мнение, что необходимо определение роли альянса в обеспечении процесса разрядки международной напряженности. При этом он отметил, что если этого не сделать, то у некоторых стран-членов (например, у датчан) могут возникнуть трудности как с общественным мнением, так и с собственным парламентом. П. Армель отметил, что многие, если не большинство, европейских членов альянса столкнулись с парла-

²⁷⁷ АВП РФ, ф. 160, оп. 32, п. 79, д. 175, т. III-17, л. 46.

²⁷⁸ FRUS. 1964 – 1968. Vol. XIII. P. 610.

²⁷⁹ Report of meeting of Sub-Group 1 on 18th September 1967 (GAS(67)96). См.: http://www.isn.ethz.ch/php/documents/collection_Harmel/documents/volume4/27-V4.pdf.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

ментской оппозицией «весьма сильной со стороны коммунистов и не столь решительной со стороны социалистов». В связи с этим, по его мнению, «необходимо умиротворить социалистическую оппозицию и таким образом изолировать коммунистов», придав альянсу определенную роль в продвижении интересов разрядки²⁸⁰.

Соединенные Штаты в ходе подготовки и обсуждения «доклада Армеля» были заинтересованы в расширении зоны ответственности НАТО за пределы географических границ альянса, стараясь таким образом заручиться хотя бы формальной поддержкой европейских союзников в ходе войны во Вьетнаме. Франция выступала категорически против, считая, что единственно правильной политикой была бы нейтрализация Индокитая. Даже Великобритания уклонялась от прямого ответа, ссылаясь на занятость в Малайзии. Поддержка была оказана лишь со стороны ФРГ, но и Бонн не озвучивал своей позиции на официальном уровне²⁸¹. Р. Боуи в письме Д. Раску писал по этому поводу, что, хотя существует неподдельный интерес европейцев к вопросам, связанным с областью вне зоны ответственности НАТО, на практике, однако, европейцы чрезвычайно противятся вовлечению самих себя в обсуждение такого рода вопросов²⁸². В ответ на это госсекретарь США Д. Раск пытался убедить европейцев, что их предположения о том, что, расширяя зону ответственности, Вашингтон пытается вовлечь их в войну во Вьетнаме – являются ошибочными²⁸³.

Необходимо отметить, что опасения ряда западноевропейских правительств по этому поводу были весьма оправданы. Так, продолжая руководствоваться «доктриной сдерживания»²⁸⁴, Д. Раск на сессии Совета НАТО в декабре 1966 г. подчеркивал, что, хотя Вьетнам не входит в сферу ответственности блока, уход Соединенных Штатов оттуда будет воспринят китайскими коммунистами как слабость «империалистов». В связи с этим он обращался к союзникам за поддержкой в разрешении этого конфликта, отмечая необходимость как финансовой помощи, так и привлечения европейских военных специалистов с целью «разубедить Китай и Москву в том, что Соединенные Штаты будут слом-

---

²⁸⁰ FRUS. 1964 – 1968. Vol. XIII. P. 647.

²⁸¹ АВП РФ, ф. 99, оп. 30, п. 36, д. 13, л. 25.

²⁸² FRUS. 1964 – 1968. Vol. XIII. P. 624.

²⁸³ Ibid. 618-619.

²⁸⁴ Концепция «сдерживания» была выдвинута в 1946 г. Дж. Кеннаном. Однако он не считал Юго-Восточную Азию сферой важной для интересов безопасности США и выступал против войны во Вьетнаме / Интервью Дж. Кеннана для «U.S. News & World Report» от 18 апреля 1996 года. См.: <http://www.pbs.org/newshour>.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

лены из-за неодобрения их действий со стороны общественного мнения». Он отмечал, что «мир в этом регионе зависит от солидарности всех союзников»²⁸⁵.

Следует также отметить стремление госдепартамента США иметь по результатам исследования документ, доступный для широкой общественности, который «по меньшей мере должен представлять из себя короткое изложение основных решений и выводов с минимумом анализа и фактического материала». Именно такое указание было дано в телеграмме госдепартамента, адресованной посольству США во Франции в сентябре 1967 года²⁸⁶. Предполагалось, что официальная версия доклада должна будет носить такой характер, который поможет ей оказать «сильное влияние на официальное и общественное мнение стран НАТО; служить доказательством того, что альянс смотрит в следующее десятилетие». Основные же результаты работы четырех подгрупп, в отчетах которых содержалась наиболее полная и интересная информация, своего рода справка для служебного пользования, не должны были оглашаться публично. Фактически одну из конечных целей «доклада Армеля» выразил Д. Раск в телеграмме в госдепартамент от 14 декабря 1967 года. В ней он отметил, приводя слова генсека НАТО М. Брозио, что для Соединенных Штатов ценность процесса обсуждений намного выше, чем ценность непосредственно самого конечного доклада. Впрочем и сам доклад имел большое практическое значение для внесения ясности в мышление всего альянса, для более тесного сплочения его членов относительно некоторых фундаментальных проблем, для разработки согласованной структуры будущих политических консультаций²⁸⁷.

Резюмируя, необходимо отметить, что оценки, которые были даны «докладу Армеля» в отечественной историографии, несмотря на излишнюю идеологизированность, вовсе не устарели, а наоборот, являются вполне адекватными по сей день²⁸⁸. Руководителям НАТО немало беспокойства доставлял процесс разрядки международной напряженности: из-под их контроля уже вышли контакты ряда стран-участниц блока с социалистическими государствами. Когда Соединенные Штаты пришли к выводу, что они не могут наложить вето на развитие контактов между Востоком и Западом, то они решили, по крайней мере, сохранить контроль над развитием этих процессов.

²⁸⁵ NATO Archives. CR(64)50. P. 16.

²⁸⁶ FRUS. 1964 — 1968. Vol. XIII. P. 609.

²⁸⁷ Ibid. P. 652.

²⁸⁸ См., например: *Иванова И.М.* Указ. соч. С. 185-189.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

Американская администрация смогла вовремя уловить момент, когда действия ее западноевропейских партнеров по НАТО, направленные на поиски путей налаживания отношений со странами социалистического лагеря, начали выходить из-под ее контроля. Чтобы не допустить еще больших разногласий в стане союзников, в ход был запущен весьма простой политический механизм: все спорные вопросы подлежали обсуждению, в ходе которого происходило согласование позиций между всеми участниками блока и выработка консенсусного решения. Альянс впервые в своей истории в действительности перестал быть преимущественно военной организацией, так как, приняв на себя полномочия в деле налаживания отношений со странами Восточной Европы, он взял на себя и часть тех политических функций, которые до этого принадлежали только правительствам национальных государств.

В результате Соединенные Штаты еще раз смогли сплотить вокруг себя союзников по НАТО, несмотря на определенный рост недовольства их политикой в Европе. Предоставив европейским государствам немного большую долю самостоятельности в процессе принятия решений, американскому руководству удалось сохранить за собой роль главного направляющего всем развитием Североатлантического блока, который оставался центральным институтом военно-политической организации стран Запада в условиях биполярной структуры послевоенного мироустройства.

В конце 1980-х годов натовские руководители заявляли о том, что они выиграли «холодную войну», благодаря строгому следованию принципам и идеологии «доклада Армеля», который заложил основы политики НАТО вплоть до краха Советского Союза. Заместитель госсекретаря по политическим вопросам Ю. Ростов писал, что «доклад Армеля», также как и рекомендации комитета «трех мудрецов», определили то направление, в русле которого альянсу следует двигаться, если он хочет не только выжить, но и процветать. Он считал, что стратегия, заложенная в докладе, является первым шагом по направлению к координированной *глобальной стратегии* (курсив наш. – П.Г.) по защите интересов безопасности свободных наций²⁸⁹.

5.7. Новый этап взаимоотношений

Принятие «доклада Армеля» и утверждение двух новых функций Североатлантического альянса позволили сгладить противоречия между союзниками по НАТО и укрепить их спло-

²⁸⁹ Rostow E. Op. cit. P. 14.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

ченность. Соединенные Штаты, стараясь не допустить повторения нового «кризиса доверия», пересмотрели свою политику в отношении с европейскими партнерами по альянсу, формально предоставив им большую самостоятельность. Было предложено развивать межсоюзнические отношения в направлении перехода от главенства США к более равноправному партнерству, то есть к наращиванию ответственности европейцев, особенно в военном отношении.

Как отмечает А. Вегнер, еще в январе 1965 г. госсекретарь США Д. Раск в разговоре со своим заместителем Дж. Боллом подчеркивал, что для Соединенных Штатов существовала необходимость четко разделить два понятия – лидерство и гегемония. Он считал, что американцам необходимо расстаться с «психологией плана Маршалла», которая была успешной только для своего времени – в конце 1940-х годов только США могли руководить и «платить по счетам». Ситуация в 1960-е годы, по его мнению, принципиально изменилась: Западная Европа возродилась, и европейцы имеют законное право играть свою роль в международных делах, и поэтому США могут допустить, чтобы они взяли часть инициативы в свои руки²⁹⁰.

Первым реальным шагом к более равноправному партнерству с западноевропейцами в рамках Североатлантического альянса стало образование в январе 1969 г. так называемой Еврогруппы НАТО. Однако следует учитывать, что еще за несколько лет до ее создания Соединенные Штаты планировали провести реформирование альянса путем предоставления западноевропейским союзникам большей самостоятельности в оборонной политике НАТО. Так, в конце 1966 г. президент США Л. Джонсон, активно пропагандируя тезис о неделимости атлантической и европейской интеграции («военная интеграция НАТО является существенным условием реализации европейского единства»), заявлял о необходимости провести реформу Североатлантического альянса и создать европейское военное сообщество в составе членов ЕЭС с привлечением Великобритании²⁹¹. В дальнейшем именно английский министр обороны Д. Хили явился одним из инициаторов создания «европейского ядра» НАТО. В результате для Соединенных Штатов Еврогруппа явилась самой предпочтительной формой военно-политического сотрудничества западноевропейских стран в рамках НАТО, чем, вероятно, более автономная от НАТО форма такого сотрудничества, которая могла бы развиваться на базе ЕС со

²⁹⁰ Wegner A. Op. cit. P. 35.

²⁹¹ АВП РФ, ф. 72, оп. 47, п. 47, д. 13, с. 106-107.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

сложившимся механизмом внешнеполитических консультаций, независимым от США²⁹².

Значительное расширение сферы полномочий Североатлантического альянса за пределы военной деятельности и превращение блока в организацию с широко декларируемыми политическими функциями, начало которому было положено в ходе принятия союзниками в качестве программного документа «доклада Армеля», продолжилось на юбилейной сессии Совета НАТО в апреле 1969 года. Как и в середине 1960-х инициатива вновь исходила со стороны Соединенных Штатов. По предложению президента Р. Никсона был выдвинут проект придания Североатлантическому альянсу «социального измерения»²⁹³. Созданный для этих целей «Комитет по вызовам современного общества» должен был вырабатывать рекомендации по вопросам экологии, транспорта и коммуникаций, строительства и продовольственного обеспечения. Однако помимо этого в его задачи входила также координация программ по изучению концепций развития западных стран. Последнее обстоятельство с определенной степенью уверенности свидетельствовало о взаимосвязи этого нового направления деятельности союзников по НАТО с тем, что в дальнейшем стало основной сферой исследования идеологов Римского клуба.

Завершение первого этапа западноевропейской интеграции – создание «Общего рынка», а в дальнейшем присоединение к Европейскому сообществу Великобритании отвечало декларируемым интересам Соединенных Штатов. Тем не менее, происходит определенная переориентация американской политики по вопросу европейской интеграции. Предполагаемое в дальнейшем формирование политического союза и развитие интеграции европейских стран в сфере международных отношений и политики безопасности не могло не беспокоить американское руководство. 23 апреля 1973 г. помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер выступил с проектом новой «Атлантической хартии»²⁹⁴. Суть ее заключалась в закреплении в новом документе порядка отно-

---

²⁹² Халоба Б.М. Военно-политические союзы империализма. Основные особенности и тенденции развития в 70-х – начале 80-х годов. М., 1982. С. 124.

²⁹³ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Washington 10th – 11th April 1969 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 221.

²⁹⁴ В августе 1941 г. Т. Рузвельт и У. Черчилль провозгласили «некоторые общие принципы национальной политики» США и Великобритании для будущего послевоенного мироустройства. Эти принципы получили название Атлантической хартии. Более подробно см.: Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 95-97.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

шений между Соединенными Штатами и их западноевропейскими партнерами по НАТО для того, чтобы добиться большей приспособляемости Североатлантического альянса к изменившейся политической ситуации. На сессии Совета НАТО в Копенгагене 14-15 июня 1973 г. было отмечено, что «со времен подписания Вашингтонского договора в международной области произошли значительные изменения». В связи с этим рекомендовалось «без ущерба для продолжающихся переговоров ...исследовать в духе солидарности и общими усилиями свои отношения в свете этих перемен»²⁹⁵. В ходе консультаций между странами ЕС в течение 1973 г. было принято решение о разработке двух деклараций об общих принципах атлантических отношений. Первую предполагалось принять в рамках НАТО, и она должна была касаться преимущественно военно-политических вопросов. Другая содержала бы общие принципы отношений между США и ЕЭС в политико-экономической области. Однако это прямо противоречило американской идее о едином докладе, в котором был бы выработан общий взгляд по всем вопросам²⁹⁶.

Энергетический кризис осени 1973 г. принципиально изменил положение дел в отношениях между союзниками. Соединенные Штаты меньше всех пострадали от сокращения поставок нефти странами ОПЕК, так как в отличие от европейских государств, пользовались преимущественно южноамериканскими и собственными нефтяными месторождениями, имели особые отношения с Саудовской Аравией и некоторыми другими ближневосточными государствами. Степень зависимости стран Западной Европы от дешевой арабской нефти была колоссальной²⁹⁷. В результате энергетический кризис стал своеобразным уроком, демонстрировавшим европейцам их зависимое положение по отношению к Вашингтону. Планируемая в перспективе политическая интеграция стран Западной Европы была приостановлена на десятилетия.

«Декларация об атлантических отношениях» была принята в Оттаве 19 июня 1974 года. В ней, наряду с провозглашением необ-

²⁹⁵ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Copenhagen 14th-15th June, 1973 // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 290-291.

²⁹⁶ Халоба Б.М. Указ. соч. С. 204-211.

²⁹⁷ Экономика Соединенных Штатов в 1972 г. (перед кризисом) лишь на 14% была связана с импортом энергоресурсов, в то время как для Западной Европы этот показатель достигал внушительных 65%, а для Японии — 90%. См.: Enders T.O. OPEC and the Industrial Countries: The Next Ten Years // Foreign Affairs. 1975. Vol. 53. №. 4. Более подробно об энергетическом кризисе и роли Соединенных Штатов в нем см.: Хвойник П.И. «Тихая» агрессия империализма. М., 1986.

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

ходимости непрерывного повышения действенности военной организации блока, была урегулирована одна из принципиальных проблем американско-европейских отношений. На вопрос о том, должны ли страны ЕС заранее консультироваться с США перед принятием своих политических решений или же Западной Европе надлежит сначала выработать свой собственный курс и только после этого обсуждать его с США, был дан однозначный ответ. В декларации говорилось, что преследование общих целей требует поддержания механизма тесных политических консультаций, сотрудничества и взаимного доверия. «Придерживаясь духа дружбы, равенства и солидарности», было решено «продолжать держать друг друга полностью информированными, и усилить практику откровенных и своевременных консультаций, которые касались бы общих интересов членов Союза». Авторы декларации настаивали на том, что «отношения в области безопасности должны быть поддержаны гармоничными политическими и экономическими отношениями»²⁹⁸.

В дальнейшем подписание в августе 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта СБСЕ стало фактическим закреплением сложившегося статус-кво в Европе. Между Соединенными Штатами и Советским Союзом были достигнуты взаимные договоренности о признании послевоенного мироустройства, которое основывалось на существовании двух противоположенных блоков государств и их военно-политических образований (ОВД – НАТО) во главе с СССР и США. Это означало, что Советский Союз больше не выступал против присутствия американцев в Европе и соглашался с их неформальным лидерством в этом регионе, в чем, несомненно, были заинтересованы сами Соединенные Штаты.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что вся история развития Североатлантического альянса в годы «холодной войны» – это история его внутренних кризисов. Однако не раз возникавшие разногласия между союзниками не привели к распаду альянса. Интегрирующую роль в годы «холодной войны» играла военно-политическая цель – противостояние с Советским Союзом и странами Варшавского договора. Постоянно акцентируя внимание на необходимости укрепления обороноспособности альянса перед лицом «общей угрозы», Соединенные Штаты добивались усиления сплоченности союзников и нивелирования центробежных тенденций в НАТО.

---

²⁹⁸ Ministerial Communiqué, North Atlantic Council, Ottawa 18th-19th June 1974 Declaration on Atlantic Relations // NATO final communiqués. Texts of final communiqués. 1949-1974. Brussels, 1974. P. 318-321.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

Принципиальное изменение характера этой «угрозы» (смерть И.В. Сталина, обращение Н.С. Хрущева к концепции «мирного сосуществования» на XX съезде КПСС, изменение международной ситуации после окончания Берлинского и Кубинского кризисов), несомненно, не способствовало укреплению атлантической солидарности. В такие критические для блока моменты появлялись планы расширения основ НАТО за счет активизации политических и экономических связей (доклад комитета «трех мудрецов»), возникали идеи придания альянсу дополнительных функций и полномочий («доклад Армеля»). Таким образом, происходила адаптация альянса к новым международным условиям и регулирование противоречий между союзниками.

В отличие от Советского Союза, который проводил достаточно жесткую политику в отношении союзников по Организации Варшавского договора и старался подавлять все центробежные тенденции на самых ранних этапах их формирования (в том числе и с помощью военной силы), Соединенные Штаты использовали более «мягкие» политические технологии. Особый акцент всегда делался на необходимости развития тесных политических консультаций и использовании альянса в качестве своеобразного форума для обсуждения всех спорных вопросов. С одной стороны, этого требовала существовавшая в рамках Североатлантического альянса система принятия решений на основе единогласия. С другой стороны, создавая видимость коллективного обсуждения проблем, Соединенные Штаты снижали «накал страстей» в отношениях между партнерами, не допускали ослабления организации и разобщенности между странами-членами блока. И если европейские союзники рассуждали таким путем добиться удовлетворения своих собственных интересов, во многом отличных от интересов гегемона блока – Соединенных Штатов, то для последних речь шла прежде всего о том, чтобы как можно более эффективно контролировать процесс политического и экономического развития стран Западной Европы.

Устойчивость блока обеспечивалась также постоянным совершенствованием форм взаимоотношений между союзниками. Соединенные Штаты на всем протяжении существования НАТО постепенно предоставляли своим западноевропейским партнерам ряд частичных, а порой и существенных уступок, создавая тем самым видимость общего дела, равного партнерства и исключая подозрения в одностороннем диктате. Даже в отношениях с Францией была выработана гибкая формула взаимоотношений, которая получила название «сдерживание без изоляции» и сочетала методы политического давления с формами ограниченного сотрудничества, которые позволяли уменьшить ущерб для атлантической интегра-

Глава 5. Система военно-политического доминирования США...

ции. В этом смысле действия генерала де Голля сыграли в истории НАТО огромную роль, так как заставили Соединенные Штаты частично пересмотреть свой «инструментарий» и перейти к еще более гибкой политике в отношениях с союзниками.

Таким образом, используя различные механизмы урегулирования противоречий в рамках Североатлантического альянса, Соединенные Штаты добивались от партнеров по НАТО четкого следования в фарватере своего внешнеполитического курса. Фактически можно говорить о том, что основной задачей блока НАТО было не только противостояние коммунистической угрозе. В этой связи следует вспомнить известную концепцию «двойного сдерживания» («держать русских подальше, американцев – поближе, а немцев – пониже»), о которой неоднократно говорил первый генеральный секретарь НАТО лорд Исмей. На наш взгляд, она тоже нуждается в некотором дополнении, так как Соединенные Штаты старались не допустить не только возрождения германского милитаризма и реваншизма, но и восстановления былой мощи старых европейских колониальных империй (Франции, Великобритании). Именно поэтому в области борьбы с колониализмом Соединенные Штаты и Советский Союз были не противниками, а скорее партнерами по идеологии и политической практике. Однако, выступая с антиимперских позиций, США сами все более очевидно превращались в «неформальную» империю. В становлении этого процесса одним из главных инструментов был Североатлантический альянс.

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии американской сверхдержавы

Важнейшим этапом развития американской внешнеполитической идеологии стала «холодная война». С одной стороны, она в значительной степени была вызвана и стимулировалась идеологическими и политико-психологическими факторами, а с другой – сама оказала значительное влияние на развитие американского общественного сознания и сознания элит. Изменения, начавшиеся во внешнеполитическом мышлении американской элиты после Второй мировой войны, были взаимосвязаны с целой системой факторов: политико-идеологическими, экономическими и военно-политическими. Главная новая тенденция развития идейных основ американской внешней политики, связанная с «холодной войной», выразилась в том, что элиты США стали не только придерживаться универсалистских идей, но и планировать свою деятельность и прогнозировать ее результаты в глобальных масштабах, выработать стратегии, сферой реализации которых стал весь мир или, как минимум значительная его часть.

Первая группа факторов, определивших новые явления и тенденции в развитии американского внешнеполитического мышления, была связана собственно с изменением соотношения сил в мировой политике и ее идеологической сфере. И США, и СССР, получившие благодаря Второй мировой войне уникальное положение и возможности, являлись носителями идеологических систем, выдвигавших универсалистские (протоглобалистские по сути) идеальные модели мирового социально-экономического и политического развития. Оказавшись самым мощным государством капиталистического мира, США были не только вынуждены, но и готовы взять на себя ответственность за будущее всего Запада. Вторая мировая война, вынудившая американскую внешнюю политику окончательно порвать с рецепциями как джексонианского, так и монроистского изоляционизма и взять на себя ответственность за будущее Западной Европы, перевела идеологические основы американской внешней политики в совершенно иную плоскость – глобального участия. Поэтому уже не в представлениях идеологов американской внешней политики прошлого, а в действительности США становились главным носителем и распространителем политической демократии, либеральных ценностей и принципов рыночной экономики. Для значительной части американского истеб-

---

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

лишмента и элиты в целом осознание новой роли США в начале «холодной войны» гармонировало с характерными для американского политического мышления мессианскими установками, подкрепленными вильсонскими идеями.

В идеологических основаниях американской внешней политики уже на начальном этапе «холодной войны» стало выделяться два основных направления. Одно – ценностноцентричное – было ориентировано на глобальное распространение Соединенными Штатами либеральных ценностей и политических принципов и препятствование распространению коммунизма. Другое – государствоцентричное, рассматривавшееся как более прагматичное, основывалось на положениях «политического реализма» и было направлено на всестороннее укрепление позиций США в мире. При этом его идеологи и сторонники также видели в США главного защитника либерализма и демократии. Несмотря на противоречия между этими подходами и даже идейно-политические столкновения между их носителями, в американской внешнеполитической идеологии и практике времен «холодной войны» оба эти подхода взаимно дополняли друг друга, переплетались. Известный американский историк и политолог А. Шлезингер также выделял две идейные линии в американской внешнеполитической стратегии первых двух десятилетий «холодной войны». Одну он связывал с «универсализмом» в американской внешней политике и отождествлял с вильсонизмом, а другую – с традицией борьбы за «сферы влияния» США, считая продолжением идей А. Мэхэна и Т. Рузвельта²⁹⁹.

Сама практика мировой политики вынуждала американскую внешнюю политику с самого начала «холодной войны» совмещать ценностноцентричный и государствоцентричный подходы. После Второй мировой войны перед США остро встали задачи сохранения Западной Европы в сфере либеральной системы ценностей, а также собственного экономического, политического и военного влияния. Но в то же время Соединенные Штаты были заинтересованы в разрушении остатков европейских колониальных империй. Кроме того, им было необходимо, чтобы в побежденных державах (Германии, Италии и Японии) не возобладали реваншистские или прокоммунистические силы. Вашингтон не мог также допустить, чтобы процессы деколонизации, которым он активно способствовал, превратились в распространение коммунистических режимов в бывших колониях. Осуществлению всех этих задач в соответствии с идеологическими установками и интересами американских элит, мешал ряд обстоятельств,

---

²⁹⁹ См.: *Schlesinger A.M. The Crisis of Confidence. Ideas, Power and Violence in America. Boston, 1969. P.106–107.*

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

а именно: укрепление позиций СССР в мире; распространение мирового коммунистического движения; победа коммунистов в гражданской войне в Китае. Истощенный войной Советский Союз представлял опасность в первую очередь не в военном и тем более экономическом отношении, а в политико-идеологическом³⁰⁰. Изначально концепция «сдерживания» коммунизма имела ценностноцентричную трактовку и лишь потом получила экономическое, а с началом войны в Корее и военно-политическое прочтение³⁰¹.

Другая группа факторов, подготовивших появление во время «холодной войны» новых элементов во внешнеполитической идеологии элит США была сформирована военно-политической практикой отношений двух сверхдержав – первых субъектов международных отношений, имеющих глобальные интересы, а также возможности и средства для их реализации. США стремились стать не просто лидером Запада, а создать военно-политические механизмы его сохранения в орбите своего влияния. В идеологической сфере это обрело форму связанного с созданием НАТО активного развития атлантических идей, основанных на представлениях об общности интересов, ценностей и целей «атлантического сообщества» не только в военной сфере. Эти идеи начали развиваться еще до Второй мировой войны³⁰², а получать практическое осуществление уже во время нее и после³⁰³.

³⁰⁰ См.: Kennan G.F. Containment: 40 Years Later // Foreign Affairs. 1987. Vol. 65. № 4.

³⁰¹ Даже став официальной американской внешнеполитической доктриной после выступления президента США Г. Трумэна 12 марта 1947 года, она имела лишь идеологическую и экономическую направленность. Именно о политико-идеологическом сдерживании шла речь в одном из программных документов американской внешней политики начала «холодной войны» – статье «Истоки советского поведения», подписанной «Х» и опубликованной в июле 1947 г. в самом влиятельном американском политическом издании – журнале «Foreign Affairs». См.: X. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July.

³⁰² Одному из основателей идеологии атлантизма, американскому публицисту К. Стрейту (1896-1986) представлялось, что во главе всемирной конфедерации демократий, которые разделяют либеральные ценности (в первую очередь он имел в виду союз 15 атлантических держав, который по его мнению должен был противостоять державам «оси») могут стоять наднациональные властные институты (правительство и парламент). Будущий союз он видел подобным федеративному устройству США. См: Streit C.K. Union Now. London – New York, 1939.

³⁰³ См: Declaration of Principles issued by the President of the United States and the Prime Minister of the United Kingdom. («The Atlantic Charter»). 1941, August 14 (<http://www.nato.int/docu/basicxt/b410814a.htm>); Treaty of Economic, Social and Cultural Collaboration and Collective Self-Defence. («The Brussels Treaty»). 1948, March 17 (<http://www.nato.int/docu/basicxt/b480317a.htm>); The North Atlantic Treaty. 1949, April 4 (<http://www.nato.int/docu/basicxt/treaty.htm>).

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

Уже в конце 1940-х – начале 1950-х годов военному и политическому сообществу США и их союзников по НАТО стало понятно, что следующая мировая война, если она будет вестись военными средствами, может быть только ядерной, а театром военных действий станет весь мир³⁰⁴. Начавшееся в 1950-е и в основном завершившееся к середине – концу 1960-х годов формирование устойчивой системы отношений между двумя сверхдержавами в военно-политической сфере побудило политические элиты США выйти на глобальный уровень осмысления мировой политики и международных отношений и выработки соответствующих стратегий деятельности. Эта система отношений сложилась на основе постоянно присутствовавшего между сверхдержавами с 1957 г. понимания каждой из сторон своих способностей нанести по противнику в короткие сроки ядерный удар и получить адекватный ответ. С 1960-х годов она уже обуславливалась пониманием элитами обеих стран возможности взаимного гарантированного уничтожения как структурной основы мировой политики.

Значительная часть американской политической элиты была прямо и косвенно вовлечена в процесс функционирования механизмов холодной войны – военных, идейно-политических, пропагандистских. Их деятельность и сознание были обусловлены ее развитием. Для многих, например, для значительной части военно-политической элиты, связанной с вооруженными силами, военно-промышленным комплексом США, «холодная война» была гарантией их востребованности, давала им огромные экономические возможности и высокий политический статус. Американский исследователь Дж. Донован ввел для обозначения групп американских политических элит, чья деятельность и существование были связаны с «холодной войной» специальное понятие «элита сдерживания» (containment elite)³⁰⁵. Эта часть американского истеблишмента со времен Г. Трумэна и Д. Ачесона и до конца «холодной войны» была источником поддержания высокой идеологизированности американской внешней политики, укрепления наиболее жесткой

---

³⁰⁴ Такой тип мышления в военно-политической сфере связан с формированием в 1950-е годы теорий и конкретных стратегий глобальной войны с применением ядерного оружия и внедрением их в американскую и британскую теории международных отношений. См.: *Кингстон-Макклори Э. Дж.* Глобальная стратегия. М.: Воениздат, 1959; *Киссинджер Г. (Киссинджер Г.)* Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1959; *Финлеттер Т.К.* Сила и политика. Внешняя политика и военная мощь Соединенных Штатов в век водородного оружия М., 1956.

³⁰⁵ См.: *Donovan J.C.* The Cold Warriors. A Policy-making Elite. London - Lexington, 1974. P.117.

Часть II. Мировопорядок сверхдержав

политической линии, сочетавшей в себе силовое видение международных отношений с антикоммунизмом.

Третья группа факторов, определившая развитие американской внешнеполитической идеологии и формирование внешнеполитического мышления американской элиты в годы «холодной войны» была детерминирована экономическими процессами в капиталистической системе и несоциалистической части мира. После Второй мировой войны ведущие американские компании и банки начали новую волну экспансии на европейский рынок, став главными участниками восстановления европейской экономики. Создание Бреттон-Вудской системы (МВФ, МБРР, ГАТТ) и принятие европейскими странами плана Маршала, заложило институциональные основы для формирования устойчивых экономических связей между США и Западной Европой и единых наднациональных механизмов регулирования капиталистической экономики³⁰⁶. Эти действия также позволили существенно смягчить социальные проблемы в разрушенных войной государствах Европы и затормозить укрепление позиций просоветских сил, то есть они вполне укладывались в логику сдерживания коммунизма. Американским руководством и экспертно-политическим сообществом меры по созданию системы экономических связей между Соединенными Штатами и Западной Европой понимались в политико-идеологическом контексте борьбы с коммунистическим влиянием³⁰⁷.

Уже в 1950 – 1960-е годы США стали центром и источником количественного роста и качественного усложнения взаимосвязей внутри мировой экономики, служа форпостом распространения экспансии транснациональных корпораций. Транснациональный капитал стремившийся действовать во всей несоциалистической части мира как в едином экономическом пространстве, нуждался в новых источниках сырья, дешевой рабочей силы и рынках.

Это стало не только основой превращения Соединенными Штатами европейской экономической и финансовой системы в единое поле (процессы европейской интеграции), взаимосвязанное с американской экономикой, но и американских экономических и политико-дипломатических действий по вытеснению европейских держав, сохранивших остатки имперского наследия, из их колониальных владений (Великобритании и Франции). Необходимость выработки долгосрочных стратегий деятельности, направленных

³⁰⁶ См.: Системная история международных отношений. Т. 3. С. 19-20, 75-80.

³⁰⁷ См.: *Kindleberger C.P. Marshall Plan Commemorative Section: In the Halls of the Capitol: A Memoir // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 3; Kunz D.B. The Marshall Plan Reconsidered: A Complex of Motives // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 3.*

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

на реализацию в масштабах, выходящих далеко за пределы национальной экономической и политической системы и сопредельных с США регионов, прямо и косвенно получала выражение в американской внешнеполитической мысли. Одним из наиболее важных проявлений этой тенденции оказалось становление представлений о капиталистической системе как о целостности, сообществе индустриально-развитых демократий, придерживающихся сходных принципов общественного устройства и ценностей.

На протяжении всей «холодной войны» со стороны идеологов американской внешней политики исходили различные варианты концепции ценностно-идеологического единства США и их союзников. Большинство подобных систем представлений выстраивалось не столько «для внутреннего использования» в США, но и как идейные элементы отношений в капиталистической системе, а также в контексте взаимоотношений с СССР и социалистическим лагерем. Но если в 1940-е годы речь шла об общих ценностях, а в 1950-е с развитием военно-политических блоков (НАТО, СЕАТО) во главу угла стали ставиться в основном военные связи союзников, то с 1960-х годов эти идеи стали подкрепляться небезосновательными представлениями об экономической и политической взаимосвязанности демократических держав, как об основе целостности Запада. Они имели под собой объективные основания – политика США по созданию единого западного экономического пространства уже принесла свои плоды.

Известный американский экономист Р. Вернон отмечал, что с 1950-х годов центром, из которого исходило большинство операций ТНК, были США, страны Западной Европы и Япония, связанные друг с другом военными союзами, инициатива в создании и деятельности которых принадлежала США. При этом Соединенные Штаты, с одной стороны, традиционно (еще в конце XIX в. в этой роли выступали крупнейшие американские картели и тресты) активно использовали и используют ТНК для осуществления своих политических задач, а с другой – сам транснациональный капитал обращается к применению американских политических и военных ресурсов для достижения своих экономических интересов во всем мире³⁰⁸.

Интересы связанных с транснациональным капиталом значительных сегментов элит США и других стран Запада, оказывались все в меньшей степени направлены на экономическую и политическую систему одного капиталистического государства. Они приобретали все более выраженный транснациональный и наднациональный характер, в то же время корпорации не могли существовать без

---

³⁰⁸ См.: Вернон Р. Буря над многонациональными. М., 1982. С. 195–211.

Часть II. Миропорядок сверхдержав

поддержки со стороны государств происхождения. Установление многочисленных экономических и политических взаимосвязей внутри капиталистического сообщества и во всей несоциалистической части мира, а также развитие процессов транснационализации элит США и Запада стимулировало появление в идеологическом обосновании внешней политики США принципиально новых социально-психологических, мировоззренческих и идеологических явлений.

Ко второй половине 1960-х – началу 1970-х годов сочетание всех трех групп факторов развития новых явлений в идеологии американской внешней политики сформировало особый – *глобалистский* тип внешнеполитического мышления, который становился все более характерен для американского истеблишмента. Именно в этот период многие американские политические деятели, эксперты³⁰⁹, идеологи и публицисты стали выступать с идеями о «взаимозависимости» (*interdependence*) мировой экономики³¹⁰ и политики³¹¹, взаимосвязанности процессов, развивающихся внутри капиталистической системы, и отношений Запада с социалистической системой и третьим миром. Развитие этих идей происходило в период смягчения «холодной войны», вызванного достижением относительного ядерного равновесия сил, который в отечественной и европейской политической практике (но не американской) и научной литературе (в том числе и американской) принято называть «разрядкой» (*detente*).

В сознании политических элит США концепции взаимозависимости оказались связаны с чрезвычайно идеологически и психологически значимым вопросом – о перспективах национального государства и его суверенитета. В конце 1960-х – начале 1970-х годов ряд экспертов в США и в Западной Европе выступил с предположениями о том, что развитие взаимозависимости приведет к исчезновению института государства и его суверенитета, а следовательно, и изменению всей системы международных отношений. Сформировалось несколько позиций относительно перспектив государства.

³⁰⁹ Особая заслуга в теоретической разработке концепции взаимозависимости принадлежала двум влиятельным американским экспертно-идеологическим центрам – Совету по международным отношениям и Массачусетскому технологическому институту.

³¹⁰ См., например: *Cooper R.* The Economics of Interdependence / F. Bergsten (ed.). New York, 1968; *The Future of the International Economic Order: an Agenda for Research.* Lexington – London – Toronto, 1973.

³¹¹ См., например: *Bloomfield L.P., Bloomfield I.C.* The U.S., Interdependence and World Order / *Headline Series.* 1975. № 228. Cambridge – New York, 1975; *Modelsky G.* Principles of World Politics. New York, 1972; *Yang O.* Interdependences in World Politics // *International Journal.* 1969. № 4.

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

Характер решения этого вопроса определял содержание различных версий понимания взаимозависимости³¹².

С одной стороны, различия в восприятии политическими элитами США концепций взаимозависимости можно объяснить тем, что они вступали в противоречия с традиционными для евро-американской либеральной политической мысли представлениями о национальном государстве и его суверенитете – как об основе его поведения в международных отношениях³¹³. С другой стороны, эти различия связаны с тем, что представления о размывании государства в эпоху взаимозависимости наложились на традиционные американские политические дискуссии о государственных (национальных) интересах, суть которых определялась представлениями о природе американского государства и его внешнеполитических целях. В 1960–1970-е годы в американской общественно-политической мысли сложилось два крайних типа отношения к взаимозависимости: «универсалисты» и «националисты». Между двумя этими основными крайностями расположился спектр промежуточных вариантов восприятия концепции. «Универсалисты» рассматривали рост взаимозависимости между государствами, регионами и различными сферами общественной жизни как данность, которая должна служить основой при выборе стратегий американской внешней политики. Для них система ценностей, созданная в рамках американской (или шире – западной) либеральной идеологии, перерастала рамки национального суверенитета и могла быть распространена на основе взаимозависимости в качестве универсальной³¹⁴.

Для «националистов» США как государство, его «интересы» и суверенитет являли собой непреходящую основу американской внешнеполитической линии. Так, если не саму взаимозависимость, то позитивность ее эффектов отрицали представители шко-

³¹² Теоретик международных отношений Дж. Розенау выделял две идейно-теоретических крайности: авторов, утверждающих, что национальное государство как основная структурная единица мировой политики уходит в прошлое, заменяемая «мировым обществом», и авторов, склонных по-прежнему рассматривать национальное государство как основной элемент анализа мировой политики, сводимой к международным (межгосударственным) отношениям. Между этими крайностями Розенау расположил в своей схеме тех, «кто, не отрицая субстанциональной эрозии национальных государств, все же продолжает их рассматривать в качестве наиболее влиятельного структурного элемента мировой политики из-за их монополии на военную силу», и тех, «кто рассматривает мировую политику через призму изменений, вызванных ростом взаимозависимости между государствами и негосударственными акторами». См.: *Rosenau J. The Study of Global Interdependence: Essays on the Transnationalization of World Affairs. London – New York, 1980. P. 16-18.*

³¹³ См.: *Bloomfield L.P., Bloomfield I.C. Op. cit.; Modelsky G. Op. cit.; Yang Q. Op. cit.*

³¹⁴ См.: *Hoffmann S. No Choice, No Illusions // Foreign Policy. 1976-1977. № 25.*

Часть II. Миропорядок сверхдержав

лы «политического реализма» в теории и практике международных отношений. Известный сторонник полит-реалистского подхода К. Уолтц писал в 1970 году, что «употребление слова “взаимозависимость” может исказить некоторые самые важные политические факты...»³¹⁵. Близкие позиции занимали авторы из «неоизоляционистского» лагеря, считавшие, что США должны не тратить свою мощь на доминирование и распространение либеральных ценностей в глобальных масштабах, а обеспечивать защиту традиционных сфер своего присутствия от коммунистической угрозы³¹⁶.

Уже в начале 1970-х годов представления о взаимозависимости, как об определяющей тенденции мировой экономики и международных отношений, стали частью политико-идеологических принципов построения американской внешней политики – в отношениях с западноевропейскими союзниками, с СССР, на Ближнем Востоке и т.д. Эти идеи проникли во многие американские официальные документы периода правлений администраций Р. Никсона (1969-1974) и Дж. Форда (1974-1977)³¹⁷. Тогда же к концепции взаимозависимости широко обращался помощник президента, а в последствие госсекретарь США Г. Киссинджер.

Концепции взаимозависимости органично совместились в американской внешнеполитической идеологии с вильсоновским либеральным универсализмом. Наибольшего влияния на сознание политических элит и внешнюю политику США неовильсоновские идеи «универсализма» о взаимозависимости как об основе глобального распространения демократических ценностей и американской миссии защиты прав человека достигли в годы правления президента Дж. Картера (1977–1981). В сочетании с представлениями об идеологической «целостности Запада» они превратились в основу концепции «трилатерализма»³¹⁸, которая практически ста-

³¹⁵ Цитируется по: *The Future of International Economic Order: An Agenda for Research* / F. Bersten (ed.). Lexington – London – Toronto, 1973, P. 124.

³¹⁶ См.: *Tucker R.A. Non-Isolationism – Threat or Promise?* Washington, 1972. P. 19-32.

³¹⁷ См., например: *US Foreign Policy for the 1970s. Building for Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress 1971.* Washington, 1971.

³¹⁸ «Трилатерализм» обязан своим названием созданной в 1973 г. по инициативе директора «Чейз Манхэттэн банка» Д. Рокфеллера Трехсторонней комиссии, объединившей 200 (позднее 321, а затем 350) ведущих (но не занимающих официальных постов) политиков, влиятельных бизнесменов, руководителей крупных корпораций, ученых и идеологов из США (позднее и Канады), Западной Европы и Японии – трех центров развития мировой капиталистической системы. Эта комиссия стала влиятельным неофициальным транснациональным экспертным центром, имеющим целью согласование позиций политических элит развитых стран по вопросам международных отношений и проблемам глобального характера.

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

ла одной из основных официальных внешнеполитических доктрин администрации Картера. Идеологи трилатерализма объявляли примат интересов и общих ценностей трехстороннего единства (trilateral unity) над национальными интересами государств-членов. Высокая степень «взаимозависимости», возрастающей во всем мире и в наибольшей степени между США и другими индустриально развитыми демократиями, провозглашалась трилатералистами как одно из главных достижений развитых стран, интерпретировалась как явление ценностного характера, неотделимое от принципов рыночной экономики и политической демократии³¹⁹.

Период с конца 1970-х по вторую половину 1980-х годов связан с новым этапом развития американской внешнеполитической идеологии – активным внедрением в теоретическое обоснование и практику поведения США в мире неоконсервативных идей. Особого влияния на американскую внешнюю политику неоконсерватизм достиг в период президентства Р. Рейгана. С неоконсерватизмом, основой которого стало сочетание представлений, методов и идей, заимствованных из различных идейно-политических систем и теорий (неолиберализма, классического либерализма, консерватизма, либертаризма, социал-дарвинизма, технократизма), связан переход в американской внешнеполитической идеологии к более догматичным идейным конструкциям и более ортодоксальному антикоммунизму.

Формирование неоконсервативных подходов в американской внешней политике соответствовало новой стадии развития транснационального капитала – завершению становления в 1970-е годы глобальных ТНК и МНК³²⁰. В конце 1970-х – начале 1980-х наиболее транснационализированная часть элит США – эксперты, политические деятели и высокопоставленные чиновники, пришедшие в госструктуры из крупнейших американских транснациональных компаний, существующих на их средства фондов и связанных с ними мозговых трестов, обратилась к использованию неоконсервативных идей в политической практике³²¹.

Несмотря на то, что президент Р. Рейган был кандидатом от Республиканской партии и долгое время был связан с ее правым крылом, неоконсервативный сегмент американских политических элит формировался вне контекста послевоенных отноше-

---

³¹⁹ The Reform of International Institutions (A Report of the Trilateral Task Force on International Institutions to the Trilateral Commission) / The Triangle Papers. № 11. New York, 1976. P. 1-2.

³²⁰ См.: Мовсесян А.Г., Огнивцев С.Б. Транснациональный капитал и национальные государства // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 6.

³²¹ См.: Domhoff W.G. *Who rules America Now?* New York, 1983. P. 95-98.

Часть II. Мировой порядок сверхдержав

ний между двумя основными партиями США и их внешнеполитических ориентаций. Идеологи неоконсерватизма формально принадлежали и к Республиканской, и к Демократической партии – группы интересов в обеих партиях, связанные с транснациональным капиталом и с американским военно-промышленным комплексом, выступали со сходных позиций. Идеологические конструкции либерально-реформистского прагматизма, характерные для администрации Р. Никсона и ценностноцентричного универсализма администрации Дж. Картера, не давали тех результатов в создании выгодных экономических и политических условий по либерализации рынков труда, товаров и услуг, которые требовались транснациональному капиталу. Кроме того, они мало соответствовали интересам Пентагона и компаний, работающих по государственным военным заказам США. В отличие от рейгановского неоконсервативного подхода к внешней политике, идейные позиции предшествующих администраций были ориентированы на поиск компромиссов – на экономические и политические уступки в отношении с развивающимися странами с СССР и социалистическим лагерем, не давали активно опираться на военную мощь США и НАТО. Неоконсерватизм, провозгласивший в конце 1970-х годов «упадок Запада»³²² и необходимость спасения «идеалов свободы и демократии», «ценностей Просвещения», защиты индустриально-развитых демократий от «коммунистической угрозы» а США от «финляндизации»³²³, напротив, мог быть использован как идеологическое обоснование более жесткого внешнеполитического курса, увеличения военных расходов, действий по более активной либерализации рынков развивающихся стран. Неоконсервативные идеи позволили экономическому и политическому симбиозу США с транснациональным капиталом выйти на качественно новый уровень. Они позволяли направить всю силу США как сверхдержавы на создание такого экономического и политического мирового порядка, который был бы максимально выгоден как для ТНК и МНК, так и для самих США. В сфере идеологии это позволило соединить представления об «американской исключительности» и «избранности», развивавшиеся на протяжении всей американской истории, с универ-

³²² См.: *Ball G.* The Conduct of American Foreign Policy: Reflections on a Heavy Year // *Foreign Affairs*. 1981. Vol. 59. № 3.

³²³ Под «финляндизацией» неоконсервативные идеологи понимали «внешнеполитическую несамостоятельность», которую они предрекали Соединенным Штатам и Западу в целом. См.: *If conservatives cannot do it now... Interview with I. Kristol* // *US News and World Report*. 1981. July 20.

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

салистским видением американских ценностей, консервативной апологетикой американских национальных интересов и идеями радикального либерализма.

Квинтэссенцией внешнеполитических представлений неоконсервативной элиты и идеологической основой американской внешней политики 1980-х годов стала так называемая «доктрина Рейгана», которая оформилась и уточнялась в выступлениях самого Р. Рейгана (в первую очередь перед Конгрессом США)³²⁴, ряда представителей верхушки американской политической элиты и научно-идеологического сообщества. В основе доктрины, содержащей представления о месте и функциях США в миропорядке, лежал принцип возможности вмешательства в дела других государств (в том числе и военного) в случае, если существующий в них политический режим оказывался «нелегитимным», «тоталитарным», «недемократическим». Американские неоконсерваторы отходили от традиционных представлений о миропорядке, основанном на политическом суверенитете государств, заявляя, что «доктрина Рейгана провозглашает новый международный порядок, в котором легитимность правительств более не будет основываться просто на их эффективности, а будет зависеть от ее соответствия демократическому процессу. Правительства, которые пришли к власти без следования требованиям этого процесса, отныне должны рассматриваться как нелегитимные»³²⁵. Соответственно, суверенитет государств, оговаривавшийся международным правом, фактически ставился в зависимость от того, насколько существующий в данном государстве политический режим и действующие в нем политические силы адекватны идеологическим ориентирам США, которые принимаются за эталон политического устройства. Критерием легитимности являлось соответствие того или иного политического режима «основным американским конституционным принципам..., заключающимся в том, что легитимность правительства определяется его согласием с управляемыми и тем, уважает ли оно права граждан»³²⁶. Тем самым доктри-

---

³²⁴ Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. 1985. February 6 / Public Papers of the Presidents of the United States: Ronald Reagan. 1985. Book I. Washington, 1988. P. 567; Remarks at a Joint German-American Military Ceremony at Bitburg Air Base in the Federal Republic of Germany. 1985. May 5 / Public Papers of the Presidents of the United States: Ronald Reagan. 1985. Book I. Washington, 1988. P. 135.

³²⁵ Tucker R. Reagan's Foreign Policy // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. № 1.

³²⁶ Kirkpatrick J.J., Gerson A. The Reagan Doctrine, Human Rights, and International Law // Right Versus Might. International Law and the Use of Force. London — New York, 1987. P. 21

Часть II. Мировопорядок сверхдержав

на Рейгана распространяла принципы доктрины Т. Рузвельта, предполагавшие для США возможность устранять «нелегитимные» режимы в Западном полушарии на всю неподконтрольную СССР часть мира, подкрепляя ее мессианской вильсонской риторикой³²⁷. Эти воззрения налагались на представления о взаимозависимости и размывании государства как института, которые уже прочно укоренились в американском внешнеполитическом мышлении. При этом взаимозависимость стала восприниматься американскими элитами как фактор и условие глобального расползания угроз, исходящих от идеологически чуждых США режимов.

Неоконсерваторы и Р. Рейган стремились представить в своих выступлениях в СМИ идейно-политическое противостояние с СССР и социалистической идеологией в ценностных и психологически окрашенных этических и даже религиозных категориях – как противостояние с коммунистическим универсализмом³²⁸. Ими подчеркивалось, что борьба развивается в глобальных масштабах, идет не столько и не только между СССР и США как двумя сверхдержавами, а между двумя этико-идеологическими системами, за будущее всего мира³²⁹. Фактически реанимировалась внешнеполитическая риторика времен начала «холодной войны». Доктрина Рейгана определялась неоконсервативными идеологами как противостоящая так называемой «доктрине Брежнева»³³⁰, под которой они понимали совокупность различных советских заявлений и выступлений тогдашнего советского лидера³³¹, и интерпретировали ее как идеологическую основу экспансии социализма³³². В этом аспекте доктрина Рейгана стала идеологической базой для ряда военно-политических акций (от прямого вторжения до оказания военной и финансовой помощи одной из сторон во внутреннем конфликте): в Гренаде, Ливане, Ливии, Мозамбике, Никарагуа, Анголе и Афганистане.

Комплекс глобального политического мессианства активно использовался неоконсерваторами для обоснования «особых полномо-

³²⁷ См.: Bloom A. *The Closing of the American Mind*. New York, 1987. P. 153.

³²⁸ В их выступлениях США представляли как «Град на холме», «земля свободы», стоящая во главе «свободного мира». Часто речь шла об «особой миссии» Америки в мире как «защитницы свободы и демократии».

³²⁹ Osgood R.E. *Revitalization of Containment* // *Foreign Affairs*. 1982. Vol. 60. № 3.

³³⁰ Kirkpatrick J.J., Gerson A. *Op. cit.* P. 29-30.

³³¹ Прежде всего имелось в виду неофициальное заявление, опубликованное в форме статьи в органе ЦК КПСС газете «Правда» 26 сентября 1968 г. в связи с введением войск ОВД в Чехословакию. В нем суверенитет и право на самоопределение подчинялись принципу нерушимости социалистического лагеря.

³³² См., например: Pines B.Y. *Ten Legacies of Ronald Reagan. Touching America's Heart* // *Vital Speeches of the Day*. 1989. Vol. LV. № 8.

Глава 6. «Холодная война» и развитие идеологии...

чий США в мире», на которые они «обречены» как «лидер свободно-го мира», несущий и воплощающий либеральные и религиозные ценности: «Вся сущность Американского идеала складывается из двух жизненно важных элементов: ценностей Просвещения и религии. И хотя между ними есть и всегда будут определенные противоречия, оба они лежат в основе американского преуспеяния в прошлом и также необходимы для глобального выживания (*global survival*) в будущем»³³³. Идеологи неоконсервативной внешней политики присовокупляли к идеологическому обоснованию «особого» статуса США факторы экономического, научно-технологического и военного могущества. Неоконсерваторы 1980-х годов, как вильсонянцы в начале XX века, видели в США не только государство, но и идеал социально-политического устройства, а в американской идеологии – основу для организации миропорядка в целом.

Доктрина Рейгана составляла идеологическую основу внешней политики США на протяжении обоих сроков его президентства и оказывала значительное влияние на сознание американских элит. В период правления второй рейгановской администрации из-за изменений, произошедших в отношениях между СССР и США, она претерпела изменения. С внешним улучшением отношений между сверхдержавами, наметившимся во второй половине 1980-х годов, доктрина Рейгана стала интерпретироваться в качестве мирной программы демократизации «как леворадикальных, так и праворадикальных» режимов. Однако принятые на вооружение неоконсерваторами представления о возможности влиять на внутривнутриполитическую ситуацию и экономику других государств и тем самым не только стимулировать, но и управлять процессами размывания их суверенитета стали неотъемлемой частью внешнеполитических взглядов американских элит.

---

³³³ *Billington J.H.* Realism and Vision in American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1987. Vol. 65. № 3.

Часть III.

ИМПЕРСКИЙ МИРОПОРЯДОК

Глава 7.

Американская внешнеполитическая идеология для имперского миропорядка

7.1. Взаимосвязи идеологии и внешней политики США

Одним из важнейших факторов развития и деятельности любого социально-политического образования государственного типа, (национального государства, империи, сверхдержавы и т.д.) является идеология. Она как система представлений об организации, развитии и функционировании общества имеет определенную ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезу прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и модель будущего социального порядка – как внутри данного субъекта, так и в сфере отношений с другими субъектами (в том числе миропорядка). При выработке внешнеполитической линии идеология может преобладать над объективными социально-экономическими мотивами жизнедеятельности субъекта мировой политики и международных отношений³³⁴. Во всяком случае идеологические позиции присутствуют при осмыслении и при артикуляции интересов и целей, даже тех, которые провозглашаются и интерпретируются как «сугубо прагматические». На протяжении всей новой и новейшей истории значение идеологического фактора в мировой политике и международных отношениях не только не уменьшалось, но и возрастало. Это связано с тем, что развитие общественно-экономических отношений вызывает усложнение политических структур и отношений, а значит и их идеологического отражения.

³³⁴ Подробнее о роли идеологий в мировой политике и международных отношениях см.: *Косолапов Н.А.* Идеология и международные отношения на рубеже тысячелетий // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. С. 223-240.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

Функцию регуляторов деятельности и развития любого общества, в том числе и разворачивающихся в общественном сознании идеологических процессов, выполняют политические элиты. В социологическом отношении элиты – это верхушка правящего класса, прямо и косвенно связанная с выработкой и принятием решений. В ходе своей деятельности элиты осуществляют через формальные и неформальные социальные и политические институты функции политической власти и влияния. Элиты формируют характер общественно-политических отношений внутри любого социального образования, функционирование политических структур, связанных с управлением общественно-экономическими отношениями, а также взаимодействие того или иного политического общества с другими субъектами во внешней среде.

Наряду с сугубо прагматическими, экономическими мотивами одной из важнейших составляющих политического мышления представителей элит является идеология. Именно идеологии определяют понимание элитами целей существования и развития того общественного организма, частью которого они являются, а соответственно, их представления о долговременных целях и ценностных основаниях собственной деятельности. На идеологии лежит важнейшая в социально-психологическом отношении функция мотивации деятельности, основанная на вере в ее результативность, на представлениях и знаниях о ее целях³³⁵.

В идеологической сфере пересекаются объективные процессы и тенденции с их субъективными интерпретациями. Отражая и репрезентируя предшествующий опыт, его совокупные итоги, текущее положение, идеология (в этом ее главные функция и специфика) задает этические и социально-политические ориентиры и императивы устройству, направленности и функционированию социума на будущее. Направленность на реализацию определенных моделей общественного устройства и достижение социально-политических целей формирует ее ценностно-ориентационный потенциал. Идеология задает целеполагание и мотивацию действий субъектов политики в реализации определенной модели организации общественных отношений, побуждает социальные субъекты к деятельности в сфере политики. При этом представления о прошлом и будущем социальном порядке, распространенные в общественном сознании, задают направленность и контекст динамики и содержания текущих идейных процессов.

---

³³⁵ Подробнее о значении целеполагания для жизнедеятельности сложных социальных субъектов см: *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. С. 85-92.

Часть III. Имперский миропорядок

Идейно-политические позиции различных элитных групп внутри одного социального образования могут существенно различаться. Это обуславливает идеологические противоречия и даже борьбу, которая является важнейшей составляющей консолидации различных групп интересов внутри элит. Чем сложнее общество, тем более сложный характер носит идейно-политическая структура сознания элит, тем больше в ней нюансов.

Взаимодействие элитных групп, основанных на общих прагматических интересах и идеологических позициях, определяет жизнедеятельность всего социального организма, характер его поведения по отношению к другим социальным образованиям. В случае с государствами речь идет о социально-политическом устройстве страны и ее поведении в системе международных отношений.

В течение всей американской истории идеологические процессы, развивавшиеся в общественном сознании США, оказывали значительное влияние на внешнюю политику американского государства и его роль в международных отношениях. Эволюция ценностно-идеологических основ внешней политики Соединенных Штатов была теснейшим образом связана со становлением американской политической элиты, дальнейшим изменением характера и сферы ее деятельности. Формирование и видоизменение американских элит и их политического сознания было частью развития США как государства, прошедшего путь от борющейся за независимость колонии до действующей в глобальных масштабах сверхдержавы, влияющей на формирование всего миропорядка.

На протяжении истории США американская элита видоизменялась, наполняясь новыми в социологическом отношении элементами, подчиняясь национальным и глобальным общественно-экономическим тенденциям, но при этом в ее развитии сохранялась преемственность. Она определялась тем, что процессы и события, менявшие ход американской истории, по своей глубине и масштабам были все-таки несопоставимы с европейскими социальными и политическими потрясениями. Все происходившие в американском обществе изменения не разрушали формационных основ развития США и фундаментальных принципов организации американской политической системы. Эта преемственность в развитии американского государства, общества и его элиты получала отражение в идеологической сфере – несмотря на появление новых идей, представлений и установок, предшествующие идеологические элементы и идейно-психологические тенденции сохранялись, сосуществуя с вновь появившимися.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

Во внешнеполитической идеологии Соединенных Штатов это проявлялось в еще большей степени, чем где бы то ни было. На протяжении более чем трех столетий американской истории – от колониального периода до нынешних времен глобальной гегемонии – ряд идей, представлений ценностного характера, политико-психологических установок и когнитивных стереотипов продолжали сохранять свою значимость для американского общественного сознания и сознания элит, оказывать заметное влияние на внешнеполитическую мысль. Новые идеологические элементы не столько вытесняли предшествующие, сколько встраивались в сформированный ими идейно-политический контекст.

Несмотря на существование в сознании современных американских политических элит и общественном сознании многих идейно-политических направлений, имеющих серьезные расхождения друг с другом (в том числе и по вопросам внешней политики США и их роли в мире), они имеют общие корни. Все эти идеологические течения развивались в одном и том же идейно-психологическом пространстве. Наиболее стабильными его элементами были представления ценностного характера, связанные с самоидентификацией, с американским пониманием природы и целей общества и государства, приоритетов его поведения в мире. Именно наличие этих общих идейных и ценностных оснований дает возможность говорить о развитии американской внешнеполитической идеологии как о едином явлении.

Конечно, американская внешнеполитическая идеология прошла значительную эволюцию и многократно изменялась, наполняясь новыми идейными компонентами, но при этом сохраняла ряд фундаментальных черт, общих для всех существовавших и ныне существующих в ней течений. В США традиционно ведутся масштабные дебаты по вопросам внешней политики и международных отношений, в которых участвуют различные теоретические школы и течения внешнеполитической мысли, но все они развиваются и взаимодействуют в одной и той же идейно-психологической и ценностной системе координат. Каждая новая официальная концепция прямо или косвенно продолжает предшествующие, обращается к ранее созданным политическим прецедентам и направлена на идейное закрепление новых.

Преимственность идеологических основ американской внешней политики определяется в первую очередь поступательностью в развитии американской социально-экономической системы, которая практически от самых своих истоков эволюционировала в рамках одной – капиталистической – формации. Лишь в колониальный период в жизни американского общества наблюдались элемен-

Часть III. Имперский миропорядок

ты полуфеодальных отношений, но они оказались быстро замещены капиталистическими³³⁶. Затем была вытеснена сочетавшаяся с развитием капитализма в Южных Штатах до Гражданской войны 1861-1865 гг. система рабовладения³³⁷, и в дальнейшем капиталистические отношения оставались доминирующими. Крупнейший отечественный исследователь американского общественного сознания Ю.А. Замошкин считал, что фактор преемственности в развитии капиталистических основ американского общества был важнейшим при формировании многих элементов американской национальной психологии: индивидуализма, прагматизма, веры в то, что принципы свободной конкуренции являются универсальным механизмом организации общественных отношений и проверки жизнеспособности индивида, общества, государства³³⁸. Развитие американского общества как сугубо капиталистического и демократического определило общественно-экономические и политические механизмы рекрутирования элит США.

Формирование большинства течений американской внешнеполитической идеологии в общем ценностно-идеологическом русле определяется также существованием единой американской политической культуры и сопутствующих ей элементов политической социализации всей американской нации. В значительной степени это связано с тем, что для американского политического мышления характерен *историоцентризм*, то есть постоянное стремление обращаться к представлениям об истории (прежде всего – собственной), о прошлом опыте при формулировании идеологических оснований текущих действий и целей, для придания им легитимности. Это объясняется двумя социально-психологическими факторами, укрепившимися в общественном сознании США.

С одной стороны, это относительная успешность развития американской нации, сформировавшая у ее представителей устойчивую убежденность в правильности того исторического пути, который был пройден, а также в безошибочном характере решений, которые принимали американские лидеры, и тех идей, что лежали в

³³⁶ См.: *Согрин В.В.* Политическая история США. М.: Весь Мир, 2001. С.13-14.

³³⁷ Борьба между аграрным рабовладельческим Югом и промышленным капиталистическим Севером оказала значительное влияние на идеологические процессы, связанные с внутренней политикой, но мало затронула развитие американской внешнеполитической идеологии. См.: *Иванов Р.Ф.* Конфедеративные Штаты Америки (1861-1865 гг.) М.: ИВИ РАН, 2002. Т.1. С. 31-47; Т. 2. С.119-160.

³³⁸ См.: *Замошкин Ю.А.* Глава 1. Особенности формирования национального самосознания и внешнеполитические ориентации в США // Общественное сознание и внешняя политика США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин. М., 1987. С.15-21.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

основе этих решений. Такая убежденность порождает политическую традицию апеллировать при выработке и принятии решений, а также при их обосновании, к предшествующему опыту и проводить аналогии с происходившими ранее событиями и действиями, предпринятыми в качестве ответов на них американским обществом, элитами, государственным аппаратом, руководителями.

С другой стороны, в основе историоцентризма американского политического мышления заложена зародившаяся еще в европейской версии англосаксонской политической культуры и права прецедентная практика. Для того чтобы подтвердить легитимность действия или решения считается необходимым обращаться к решению принятому ранее в схожей ситуации. Эта особенность американского внешнеполитического мышления получала и продолжает получать выражение как в развитии доктринальных основ внешней политики США, так и в практике. Каждая новая официальная концепция прямо или косвенно продолжает предшествующие, обращается к ранее созданным политическим прецедентам и направлена на идейное закрепление новых.

В любом социуме внутри политической элиты существует особая группа – идеологи. Их профессия – думать для тех, кто принимает решения, предлагать пути внутреннего развития для всего общества, формулировать интересы и приоритеты в отношениях с внешними акторами, выдвигать идеологические по своей природе и политико-психологическим функциям стратегии. Связь подобной интеллектуальной деятельности с текущей политикой, планированием действий и принятием решений определяет ее характер – она вынужденно носит идеологические черты и не может быть только научной, хотя в современных условиях зачастую основывается на достижениях общественных наук. В настоящее время в США функции идейной подготовки внешней и внутренней политики выполняет научно-аналитическое сообщество, появившаяся еще в конце XIX века и все более разрастающаяся каста интеллектуалов от политики, объединяющая ученых, экспертов, аналитиков, прямо и косвенно причастных к выработке внутренней политики и внешнеполитического курса. В нее входят прежде всего те, кто непосредственно осмысливает реальность, готовит решения, пишет аналитические доклады для руководства госдепартамента и администрации президента, спецслужб, соответствующих комитетов и комиссий Сената и Конгресса, вбрасывает новые идеи в речи высших государственных деятелей. Но наряду с ними к этой группе принадлежат те, на ком идеи проходят «обкатку». С одной стороны, это публицисты и сотрудники аналитических центров, подчас критически оценивающие практическую политику админист-

Часть III. Имперский миропорядок

рации. С другой – разработчики альтернативных идей и участники обсуждений на страницах политико-теоретических изданий, в открытых дебатах по линии общественно-политических организаций, дискуссионных клубов.

Традиционно весьма идеологизированная американская внешнеполитическая мысль оказалась в последние несколько лет буквально поглощена проблемами ценностного характера, сосредоточена на поиске новой мотивации поведения США на мировой арене. Этот рост внимания американского научно-политического сообщества, официального истеблишмента и элит в целом к фундаментальным ценностным основаниям внешней политики связан с меняющейся ролью США как государства и как субъекта мировой политики. С этими изменениями связаны процессы, развивающиеся в современной внешнеполитической идеологии США, которая из системы представлений элит о целях и ценностных основах американской внешней политики, сугубо американского видения характера и принципов международных отношений превратилась в доминирующую в глобальных масштабах идейно-политическую систему. Американская внешнеполитическая идеология и связанные с ней идеи, ценности, установки в этих условиях превращаются в одну из важнейших идейно-политических и этико-психологических основ устройства постбиполярного миропорядка.

7.2. Влияние окончания «холодной войны» на американское внешнеполитическое мышление

Международно-политические и социально-экономические изменения, произошедшие в мире после окончания «холодной войны», оказали значительное влияние на развитие идеологических основ внешнеполитического мышления американских элит. Идеологи американской внешней политики оказались вынуждены пересмотреть цели и задачи своей деятельности, переосмыслить новую роль Соединенных Штатов в мире. Эти изменения проявились уже в 1990-е годы в идейно-теоретических дискуссиях, развернувшихся в американском политическом истеблишменте и в научно-политическом сообществе. Вопросы ценностно-идеологического характера занимали в этих дискуссиях одно из ведущих мест. Через дебаты в среде экспертов и аналитиков о ценностно-этических основаниях внешней политики США шла выработка ее новых целей. В политико-теоретических дискуссиях 1990-х годов не только выражались различные позиции, складывающиеся по международно-политическим вопросам внутри американской элиты – они

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

оказывали обратное формирующее воздействие на официальную идеологическую линию руководства США.

Одним из важнейших факторов, вызвавших развитие новых идейно-психологических явлений в американской внешнеполитической идеологии стало изменение самого статуса США в мире. Соединенные Штаты превратились в единственную сверхдержаву, далеко оторвавшуюся по уровню своих возможностей и по масштабам приложения своей активности как от союзников, так и от потенциальных конкурентов. Поменялось не только положение США в мировой политике, но и уровень задач, стоящих перед американским внешнеполитическим сообществом. От организации отношений в рамках несоциалистической части мира и противостояния с СССР она должна была перейти к планомерному выстраиванию всего нового миропорядка. Внешняя политика США все более явно переставала быть в классическом понимании внешней политикой государства, пусть даже сверхдержавы, а превращалась в политику глобальных воздействий на развитие миропорядка в целом.

Повышенное внимание американских аналитиков и идеологов к ценностно-этическим проблемам стимулировалось стремлением создать эффективные механизмы легитимации американской активности по выстраиванию нового миропорядка. Исчезла необходимость борьбы с «коммунистической угрозой» и «защиты демократии во всем мире», ставшей привычным объяснением любых американских внешнеполитических действий почти для четырех поколений политиков и экспертов. Поэтому задача поиска новых механизмов легитимации внешней политики США и ее пропагандистского сопровождения, как внутри страны, так и во всем мире, была на протяжении пятнадцати лет после окончания «холодной войны» крайне актуальной для всех президентских администраций.

На время правления администрации Дж. Буша-старшего и первой администрации У. Клинтона пришелся период закрепления грандиозных глобально-политических изменений, произошедших с распадом СССР. Для большей части американской внешнеполитической элиты и научно-экспертного сообщества это был период осмысления итогов «холодной войны» и последствий ее окончания для США и всего мира³³⁹. Тогда сформировались представления о том, что в «холодной войне» США победили не только как государство, но и как носитель определенной системы ценностей: ин-

³³⁹ См.: *Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990/1991. Vol. 70. № 1; Mathews J.T. Redefining Security // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68. № 2; Sorensen T.C. Rethinking National Security // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. № 3.*

Часть III. Имперский миропорядок

дивидуализма; религии; свободы предпринимательства; принципов политической демократии³⁴⁰.

Именно с таким ценностно-ориентированным восприятием связано большинство интерпретаций концепции «нового мирового порядка» (*New World Order*), которая фактически стала официальной внешнеполитической доктриной администрации Дж. Буша-старшего. Идеологи этой концепции видели «новый мировой порядок» базирующимся на «распространении демократии» (*promotion of democracy*) и лежащих в ее основе ценностей. Один из теоретиков «распространения демократии» Л. Даймонд, редактор журнала «*Democracy Journal*» и ведущий эксперт Института Гувера, так описал в 1992 г. ценностные мотивы и новые цели американской внешней политики: «Никогда, с самого окончания Первой мировой войны, западные демократии не имели такой возможности для того, чтобы создать политическую основу нашего мира. Путем распространения демократии за рубежом Соединенные Штаты могут помочь миру впервые в истории стать состоящим преимущественно из устойчивых демократий»³⁴¹.

Такие представления получили развитие и после окончания срока президентства Дж. Буша-старшего – в новой концепции «расширения демократии», взятой с 1993 г. на вооружение идеологами команды президента У. Клинтона. Ее откровенная прагматическая направленность состояла в укреплении влияния США в НАТО и ЕС за счет создания новых демократических государств в Восточной Европе. Для самих американских элит она была неразрывно связана с идеологической компонентой – расширением зоны влияния тех ценностей и политико-культурных принципов, на которых основана американская демократия³⁴². Концепция «расширения демократии», развивалась в идейном русле вильсоннианского либерального универсализма, который традиционно сочетал в себе прагматику американских национальных интересов с представлениями об американской идеологической миссии – нести либерально-демократические принципы и ценности всему миру. Это сочетание так было охарактеризовано в зачитанной перед Конгрессом США речи помощника президента по национальной безопасности

³⁴⁰ См, например: *Hyland W.G. America's New Course // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69. № 2; Rustow D.A. Democracy: A Global Revolution? // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69, № 4; Freedman L.D. Order and Disorder in the New World // Foreign Affairs. 1991/1992. Vol. 71. № 1.*

³⁴¹ *Diamond L. Promoting Democracy // Foreign Policy. 1992. № 87.*

³⁴² См.: *Schonberg K. Traditions and Interests: American Belief Systems, American Policy, and the Bosnian War // World Affairs. 1999. Summer.*

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

Э. Лейка – одного из главных идеологов «расширения»: «Эти движущие силы исходят из самых глубин интуиции Вудро Вильсона, и хотя иногда его морализм ослаблял его аргументацию, он понимал, что наша собственная безопасность определяется характером режимов в других странах. Действительно, большинство последующих президентов, как республиканцев, так и демократов, понимало, что мы должны распространять демократию и рыночную экономику в мире, потому что они обеспечивают защиту наших интересов и отвечают ценностям, которые одновременно являются и американскими, и универсальными»³⁴³.

Основные дискуссии в научно-политическом сообществе США развернулись на протяжении 1993-2000 годов вокруг того, что в большей степени движет американской внешней политикой – ценности или интересы, и чем в действительности нужно руководствоваться³⁴⁴. Сторонники клинтоновской политики «расширения демократии» говорили о том, что оно совпадает с интересами США, а их оппоненты утверждали, что, напротив, подменяет их. Лишь некоторые американские эксперты и идеологи признавали всю искусственность этой антитезы. Один из наиболее влиятельных американских политологов С. Хоффманн писал о надуманности противопоставления американских ценностей и интересов: «Среди причин, позволяющих заключить, что различие интересов и ценностей является мошенничеством, особо выделяется то, что великая держава всегда имеет “интерес” в создании того миропорядка, который отвечает насущным нуждам ее национальной безопасности, а также то, что видение миропорядка, которого придерживается эта держава всегда определяется ее ценностями»³⁴⁵.

Впоследствии М. Олбрайт, занимавшая уже во второй клинтоновской администрации пост госсекретаря США, так высказывалась по поводу этой все еще острой полемики: «Некоторые насмешничают и говорят о том, что распространение демократии, конечно, хорошо, но как же насчет особых национальных интересов? Вот мой ответ, и я думаю, что его поддержали бы все современные президенты от Трумэна до Рейгана и от Буша до Клинтона: наша самоидентификация с демократией жизненно важна для достижения

³⁴³ *Gephardt R.A., Gingrich N. Enlarging Democracy (By A. Lake). House of Representatives. 1993. September 29 / Congressional Records. Page: E2292. См.: <http://thomas.loc.gov>.*

³⁴⁴ См.: *Clarke J. Rhetoric Before Reality // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. № 5; Mandelbaum M. Foreign Policy as Social Work // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 1.*

³⁴⁵ *Hoffmann S. In Defense of Mother Teresa: Morality in Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 2.*

Часть III. Имперский миропорядок

наших интересов»³⁴⁶. Ее слова как нельзя более точно раскрывают исторически сформировавшуюся взаимосвязь представлений о ценностях и интересах в сознании не только либеральной, но и значительной части консервативных кругов американской политической элиты. Для тех и для других распространение идеологических принципов, на которых основаны сами США – это распространение американского влияния. Наоборот, сверхзадачей американской внешней политики они, следуя вильсоновской традиции, считают распространение соответствующих ценностей.

С пребыванием у власти второй клинтоновской администрации связан переход от реализации стратегий обоснования и подтверждения нового положения США в мире, от практических мер по закреплению сложившейся в результате окончания «холодной войны» международно-политической ситуации к деятельности по формированию политико-организационных и институциональных основ управления развитием постбиполярного миропорядка. Внешне вопрос о том, на каких ценностных основаниях будет выстраиваться новый миропорядок, оказался несколько отнесен в выступлениях представителей американского научно-политического сообщества на страницах наиболее влиятельных изданий отражением других проблем американской внешней политики. В действительности же он постоянно присутствовал в основе многих развернувшихся в 1997-2000 годы идейно-теоретических дискуссий о том, как должны организовываться отношения в мировой политике на ее различных уровнях: между органами государственной власти и народами страны, в которой она действует; между государствами; между новыми глобальными акторами (международными организациями, ТНК, неправительственными организациями) и государствами; между единственной сверхдержавой и ее союзниками, бывшими противниками и другими странами. В идеологическом отношении все эти дискуссии строились вокруг вопроса о том, являются ли демократические ценности и принципы универсальным средством организации различных уровней общественно-политических отношений, включая мировую политику и международные отношения. Все это имело самое прямое отношение к американской политике по выстраиванию нового миропорядка.

Применительно к государственному устройству этот вопрос проявился в спорах ведущих американских политических экс-

³⁴⁶ *Albright M.K. Sustaining Democracy in the Twenty-First Century / The Rostov Lecture Series. School of Advanced International Studies Johns Hopkins University Washington. January 18, 2000. US Department Of State. См.: <http://secretary.state.gov/www/statements/2000/000118.html>.*

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

пертов о том, что в большей степени является критерием демократичности государства, означающей в соответствии с догматами американской политической мысли неагрессивность его повеления в мире³⁴⁷. С этой дискуссией связано появление 1997 г. концепции «нелиберальной демократии», выдвинутой известным политическим публицистом Ф. Закария³⁴⁸. Дебаты в научно-политических кругах были сосредоточены на двух моментах. Во-первых, что позволяет считать страну демократией – наличие соответствующих институтов или следование действующей власти либеральным ценностям. Во-вторых, может ли считаться государство демократическим, если правящий в нем режим не придерживается либеральных ценностей, но пришел к власти при соблюдении демократических процедур³⁴⁹.

Появление этих дискуссий ценностного и даже идеологического свойства было вызвано трудностями, с которыми столкнулась администрация У. Клинтона при проведении политики либеральной демократизации в прошлом недемократических стран. Перед идеологами и теоретиками американской внешнеполитической линии во второй половине 1990-х годов возникла политическая дилемма этико-психологического характера. Они должны были или признаться всему миру и самим себе в том, что США в первую очередь заинтересованы в лояльности вновь созданных режимов, демонстрируя свою идейную беспринципность. Или же они были бы вынуждены согласиться с тем, что распространение принципов демократического политического устройства государства (разделение властей, верховенство закона и равенство граждан перед законом, открытые и свободные выборы) и либеральных ценностей (свобода слова, собраний, вероисповедания, предпринимательства, индивидуализм, частная собственность) важнее интересов США как государства. Это глубокое идейно-психологическое противоречие не могло найти разрешения, так как затрагивало позиции и сторонников политики расширения демократии, и ее противников.

Проблема выбора ценностей для глобальной политической системы в период второго президентского срока У. Клинтона встала перед американским научно-политическим сообществом и в связи с проблемами организации международных отношений. В полити-

³⁴⁷ См.: *Reiter D., Stam A.C.* Democracy, war initiation, and victory // *American Political Science Review*. 1998. June.

³⁴⁸ См.: *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 6.

³⁴⁹ См.: *Kupchan Ch., Pilon J.G., Gould-Davies N., Cain K.* Illiberal Illusions: Restoring Democracy's Good Name. Discussion // *Foreign Affairs*. 1998. Vol. 77. № 3.

Часть III. Имперский миропорядок

ко-теоретических дискуссиях ценностно-идеологическое преломление получил вопрос о том, как вся эта система должна регулироваться и какую роль в этом процессе могут и будут играть сами США. Большое количество экспертов видело основу для приложения демократических принципов и либеральных ценностей к сфере международных отношений в институционалистских подходах клинтоновской администрации. Она стремилась – хотя бы в целях внешней легитимации – привлечь к процессу мирорегулирования (в том числе и силового) и строительству нового миропорядка международные организации и нормы международного права, а также опираться на старых союзников США и создавать новых. С такими представлениями были связаны концепции «глобального регулирования» и «многосторонности», получившие значительное распространение в сознании американских внешнеполитических элит и научно-экспертного сообщества в период деятельности второй администрации У. Клинтона, и оказывавшие в те годы значительное влияние на идеологические основы внешней политики США³⁵⁰. Многие критики концепций «многосторонности» и институционализма клинтоновской внешней политики выставляли претензии в подчинении глобальных возможностей США принципам коллективного принятия решений и чрезмерного внимания к позициям союзников по НАТО в ущерб американским интересам. Однако при этом они не оспаривали представления о том, что либерально-демократические принципы и ценности могут быть применены в сфере международных отношений³⁵¹.

Либеральная часть американского научно-политического сообщества, признававшая особое положение США в мире, не воспринимала выстраивающийся под их началом миропорядок как иерархический. Для идеологов администрации У. Клинтона и их сторонников было характерно мессианское видение США как носителя и распространителя демократических ценностей во всем мире, а также аксиоматическое восприятие окончания «холодной войны» как «победы демократии над тоталитаризмом». Это не позволяло им признать, что новый миропорядок не носит и потенциально не будет носить демократического характера. Признав это, они фактически были бы вынуждены отказаться от представлений об универсальности демократических принципов организации политики и ценностей, то есть, согласиться с тем, что на глобальном

³⁵⁰ См., например: The Changing Dynamics of US Foreign Policy-Making. An Interview with Under Secretary of State for Political Affairs Th. R. Pickering // US Foreign Policy Agenda. 2000. Vol. 5. № 1.

³⁵¹ См.: Tucker R. Alone or With Others // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 6.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

уровне они не осуществляются самими США. Президент Американской ассоциации политической науки Р. Кохейн так изложил свое видение перспектив применения либеральных принципов и ценностей для регулирования миропорядка и создания глобальных демократических институтов в докладе, подготовленном в 2000 г. в качестве ежегодного обращения к ассоциации: «При оценке институтов, я обращаю внимание на их влияние, функции и методы действия (*procedures*). Было бы донкихотством (*quixotic*) предполагать, что по всем этим трем измерениям глобальное регулирование достигнет стандартов современных демократий или полиархий... Но мы должны стремиться к более свободно связанной системе на глобальном уровне, которая достигла бы тех основных целей, для которых либеральная демократия приспособлена на национальном уровне»³⁵².

В первые месяцы деятельности администрации Дж. Буша-младшего тематика идеологических дискуссий, которую научно-политическое сообщество США вело на страницах ведущих аналитических и установочных изданий, практически не отличалась от той, что преобладала в последние годы правления У. Клинтона. Только теперь речь шла о том, чем новый президент должен руководствоваться во внешней политике: ценностно-центричным подходом «новых вильсонянцев», в состав которых вошли либерал-интернационалисты и неоконсерваторы-унилатералисты, или прагматическим рецептам неореалистов³⁵³; использовать положение американской гегемонии для одностороннего мирорегулирования или расширять применение демократии к сфере международных отношений и развивать глобальные институты³⁵⁴. Эту идейную инерционность не столько прервали, сколько продолжили события 11 сентября 2001 года, ставшие исходной точкой развертывания новых американских военно-силовых подходов к строительству миропорядка и управлению им. Они не только заострили ценностно-идеологические противоречия, проявившиеся в предшествующий период, в том числе и традиционные для американской внешней политики, но и породили новые еще более масштабные.

³⁵² См.: *Keohane R.O. Governance in a Partially Globalized World, American Political Science Association Presidential Address // American Political Science Review. 2001. March.*

³⁵³ См., например: *Pfaff W. The Question of Hegemony // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. № 1.*

³⁵⁴ См., например: *Ikenberry J. Getting Hegemony Right (Analysis of the United States as a «Hyperpower» Nation) // The National Interest. 2001. Spring.*

Часть III. Имперский миропорядок

7.3. Империя ради демократии или демократия для империи?

Начавшаяся война против международного терроризма и тех стран, которые его поддерживают или потенциально могут поддержать, интерпретировалась многими консервативными, и некоторыми либеральными представителями американского научно-политического, сообщества не столько в категориях национальной безопасности, сколько в двух взаимосвязанных идеологических направлениях. Во-первых, многие авторы увидели в ней осуществление пророчеств С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций»³⁵⁵, понимавшегося, в первую очередь как конфликт религиозно-культурных ценностных систем – иудейско-христианской, с которой они отождествляли США и Запад, и мусульманской, с радикальной частью которой они ассоциировали международный терроризм³⁵⁶. Во-вторых, многими американскими экспертами и идеологами новая война с международным терроризмом воспринималась как своего рода возрождение борьбы двух различных систем политических ценностей и принципов – американской либеральной демократии и авторитаризма, рожденного на этот раз радикальным исламом и поддерживающего международный терроризм³⁵⁷. Хотя подобное видение глобальной демократической миссии США раньше было более характерно для либералов-глобалистов, связанных с демократической партией, теперь оно получило поддержку и со стороны многих экспертов, одобряющих внешнюю политику республиканской администрации. И если от концепции «столкновения цивилизаций» идеологи администрации Буша стремились отмежеваться (хотя бы на официальном уровне)³⁵⁸, то представления о действиях в отношении Афганистана и внешней политики США в целом как о всемирной борьбе с недемократическими режимами были ими полностью приняты³⁵⁹.

³⁵⁵ На следующий день после атаки на Всемирный торговый центр, выпущенная еще в 1993 г. статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», оказалась заглавной на сайтах вполне умеренного и уважаемого Совета по международным отношениям США и издаваемого им журнала «Foreign Affairs».

³⁵⁶ См.: Fuller G.E. The Future of Political Islam // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 2; Philpott D. The Challenge of September 11 to Secularism in International Relations // World Politics. 2002. Vol. 55. № 1.

³⁵⁷ См.: Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 5.

³⁵⁸ См.: Stein K. The Bush Doctrine: Selective Engagement in the Middle East // Middle East Review of International Affairs. 2002. Vol. 6. № 2.

³⁵⁹ См.: Haas R.N. Defining US Foreign Policy in a Post-Post-Cold-War World. The Arthur Ross Lecture. Foreign Policy Association. New York. 2002, April 22. См.: <http://www.fpa.org>.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

На основе этих идей значительная часть американского научно-политического сообщества вслед за официальной пропагандой рассматривала действия США и их союзников в Афганистане как борьбу с авторитаризмом за демократизацию, то есть внедрение новых ценностей и типа организации государственной власти. Однако уже скоро со стороны ряда экспертов началась критика подобного идеологического обоснования американской внешней политики. Причем ее вели не только критически настроенные неореалисты, выступающие против преувеличения роли ценностей в международной политике³⁶⁰, но и те, кого скорее можно отнести к умеренно-либеральному крылу.

Активное применение Соединенными Штатами военно-силовых методов организации нового миропорядка, а также подтвердившийся с началом военной операции в Ираке отказ от институционалистских и многосторонних подходов к организации миропорядка стимулировали появление новых дискуссий, посвященных проблеме применения силы в международных отношениях. Уже в начальной фазе операции в Ираке для значительной части представителей политической науки использование военной силы с целью свержения недемократического режима было далеко не само собой разумеющимся. При этом в расширении практики военных действий для утверждения демократических ценностей они видели источник их потенциальной дискредитации. Известный либеральный теоретик международных отношений Дж. Най-младший, провозгласивший в качестве альтернативы военно-силовым методам администрации Дж. Буша-младшего свою концепцию «мягкой силы» (*soft power*), писал: «Если Соединенные Штаты представляют ценности, которым другие хотят следовать, то это дает нам возможность проявлять меньшую инициативу в руководстве. Мягкая сила – это не просто влияние... и нечто большее, чем убеждение или способность направлять людей аргументами. Это способность соблазнять и привлекать... Мягкая сила образуется в значительной степени из наших ценностей»³⁶¹.

В ходе развертывания боевых действий в Ираке во многих выступлениях американских экспертов наметилась логика противопоставления целей распространения Соединенными Штатами демократических ценностей и тех средств, к которым они для этого прибегают. Эта тенденция продолжилась в связи с созданием ново-

---

³⁶⁰ См.: *Schwartz Th., Skinner K. The Myth of Democratic Peace // Orbis. 2002. Vol. 46. № 1.*

³⁶¹ *Nye J. Jr. Limits of American Power // Political Science Quarterly. 2002/2003. Vol. 117. № 4.*

Часть III. Имперский миропорядок

го иракского режима – процесс, рассматривающийся многими идеологами и теоретиками американской внешней политики в контексте концепции «выстраивания нации-государства» (*nation-building*). В центре внимания оказался вопрос о том, что важнее для установления новой власти – следование демократическим ценностям или соблюдение формальных демократических процедур, а также о том, соответствуют ли вновь устанавливаемые режимы критериям демократичности или же они являются в первую очередь лояльными по отношению к США³⁶².

Кроме того, критики администрации Дж. Буша-младшего из либерально-институционалистского лагеря усмотрели в том, что США и их союзники занимаются строительством новой политической системы Ирака, не прибегая к привлечению ООН и других международных организаций, отход от демократических принципов и ценностей в мирорегулировании, то есть снижение уровня легитимности этих действий³⁶³. Под напором критической кампании, развернувшейся как внутри США, так и во всем мире, даже самые убежденные сторонники военно-силовых методов распространения демократии, вынуждены были признать, что США и Великобритания имеют отличное от своих наиболее мощных европейских партнеров видение приложения демократических ценностей к сфере мировой политики и выдвигают иные критерии определения легитимности выстраиваемого Соединенными Штатами миропорядка³⁶⁴. Внешнеполитическому истеблишменту «старых» европейских держав применение демократических ценностей в сфере международных отношений представляется в первую очередь как соблюдение коллективных принципов и справедливости в принятии решений глобального характера. Американскому руководству оно видится в преимущественно как преобразование всех недемократических государств в соответствии с усредненными либерально-демократическими стандартами.

Военная операция в Ираке и последующая американская активность по созданию временного иракского правительства, армии, полиции, по проведению выборов стимулировали дискуссии

³⁶² См.: *Brumberg D., Carothers T., Chow E.C., Kagan R., Ottaway M.S., Percovich G.*, etc. From victory to success: afterwar policy in Iraq (Carnegie Endowment for International Peace Discussion) // Foreign Policy. 2003. July/August; *Diamond L.* A Universal Democracy? // Policy Review. 2003. № 119.

³⁶³ См.: *Jentleson B.* Tough Love Multilateralism // Washington Quarterly. 2003-2004. Vol. 27. № 1.

³⁶⁴ См.: *Kagan R.* America's Crisis of Legitimacy // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. № 2; *Calleo D.* The Broken West // Survival. 2004. Vol. 46. № 4.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

последних лет о том, являются ли современные Соединенные Штаты империей, гегемонией или чем-то иным? Что их роднит, а что разделяет с империями прошлого?³⁶⁵ В рамках этого грандиозного спора, охватившего научно-аналитические круги и всю американскую политическую элиту, проявилась глубокая идеологическая коллизия, связанная с наметившимся кризисом самоидентификации США. В его основе лежит объективно назревшая необходимость дать новые ответы на ряд фундаментальных для американской внешней политики вопросов. В первую очередь о том, чем являются США сегодня, каковы их цели в мире, что определяет интересы и направляет их действия. Главным в этих дебатах стал вопрос не об организационных формах США как самого мощного в мировой истории субъекта глобальной политики, а об идеологических основах определения ими своих интересов.

Стремление США не только предложить другим государствам, но и навязать свои политические принципы внутреннего устройства, систему ценностей, этику, как единственно правильные и рациональные, проявилось в американской внешней политике еще в XIX веке. К началу XXI века, соединившись с глобальными возможностями единственной сверхдержавы, оно стало осуществляться в мировых масштабах с помощью военных средств (как в Афганистане и Ираке) и революционных технологий (как в Грузии, на Украине или в Кыргызстане). Но эта политика искоренения «неправильного поведения» во всем мире, опирающаяся на американскую военную мощь и политико-экономическое влияние, стала вызывать нарекания в самих США у той части экспертов и политиков, которая считала, что главной задачей американской внешней политики должно быть создание безопасных условий для сохранения демократических достижений в самих США. В 2003 – в начале 2005 г. ряд экспертов, в том числе из тех, которые в начале поддерживали внешнюю политику Дж. Буша-младшего, стали предъявлять его администрации претензии, аналогичные тем, что несколько лет тому назад выставлялись Клинтону. Они стали упрекать и эту администрацию в том, что, превра-

---

³⁶⁵ См.: *Bellah R.M.* The New American Empire: the Likely Consequences of the “Bush Doctrine” // *Commonweal*. 2002. October 25; *Jervis R.* The compulsive empire (U.S. hegemony) // *Foreign Policy*. 2003. July/August; *Ferguson M.* Hegemony or Empire? // *Foreign Affairs*. 2003. Vol. 82. № 4; *Hegemony and the Decline of Empires: Is History Repeating Itself?* CFR Discussion. New York. 2003. April 28 (<http://www.cfr.org/pub5940>); *Ikenberry J.G.* Illusions of Empire // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. № 2; *Cohen E.A.* History and the Hyperpower // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. № 4; etc.

Часть III. Имперский миропорядок

щая США в глобального распространителя демократических ценностей, она приносит в жертву этой мессианской деятельности американские национальные интересы³⁶⁶.

Некоторые эксперты пошли в своей критике еще дальше. Они поставили под сомнение адекватность ценностных основ имперского либерального универсализма традиционным демократическим политическим ценностям, которым США – как государство – следовали на протяжении практически всей своей истории. Причем в этой критике объединились разные идеологические группы научно-политического сообщества. Сторонник умеренного прагматизма Д. Саймс писал: «...Родилось новое утопическое видение, представление о том, что Соединенные Штаты одновременно призваны и обязаны распространять демократию везде, где только можно и с помощью силы, если это необходимо. Эта идея, с энтузиазмом поддерживаемая в Вашингтоне альянсом агрессивных вильсонянцев и неоконсерваторов, выраженная вера которых в то, что США не могут стать основанием для чего-то меньшего, чем перманентная всемирная революция, имеет больше общего с троцкизмом, чем с наследием отцов-основателей Америки или даже с силовым, но прагматичным идеализмом Т. Рузвельта»³⁶⁷. Очень близкие мысли высказывают и более консервативные авторы. Так, например, Ч. Краутхаммер противопоставил идеологии той части неоконсерваторов, которая, будучи связана с курсом администрации Дж. Буша-младшего, встала на позиции «демократического глобализма», свою концепцию «демократического реализма». В соответствии с ней поддержка демократии и применение силы необходимы только в тех случаях, когда они вызваны «стратегической необходимостью» и отвечают «задачам борьбы с врагом»³⁶⁸.

Даже самый поверхностный анализ американских политико-теоретических дискуссий последних лет позволяет сделать вывод о том, что в экспертно-аналитическом сообществе и во всей политической элите США не просто отсутствует единство взглядов по поводу ценностно-идеологических основ развития внешней политики США и формирующегося с ее помощью миропорядка, а уже наблюдаются серьезные идеологические столкновения по этому поводу. Весьма сомнительно, что это лишь временные идейно-политические проблемы, которые будут вскоре преодолены.

³⁶⁶ Ryn C.G. The Ideology of American Empire // Orbis. 2003. Vol. 47. № 3.

³⁶⁷ Simes D.K. America's Imperial Dilemma // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82. № 6.

³⁶⁸ Krauthammer Ch. In Defense of Democratic Realism // The National Interest. 2004. № 77.

Глава 7. Американская внешнеполитическая идеология...

Администрация Дж. Буша-младшего, уже начинает превышать кредит легитимности любых американских действий, который она получила 11 сентября 2001 года. Ее действия вызывают все больше раздражения не только в мире, но и в самих Соединенных Штатах. Критики справа возмущаются тем, что Белый дом следует идеологической линии глобальной «борьбы за свободу» на деньги американских налогоплательщиков. Критики слева упрекают команду президента США в том, что вместо уничтожения террористических сетей, она, прикрываясь неовильсонизансой риторикой, потворствует растущим аппетитам Пентагона и ТНК, работающих по государственному военному заказам.

Придерживаясь принятых на вооружение с окончанием «холодной войны» представлений о ценностных основаниях американской внешней политики, идеологи современной внешнеполитической линии продолжают заводить США в догматический тупик. Это может обернуться для Соединенных Штатов серьезным политическим кризисом, чреватым негативными последствиями не только для американской политической системы и для международно-политической деятельности США, но и для миропорядка в целом. Вероятность того, что команда Дж. Буша-младшего сможет предотвратить подобный кризис, перейдя к новым внешнеполитическим подходам и концепциям, представляется крайне низкой. Эта администрация уже слишком далеко зашла на идеологическом пути либерально-имперского глобализма. Теперь в ее силах лишь небольшой откат в сторону принципов многосторонности и институционализма, связанный с планами по реформированию ООН. Еще меньше вероятность того, что идейные вдохновители современной американской внешней политики переосмыслят ее ценностно-идеологические основы. Для этого им нужно было бы отказаться не только от своей предшествующей работы, но и от всей логики развития американской внешнеполитической идеологии и практики как минимум последних полутора десятилетий.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

Внешняя политика Америки в годы президентства Дж. Буша-младшего и в особенности после событий 11 сентября 2001 г. по-новому позиционирует США в современном мире. С этим согласны и сторонники, и противники нынешнего хозяина Белого дома. Некоторые исследователи даже называют дипломатические принципы, получившие распространение в период президентства Джорджа Буша-младшего, «революционными». По поводу принципиальной новизны или, напротив, преемственности политики последней американской администрации ведутся горячие дебаты на страницах специализированных изданий, в прессе, на телевидении.

Точку зрения противников политического курса Дж. Буша-младшего резюмировала на страницах журнала «*Foreign Affairs*» М. Олбрайт. Она по сути прямо обвинила последнего американского президента в отходе от «традиционной» внешнеполитической линии. «Для президента Буша события 11 сентября стали откровением. Он с изумлением сделал для себя вывод: мир изменился настолько, что серьезной угрозе отныне подвергается не только безопасность, но и само существование Соединенных Штатов. Следствием этого вскоре стало принятие рокового решения о *принципиальном отходе* (курсив наш. – Э.С.) от внешнеполитической линии, которой Вашингтон придерживался более полувека. На смену девизу “Доверимся альянсу” пришел другой – “Спасемся упреждением”. Значение силового удара перевесило важность непростых дипломатических усилий, а давно сложившиеся отношения подверглись пересмотру»³⁶⁹.

Иную точку зрения четко артикулировал на страницах другого влиятельного издания – «*National Interest*» – политолог С. Сестанович. По его мнению, действия нынешнего правительства прекрасно вписываются в политическую реальность по меньшей мере последних двадцати пяти лет. На самом деле «слухи о том, что внешняя политика при Буше совершила такой уж серьезный переход от внешней политики его предшественников, оказались сильно преувеличенными. Рональд Рейган, Джордж Буш-отец и Билл Клинтон сами неоднократно игнорировали инакомыслие, проявляемое их собственными союзниками (равно как и политические проблемы внутри страны), отказывались идти на компромиссы с про-

³⁶⁹ Цит. по: Олбрайт М. Сотрудничать, бомбить или угрожать? // Россия в глобальной политике. 2003. Т.1. № 4. Октябрь-декабрь. С. 33. Первая публикация: Foreign Affairs. 2003. № 5.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

тивниками, нечестно вели себя на переговорах, на ходу меняли правила, собственные цели и задачи, «раскачивали лодку» и даже допускали ошибки в планировании, за которые потом нередко приходилось расплачиваться, если что-нибудь шло не так. Вся эта троица действовала именно так по одним и тем же причинам: они ставили перед собой более радикальные задачи с большим дестабилизирующим эффектом, чем те, которые удовлетворяли бы их союзников и те, к которым было бы готово большинство их противников. Кроме того, все они искренне верили, что самый лучший способ достичь своих целей и выполнить свои задачи – держаться подальше от всех остальных, чтобы те не могли слишком сильно влиять на проводимую Америкой политику. Если внимательно посмотреть на то, как непосредственные предшественники нынешнего правительства Буша решали важнейшие внешнеполитические задачи своего времени, то становится видна общая максималистская традиция нашей дипломатии»³⁷⁰.

Попробуем разобраться, в чем именно состояла и состоит эта «максималистская традиция» и представляет ли она отход от генеральной линии американской политики 90-х годов прошлого столетия, а также в том, какие именно качества внешней политики администрации Дж. Буша-младшего дали толчок новой волне дебатов об имперском настоящем и будущем США. Одним словом, речь пойдет об особенностях американского лидерства на рубеже веков и о том, как это лидерство постепенно стало приобретать новое качество.

8.1. США: глобальное лидерство в новых условиях

В последнее десятилетие ушедшего века в структуре международных отношений произошли по-настоящему тектонические изменения. Не только утратил прежнюю роль, но и исчез с карты мира СССР, выступавший на протяжении предшествовавших 40 лет одним из полюсов в рамках существовавшего биполярного миропорядка. Помимо распада СССР, обусловившего наиболее драматичные изменения в системе международных отношений, 90-е годы принесли весьма серьезные трансформации баланса сил в рамках «большой тройки» западного мира – США, ЕС, Японии. Если в 70-х – начале 80-х годов общераспространенным стало представление об ослаблении позиций США и относительном усилении роли двух других центров силы западного мира, то минувшее десятилетие опрокинуло все расчеты подобного рода. Предполагалось, что Япония

³⁷⁰ Sestanovich S. American Maximalism // The National Interest. 2005. Spring.

Часть III. Имперский миропорядок

и далее сможет обеспечить устойчивый социально-экономический рост опережающими по отношению к США темпами, а Европа едва ли сумеет преодолеть трудности, связанные с проблемами углубления интеграции. Также широко распространилась точка зрения, согласно которой темпы роста в Соединенных Штатах будут продолжать замедляться. Между тем в 90-е годы стало очевидно, что этим прогнозам не суждено сбыться. Япония оказалась неспособной превратиться в локомотив развития стран Азии, что наглядно было продемонстрировано в ходе азиатского финансового кризиса 1998 года. Кроме того, никак не прогнозировалась заранее глубокая рецессия, поразившая экономику этой страны. Европа довольно быстро и решительно пошла по пути не только создания единой экономики, но и институционализации единой политической системы. Что же касается США, то они довольно неожиданно для многих наблюдателей совершили настоящий рывок в экономическом развитии и прорыв в технологической области, что позволило им вновь «уйти в отрыв» от своих основных конкурентов и существенно увеличить свой и без того огромный вес и значение в мировой экономике и политике. Достаточно сказать, что доля США в ВВП развитых стран с 1990 по 1999 г. возросла с 37,5% до 39,3%, в то время как Японии и стран Западной Европы снизилась соответственно с 15,5% до 14,8% и с 40,6% до 39,5%³⁷¹. В условиях распада биполярного мирового порядка и коллапса Советского Союза, единственной сопоставимой с США по параметрам военной мощи державы, пропорционально экономическим успехам увеличилась и лидирующая роль Соединенных Штатов в западном мире.

Крушение СССР, волна глобализации, технологические прорывы в области информатики и телекоммуникаций революционизировали систему международных отношений. США при этом получили основные дивиденды от развернувшихся в последнее десятилетие XX века драматических перемен на международной арене. Главной задачей Соединенных Штатов стало закрепление собственного доминирующего положения за счет усиления позиций в технологическом и экономическом состязании ведущих центров силы при сохранении подавляющего военного превосходства над любым из возможных противников и даже их коалицией.

Начало 90-х годов поставило политическое руководство США перед целым рядом новых вызовов, требовавших достаточно быстрых и продуманных действий страны на международной арене. Одной из основных проблем для Соединенных Штатов в тот период выступила необходимость использовать момент политического до-

³⁷¹ Европейский союз на пороге XXI века. Выбор стратегии развития. М., 2001. С. 273.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

минирования в мире для того, чтобы заставить прочих участников международных отношений играть по приемлемым для Вашингтона и разработанным им правилам. В качестве сверхзадачи после распада СССР выступало создание более однородного, относительно управляемого и в целом безопасного для США мира. Предложенный вариант решения этой задачи получил наименование концепции «нового мирового порядка», разработанной в недрах администрации Дж. Буша-старшего. В 1991-1992 годах, на волне эйфории от успеха в создании широкой международной коалиции и разгрома Ирака как государства-агрессора в ходе операции «Буря в пустыне», американская администрация исходила из функциональности, моральной и политической приемлемости ООН и других международных организаций и институтов для борьбы с традиционными угрозами безопасности на основе международного права, для обеспечения неприменения силы и территориальной целостности государств мира.

Однако в реальности ситуация складывалась гораздо менее однозначно, чем это прогнозировалось. На смену традиционным пришли новые угрозы безопасности. Дезинтеграция на Востоке и фрагментация на Юге (Сомали, Афганистан и ряд др. государств Африки и Азии), феномены «неудавшихся» и «несостоявшихся» государств, политическая и социально-экономическая дестабилизация в отдельных регионах мира поставили в повестку дня вопрос о «хаотизации» международных отношений. В результате дискуссии вокруг понятия «новый мировой порядок» сместились в плоскость поисков политических и процедурных решений, обеспечивающих и закрепляющих доминирующую роль США как гаранта порядка и своего рода мотора «динамической стабильности» в системе международных отношений.

Поскольку к началу 90-х годов было не вполне ясно, какие собственно вызовы (прежде всего в сфере безопасности) будут объективно стоять в повестке дня постбиполярного мира, то не было и ответа на вопрос, как реагировать на угрозы и как вести себя в меняющейся обстановке. В результате политика США, по выражению Г. Киссинджера, носила в этот период в основном тактический и инерционный характер³⁷². Прагматичные американцы не спешили делать выбор между кооперационной стратегией и односторонней национальной политикой в области безопасности. В силу того, что самостоятельные действия представлялись им в подобных обстоятельствах слишком рискованными и затратными, стремление опереться на существующие международные организации и институ-

---

³⁷² См. об этом: *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?* М., 2002.

Часть III. Имперский миропорядок

ты, активное участие в работе и операциях ООН и т.д. казались вполне оправданными и соответствовали наиболее рациональной линии поведения. В конце концов, ООН придавала действиям США весомую морально-политическую легитимацию, была способна обеспечить создание широкой коалиции, реально готовой взять на себя (как во время операции «Буря в пустыне») часть бремени военных рисков и военных расходов.

Во внешнем мире подобная тактика воспринималась как проявление «большой стратегии» преобладающей мировой державы, как поведение, свойственное «консервативному» (*satisfied*) гегемону, удовлетворенному результатами «холодной войны» и не склонному к существенной «перестановке мебели» после ее окончания. Поведение США интерпретировалось союзниками в духе «благожелательного гегемонизма» и «плюралистической однополярности». Как казалось, Соединенные Штаты наилучшим образом подходят для роли гегемона современного мира. Они были страной с устойчивыми демократическими традициями, обладали способностью к диалогу с союзниками, в случае обострения ситуации могли проявить твердость (как в годы «холодной войны») и готовность применить силу, но при этом не являлись военизированной империей с соответствующими военными традициями и милитаристским духом. Значимая милитаристская составляющая, которую глупо было бы отрицать во внешнеполитическом поведении США, находила объяснение в необходимости самообороны от старых и новых угроз безопасности.

Европейские страны, Японию и других традиционных союзников США подобное положение вещей вполне устраивало в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, они по-прежнему нуждались в американских гарантиях безопасности. При этом сложившаяся система разделения ответственности позволяла минимизировать собственные финансовые издержки на необходимую оборону. Во-вторых, сохранение особых отношений с США в политической сфере и в области обороны и безопасности позволяло легче находить оптимальные развязки серьезных проблем в экономических взаимоотношениях сторон. В-третьих, страны Европы и Япония занимали центральное место в региональной политике США (в больших Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском пространствах), их роль и значение в этой связи в структуре американских приоритетов оставались весьма высокими. Что же касается Европы, то переплетение вокруг этого континента проблем мировой безопасности делало его значение непропорционально большим как раз в тот период, когда исследователи заговорили о конце евроцентристского мира. Кроме того, многие европейцы полагали, что им удастся в рамках общепринятых международных режимов и организаций «укротить» и даже

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

«обуздать» в случае необходимости слишком сильного во всех отношениях мирового гегемона, опутав его сетью взаимных обязательств и связав его определенными правилами игры примерно в той манере, в какой ранее это произошло с Германией.

Американская большая стратегия была нацелена на максимизацию влияния США в системе международных отношений и закрепление за Вашингтоном преобладания в мировой политике. При этом вполне рациональной для США в борьбе за власть и влияние (не говоря уже о гегемонии) была линия поведения, нацеленная на то, чтобы превратиться в своего рода независимую переменную для прочих участников международных отношений. Иными словами, доминирование в рамках подобной стратегии достигалось за счет устранения правил, ограничивающих собственную свободу выбора и свободу маневра, одновременно с установлением максимального количества правил и ограничений, жестко предписывающих нормы поведения всем другим участникам системы международных отношений. В этом смысле действия США, тактика «программирующего лидерства»³⁷³ были вполне последовательны и предсказуемы (причем, несмотря на проникнутую флюидами незамутненного идеализма риторику, объяснимы скорее в рамках неореалистской парадигмы).

Администрация У. Клинтона уже с первых шагов на международной арене заявила о своей готовности пойти значительно дальше в обеспечении как раз элемента «новизны» конструируемого мирового порядка, нежели ее предшественники. Поскольку связь национальных интересов США с состоянием демократии в мире становилась все более очевидной в условиях растущей взаимозависимости и глобализации мировых процессов, постоянно росла и заинтересованность Вашингтона в поддержке тенденций к демократизации по всему миру. Как это формулировалось в «Стратегии национальной безопасности в новом столетии» – демократические режимы более склонны сотрудничать друг с другом, реже развязывают войны и нарушают права своих граждан. Следовательно, всемирная тенденция продвижения к рынку и демократии «продвигает и американские интересы». Основными установками внешнеполитической стратегии США являлись таким образом: обеспечение безопасности и процветания собственной страны, а также продвижение демократии и рыночных отношений во всем мире, что неизбежно делало окружающий мир более однородным в политическом отношении и в целом более управляемым. Причем

³⁷³ См. об этом: *Троицкий М.* Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // *Pro et Contra*. 2002. Осень. Том 7. № 4.

Часть III. Имперский миропорядок

впервые официально «стратегия расширения свободного сообщества рыночных демократий» была выдвинута администрацией Клинтона в 1993 году.

Контуры глобальной стратегии Белого дома на протяжении 8 лет президентства У. Клинтона в целом оставались достаточно стабильными. Исходя из концептуализации США как «единственной сверхдержавы», американская администрация на протяжении 90-х годов довольно последовательно проводила линию на обеспечение собственных «глобальных интересов» по всему миру. Соединенные Штаты возложили на себя ответственность за поддержание международной стабильности. При этом сами они никогда не чурались резкого изменения ситуации в том или ином регионе мира даже вопреки мнению собственных ближайших союзников, как это происходило, например, на Балканах³⁷⁴.

Отсутствие прямой военной угрозы рассматривалось Пентагоном как явление временное. Между тем набор потенциальных противников был невелик. На роль серьезного конкурента в глобальном плане в 90-х годах и ближайшем будущем могли претендовать только КНР и Россия – в случае провала реформ и дестабилизации обстановки или смены режимов в этих странах. Для того чтобы парировать эти потенциальные угрозы, США должны были обладать в соответствующих регионах достаточными силами и средствами для оказания в случае необходимости противодействия потенциально опасным формам поведения этих государств. Вместе с тем Белый дом уделял все большее внимание политическим средствам обеспечения собственного доминирования в мире. Для обеспечения собственных национальных интересов в Вашингтоне была разработана, например, так называемая концепция «Превентивной обороны». Она подразумевала способность США путем расширения взаимодействия по линии международных организаций, в ходе осуществления специальных программ трансформировать в нужном для них направлении характер военных доктрин, направленность военного строительства в других странах и т.д.

Вашингтон в полной мере сохранил глобальную систему военно-политических союзов и обязательств, созданную в годы «холодной войны» и позволяющую проецировать влияние США в самых разных регионах мира. Важнейший из этих союзов – НАТО – был расширен за счет приема новых государств-членов (формальное решение о расширении принято в ноябре 1996 г.). Больше того, Соединенные Штаты получили возможность контролировать военно-политическую ситуацию в странах Центральной и Восточной Евро-

³⁷⁴ См. об этом: *Sestanovich S. Op. cit.*

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

пы, не входивших в состав блока НАТО, за счет принятой на Брюссельской 1994 г. сессии альянса программы «Партнерство во имя мира». Помимо чисто географического расширения и увеличения членов союза (до 19), имело место расширение функций альянса – с «защиты территории» входящих в союз государств до обеспечения стабильности всего евроатлантического региона, в том числе и за счет действий вне пределов Европы. Данное положение было закреплено в новой стратегической концепции НАТО, принятой на юбилейной Вашингтонской сессии в апреле 1999 года.

В представлениях американской политической элиты НАТО вполне справедливо продолжает считаться главным организационным связующим звеном между США и Европой и инструментом обеспечения американского доминирования. На протяжении всей «холодной войны» безопасность европейских стран зависела от Соединенных Штатов. Надо отметить, что и после ее окончания институты НАТО четко фиксировали преобладающее положение США. Задачей официального Вашингтона стало сохранение лидирующих позиций в рамках альянса и одновременно закрепление доминирования НАТО в вопросах обороны и безопасности по отношению ко всем прочим организациям и союзам в рамках сообщества западных государств. В этом плане администрация У. Клинтона достаточно гибко подходила к вопросу о признании «европейской идентичности» и значимости европейской составляющей в НАТО, места Западноевропейского союза (ЗЕС) в обеспечении обороны и безопасности и т.д. США на протяжении 90-х годов полуофициально противились «распылению» ресурсов Европы на создание структур и боевых подразделений в рамках ЗЕС и под эгидой ЕС, равно как увеличению веса европейцев в командных структурах Североатлантического альянса. Однако, имея опыт постепенного смягчения «сепаратистской» позиции европейцев, США предпочли не препятствовать тенденции, а дожидаться когда она сама собой сойдет на нет в связи с проблемами строительства «второй опоры» ЕС. Помимо чисто политических, американская администрация руководствовалась и иными прагматическими мотивами. США не хотели подавлять европейскую военно-политическую активность безоговорочно, дабы не возрождать у европейцев чувства бессилия и зависимости. Вместе с тем американский контроль и неформальное лидерство никогда не ставились под сомнение. Проведенные в 90-х годах реформы в области военного планирования и управления Североатлантическим союзом в полной мере сохранили руководящую роль Соединенных Штатов в его структурах и закрепили доминирующее положение НАТО в вопросах обеспечения совместной обороны. Бо-

Часть III. Имперский миропорядок

лее того, в последнее десятилетие XX века наметилась тенденция к замещению НАТО ряда функций таких общепризнанных международных организаций как ООН.

Надо сказать, что со вступлением в должность президента У. Клинтона США выдвинули концепцию «многосторонней дипломатии» в урегулировании конфликтов, призванную обеспечить коллективные усилия стран мира под эгидой ООН для разрешения самых сложных конфликтных ситуаций современного мира. В мае 1993 г. Клинтон подписал даже свою знаменитую «директиву № 13», согласно которой США заявили о готовности предоставлять свои войска в распоряжение и под командование ООН для участия в миротворческих операциях. Соединенные Штаты приняли участие в операциях в Боснии, Сомали и на Гаити. Однако провал операции в Сомали и неэффективность «голубых касок» в Боснии позволили им выступить с официальными заявлениями о неэффективности военных структур ООН и о необходимости обеспечения компетентного – американского или натовского – руководства миротворческими операциями.

Дрейф Вашингтона в сторону действий в рамках НАТО или даже односторонних операций вне контроля ООН был обусловлен еще и нежеланием ставить внешнеполитические цели и приоритеты самих Соединенных Штатов в зависимость от решений, принимаемых Советом Безопасности ООН, где правом «вето» обладали такие страны, как Китай и Россия, а также традиционно строптивый союзник – Франция. Поскольку американская администрация стала рассматривать к середине 90-х годов США как «единственную сверхдержаву» современного мира, необходимость в использовании ООН как механизма согласования интересов ведущих мировых держав (пяти сразу после окончания Второй мировой войны или двух в эпоху биполярного мира) окончательно отпала. У президента Клинтона и его ближайшего окружения именно к середине 90-х годов сформировалось устойчивое представление о том, что ответственность за поддержание международной стабильности ложится непосредственно на Вашингтон. США явно утратили интерес к согласованию с кем-либо собственных интересов и действий. В этом была своя логика – поскольку подобные интересы автоматически являлись интересами всего так называемого «свободного мира». В этом смысле политическая линия администрации Клинтона в отношении все большего игнорирования роли и места ООН и других международных организаций была воспринята и администрацией Дж. Буша-младшего. Во всяком случае, сторонним наблюдателем улавливается гораздо больше черт преемственности, нежели отмечаемых многими американскими аналитиками принципиальных

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

различий в этой сфере (в том числе и по проблемам «коалиционно-сти» действий на международной арене и т.д.). Принципиальное отличие состояло лишь в обстоятельствах места и времени. После 11 сентября 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего превратила проблематику войны с терроризмом в своеобразный референдум относительно американского глобального лидерства. Все прочие страны должны были либо безоговорочно признать американское первенство в новой глобальной политической коалиции, либо превратиться в изгоев.

В последнее время довольно широко распространилась точка зрения, согласно которой резкое изменение приоритетов в политике США обусловлено исключительно приходом к власти администрации Дж. Буша-младшего и его «ковбойским» стилем ведения внешней политики. Представляется, что произошедшие изменения носят гораздо менее ситуативный характер и связаны как с происходящими на международной арене трансформациями, крушением биполярного и становлением нового мирового порядка, так и с изменением интеллектуального климата внутри самих США.

8.2. «Вооруженный идеализм»

Развитие международной ситуации и изменение соотношения основных центров силы на мировой арене в 90-х годах прошлого века внесло существенные коррективы в ход дискуссии о перспективах и путях обеспечения доминирования США в рамках американского политического класса и внутри академического сообщества. Этому способствовал прежде всего фактор силы, или «силовой разрыв» – рост совокупной мощи США и укрепление позиций Вашингтона на международной арене. Если в 70-х годах обозреватели вели речь об «упадке» Америки, а в 80-х предсказывали относительно более высокие темпы роста экономики ее основных конкурентов (они же союзники) на мировой арене – Японии и ЕС, то в 90-х годах оказалось, что США смогли в полной мере воспользоваться «плодами победы» в «холодной войне», существенно упрочили свои экономические позиции и увеличили технологический отрыв от потенциальных преследователей. Военно-техническое преимущество над собственными союзниками вообще стало настолько подавляющим, что возникли сомнения в способности последних действовать сообща с Соединенными Штатами на задаваемом последними техническом уровне даже в ограниченных по целям военных операциях, не говоря уже о возможностях совместной проекции силы в различных удаленных регионах мира. Поэтому в американ-

Часть III. Имперский миропорядок

ском политическом истеблишменте и у рядовых граждан США возникал закономерный вопрос, насколько оправданной является стратегия многосторонних действий на международной арене, если основные тяготы военно-политических миссий вне пределов собственно «цивилизованного мира» неизбежно приходится брать на себя Вашингтону. Ему же, в соответствии с широко распространенным в США убеждением³⁷⁵, в основном приходится оплачивать деятельность международных институтов и организаций, поддержание мира и стабильности на всех континентах, этого эквивалента «общественных благ» на мировой арене, а бенефициантами общественных благ и основными пользователями «плодами побед» оказываются не только толпы клиентов, но и довольно сомнительные персонажи типа архаичных «тиранов и диктаторов», то есть репрессивных режимов от Ливии до КНДР.

Результатом столкновения мнений относительно наиболее перспективного курса американской внешней политики стали заочные дебаты относительно желательности и допустимости односторонних действий США на международной арене. Анализируя ход и исход этих дискуссий можно выделять две (как Г. Киссинджер³⁷⁶, привычно разбивший всех участников дискуссии на левых и правых) или большее число преобладающих точек зрения (как это делает, например, М. Калдор, рассматривающая четыре возможных альтернативы по шкалам унилатерализм-мультилатерализм и идеализм-реализм³⁷⁷). Как представляется, при всем многообразии точек зрения доминирующими в идейно-политическом спектре США к концу 90-х годов стали две основных группы, которые условно можно обозначить как либеральных интервенционистов и империалистических унилатералистов. И те, и другие акцентировали внимание на особой роли и ответственности США в мире, но каждый делал это на свой лад.

Либеральные интервенционисты по-своему были (и являются) интернационалистами. Они никогда не чурались многосторонних действий. Однако они исходили и исходят из убеждения, что США представляют собой фантастически успешный пример либерально-демократического общества. И их моральный долг и одновре-

³⁷⁵ См. об этом, например: *Nye J.* The American national interest and global public goods // *International Affairs*. 2002. Vol. 78. 2002. № 2 (особенно — P. 239-240); *Mandelbaum M.* The inadequacy of American power // *Foreign Affairs*. 2001. Vol. 81. № 5. P. 65-68.

³⁷⁶ См. об этом: *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 3-4.

³⁷⁷ См.: *Kaldor M.* American power: from compellence to cosmopolitanism? // *International Affairs*. 2003. Vol. 79. № 1. P. 10-23.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

менно способ решения дилеммы собственной безопасности на все времена – содействие распространению норм демократии по всему миру. Причем не только посредством увещевания и личного примера, но и с помощью мер принуждения, включая так называемые «зрелищные войны» (*spectacle war*)³⁷⁸. Имеется в виду такой тип дистанционной высокотехнологичной войны, которая минимизирует потери сторон военного противостояния, позволяет добиться резкого снижения «сопутствующего ущерба» и дает возможность решать поставленные военно-политические задачи вообще или почти без потерь со стороны «хороших парней», под которыми подразумеваются прежде всего американские военнослужащие и их союзники по священной борьбе за распространение демократических ценностей. Внедрение высокоточного и действующего с больших дистанций вооружения, а также сложных систем управления превратило войну в подобие разновидности виртуальной реальности, где место рукопашных схваток, разрушительных бомбардировок и кровопролитных сражений постепенно начала занимать работа с информацией и обслуживанием разведывательно-ударных комплексов. Активное (в т.ч. военное) вмешательство США в различные региональные и внутренние конфликты выглядит в таких обстоятельствах вполне оправданным с технической, функциональной и моральной точки зрения. С технической точки зрения американские системы вооружений находятся на таком уровне, что столкновение с отсталым в военно-техническом отношении противником превращается в эквивалент какой-нибудь «войны с дикарями». В функциональном плане такое вмешательство оказывается вполне эффективным как с точки зрения минимизации потерь, так и в плане достижения определенных (но не всех потенциальных) военно-политических целей. Ну а что касается морали, то у либеральных интервенционистов всегда наготове доктрина «справедливой войны», перерастающей в их интерпретации чуть ли не в «священную войну» за универсальные ценности и идеалы мира и демократии³⁷⁹.

Таким образом, либеральный интервенционизм формировался как причудливый сплав элементов реализма (с его акцентом на силе и проблемах безопасности – в данном случае безопасности либерально-демократического Севера от brutального и непредсказуемого, варварского Юга) и изрядной доли идеализма (акцент на мораль-

---

³⁷⁸ Термин М. Манна. См. об этом: *Mann M. The roots and contradictions of modern militarism // States, war and capitalism. Oxford, 1988. P.166-187.*

³⁷⁹ См. об этом: *DerDerian J. Virtuous war: mapping the military-industrial-media-entertainment network. Boulder, 2001.*

Часть III. Имперский миропорядок

ных основаниях мировой политики и готовность нести пламя незамутненной веры в демократические идеалы в самые темные углы современного мира), как квинтэссенция морального подхода в политике и одновременно новая ипостась силовых методов решения проблем. Он представляет собой своего рода «вооруженный идеализм». Приверженцы данной точки зрения в принципе готовы действовать настолько решительно, насколько позволяет дальность систем поражения американской армии, и так, будто у Вашингтона непременно имеется в наличии правильное, демократичное и практичное решение любых проблем современной мировой политики.

Парадокс либерального интервенционизма состоит прежде всего в том, что если внутри США политический плюрализм, толерантность в отношении разного рода политических, культурных и социальных девиаций рассматриваются как безусловное благо, то на международной арене политические девиации (от некоего универсального, «общечеловеческого» образца), тоже впрочем исторически и культурно обусловленные, воспринимаются уже как абсолютное зло. Гуманитарное вмешательство становится чем-то вроде продолжения в новых условиях «цивилизаторской миссии», неожиданно предстает некоей превращенной формой «бремени белого человека» в стремительно трансформирующемся и действительно все более *взаимозависимом* мире.

Что касается «унилатералистов», то они исходили из убеждения в том, что сила и национальный интерес, понимаемый в терминах максимизации мощи и власти той или иной страны в системе международных отношений, остаются важнейшими составляющими мировой политики и в новом тысячелетии. Империалистический унилатерализм на уровне идей и основных установок оформился задолго до прихода к власти администрации Дж. Буша-младшего³⁸⁰. По мнению «унилатералистов», Америка в новых условиях должна полагаться не на устаревшие правила, забюрократизированные и безответственные международные организации и некое абстрактное демократическое устройство мирового сообщества, а на собственное превосходство и свою мощь. Как отмечала еще до вступления в должность советника президента К. Райс, Соединенные Штаты играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от международных конвенций и от соглашений, равно как и от обязательств навязываемых извне³⁸¹.

³⁸⁰ См. об этом: *Patrick S. Lead, follow or get out of the way: America's retreat from multilateralism* // *Current History*. 2000. № 12.

³⁸¹ См. об этом: *Rice C. Promoting the national interest* // *Foreign Affairs*. 2000. Vol. 79. № 1. P. 48-50.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

Унилатералисты вообще крайне скептически относились к международным соглашениям, режимам и организациям и к их возможностям по разрешению кризисных ситуаций в современном мире. Выбирая между «бумагой и силой» в качестве гарантов безопасности США, они последовательно акцентировали внимание на силе как единственной реальной гарантии. Скептически относясь к международным нормам и режимам (в т.ч. режимам нераспространения), они неизбежно приходили к выводу о большей эффективности односторонних акций. С их точки зрения (не лишенной определенных оснований), «плохие парни» все равно играют не по правилам, и поэтому нелогично стесняться в выборе средств и момента действия «хороших», то есть самих себя, в ситуациях перманентной неопределенности и растущих рисков глобализирующегося мира. Тем более, что доминирование США в мире неоспоримо, и они (с точки зрения любого американского наблюдателя) несомненно являются более терпимым, гуманным, сдержанным и гораздо менее агрессивным гегемоном, чем кто-либо другой прежде или в будущем.

Унилатералисты отнюдь не отвергали возможности и даже желательности создания коалиций, направленных на решение тех или иных мировых проблем. Однако при этом коалиции понимались все-таки довольно своеобразно, в духе тезиса «присоединяйтесь или уберите с дороги». Весьма образно сформулировал этот диалектический подход Ч. Краутхаммер: «Коалиции не создаются сверхдержавами с протянутой как в поисках подаяния рукой (*by superpowers going begging hat in hand*). Они создаются путем утверждения определенной позиции и обращенного к другим призыва присоединиться. “Прагматичные” реалисты часто не могут понять, что унилатерализм на самом деле представляет собой магистральную дорогу к мультилатерализму»³⁸². «Подлинный» мультилатерализм в подобном истолковании предстает как готовность союзников и партнеров Америки по первому зову собраться в поход или хотя бы поддержать гегемона финансово, морально и политически во время выполнения очередной, им же самим определенной миссии. Европейское неприятие силы в подобных обстоятельствах получало довольно однобокую оценку. В интерпретации Ч. Краутхаммера, Р. Кейгана и их единомышленников пацифистски настроенные европейские политики представляли заигравшимися в песочнице под зонтиком американских гарантий строителями воздушных политических замков. Притом не вполне морально чистоплотных, поскольку когда они сами пребывали в «силе и славе»

³⁸² Krauthammer Ch. The unipolar moment revisited // The National Interest. 2002/2003. № 70. P.17.

Часть III. Имперский миропорядок

(лет сто тому назад), европейцы не проявляли никакого интереса к ограничению роли силы в политике. Зато теперь эти лилипуты всячески пытаются сковать американского Гулливера по рукам и ногам цепями ограничений, соглашений и режимных норм³⁸³.

Унилатерализм во многом питался от корней политического реализма, правда, шел в своих выводах относительно образа действий США на международной арене гораздо дальше. В рамках политической стратегии становления нового мирового порядка сторонники унилатералистских подходов к роли и месту США на мировой арене наглядно продемонстрировали стремление устранить по крайней мере две из трех возможных причин дестабилизации системы международных отношений. Во-первых, до сегодняшнего дня система международных отношений неизменно рассматривалась в качестве «анархичной» системы. Не в том смысле, что в ее рамках господствует полный произвол, а исходя из заявленного еще Т. Гоббсом постулата об отсутствии в ее рамках верховного арбитра, способного принять обязывающее для сторон того или иного конфликта решение и легитимными средствами принудить, если необходимо, к его выполнению. Данная лакуна была заполнена в последнее десятилетие XX века самими Соединенными Штатами. В этом плане весьма кстати пришлось и введенное в научный оборот в начале 90-х выражение «постмеждународные отношения». Если всерьез рассматривать возможность наличия единственного и неоспоримого гегемона в рамках системы международных отношений, выполняющего к тому же функции, изоморфные роли верховного арбитра, международные отношения действительно приобретают некое новое качество.

Следующим вполне логичным шагом становится борьба за «исправление» природы политических режимов, выступающих в качестве возмутителя спокойствия и руководствующихся в своем внешнеполитическом поведении ложными представлениями о «престиже» или детерминируемых неприемлемой с моральной и политической точки зрения идеологией.

Однако неореалисты не вполне разделяют такие максималистские подходы и не устают подчеркивать, что отказ от международного сотрудничества, бравирование американским доминированием (довольно прочно вытеснившим из словаря унилатералистов прежнее лидерство), игнорирование существующих и очевидно полезных для самих США режимов (например, в сфере нераспространения ОМУ или экологической безопасности) явно выходят за рам-

³⁸³ См.: Кейган Р. Сила и слабость // Pro et Contra. 2002. Осень. Том 7. № 4. С. 127-157.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

ки нефальсифицируемого ядра современного неореализма. И если сторонники унилатерализма последовательно напирают на реалистские истоки своих концепций и убеждений, то их противники не устают отмечать, что твердолобость и политическая наивность отнюдь не являются отличительными чертами реализма. Игнорирование последствий глобализации, разрушение с трудом созданной сети международных режимов и организаций, чуть ли не на каждом из которых (от режимов запретов ОМУ и нераспространения до ООН и НАТО) можно ставить клеймо «выдвинуто Соединенными Штатами», демонстрирует лишь неспособность влиятельной части американской элиты перейти к новому «менеджерiallyму» стилю руководства мировыми делами, обнаруживает тягу к тривиальным упрощениям ситуации и к опоре на грубую силу³⁸⁴.

Между тем администрация Дж. Буша-младшего наглядно продемонстрировала, что возможен и третий еще более широкий подход к решению внешнеполитических проблем, интегрирующий, пожалуй, наиболее экстремальные элементы либерального интервенционизма и империалистического унилатерализма. После 11 сентября 2001 г. очевидно наметилась тенденция к специфическому концептуальному синтезу, порождением которой и стала достаточно эклектичная смесь, именуемая рядом аналитиков «доктриной Буша».

От интервенционизма оказались позаимствованы представления об особой миссии Соединенных Штатов в мире и важность осознания собственного морального превосходства, а также (несколько позже) стремление к демократической гомогенизации мирового политического пространства. Видимо не случайно Дж. Буш неоднократно и почти нарочито демонстрировал в последнее время свою убежденность в том, что Соединенные Штаты представляют собой не просто нацию, но общее дело и несут особую миссию обращения всего остального мира в американскую либерально-демократическую веру, а также освобождения этого самого мира от «тиранов и террористов». Борьба (или, точнее, война) с терроризмом репрезентируется в абсолютно манихейском ключе и почти в эсхатологических тонах – как священное мероприятие, как эквивалент борьбы сил добра с силами зла («осью зла», по выражению Дж. Буша, которую при желании можно рассматривать и своеобразным эквивалентом рейгановской «империи зла»).

У империалистического унилатерализма были заимствованы чрезмерный упор на военную мощь (в т.ч. за счет иных параметров мощи – экономической, идеологической, культурной), геополити-

³⁸⁴ См., например: *Schuller F., Grant T. Executive diplomacy: multilateralism, unilateralism and managing American power // International Affairs. 2003. Vol. 79. № 1. P. 37-39.*

Часть III. Имперский миропорядок

ческое видение проблем современного мира (с его навязчивой территориализацией транснациональных по своей сути угроз и попыткой воспользоваться ситуацией для закрепления американского влияния в различных регионах мира) и очевидная склонность к односторонним действиям. Апофеозом односторонности стали при этом выступления самого президента Дж. Буша в духе «кто не с нами, тот против нас», а также министра обороны США Д. Рамсфельда, когда последний озадачил союзников новым афоризмом, тут же поименованным комментаторами «доктриной Рамсфельда» («не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»). Им вторят представители интеллектуальной элиты страны. Чего стоит хотя бы заявление Ч. Краутхаммера о том, что «Америка должна руководствоваться собственными суждениями и оценками как относительно своих интересов, так и касательно глобальных интересов»³⁸⁵.

Как представляется, сегодняшняя склонность Соединенных Штатов к односторонним действиям меньше всего объясняется особенностями склада характера, «ковбойским менталитетом» Дж. Буша и его ближайшего окружения. Всплески односторонности неоднократно случались и ранее, когда США полагали, что при сохранении существующего статус-кво они могут утратить контроль над событиями. Это имело место и во время кризиса вокруг ракет средней дальности в ходе дебатов вокруг так называемого «нулевого варианта» при президенте Р. Рейгане, и при обсуждении проблемы объединения Германии при администрации Дж. Буша-старшего, и на Балканах в бытность в Белом доме У. Клинтона. Однако если Клинтону, например, удавалось уметьными дипломатическими маневрами как-то сглаживать острые углы в отношениях с европейскими союзниками, то Дж. Буш-младший, по-видимому, просто не считал нужным тратить на это время. Любопытно, что даже критики одностороннего курса нынешней администрации охотно прибегают в своей аргументации к метафоре «железного кулака в бархатной перчатке» или знаменитому афоризму Т. Рузвельта: «Говори тихо, но держи за спиной большую дубинку – и тебя всегда услышат». При этом острие критики направлено главным образом не на «железный кулак» или «большую дубинку» (этим отличаются в основном маргиналы из числа свободных интеллектуалов, да кое-кто из отряда феминисток), а на то, что США слишком громко и не всегда по делу выступают и что они недостаточно мягки и восприимчивы к законным интересам и требованиям союзников и друзей³⁸⁶.

³⁸⁵ Krauthammer Ch. Op. cit. P. 16.

³⁸⁶ См.: Nye J. Seven tests. Between concert and unilateralism // The National Interest. 2001/2002. № 66. P. 8-9.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

Глубокая склонность сложившегося еще во времена Р. Рейгана «морального большинства» американской элиты к унилатерализму в первую очередь связана с объективным фактом резкого увеличения сравнительной мощи США в мире и, кроме того, с очевидным преобладанием реалистского по сути стиля мышления в американском политическом истеблишменте. Исходя из традиционных постулатов реализма, Америка действует в одностороннем порядке, поскольку может себе такое позволить – не больше, но и не меньше. Это искушение силой – в особенности с учетом остроты политического момента и кризиса безопасности – США, их политический класс, их правящая элита должны пережить сами и решить для себя, намерены ли они хотя бы иногда «пригибаться, чтобы скрыть разницу в росте» или предпочитают постоянно, по поводу и без него демонстрировать свое превосходство.

Сегодня стороннему наблюдателю не совсем ясно, в чем собственно состоит принципиальная новизна в моральном, да и в политическом плане американской гегемонии по сравнению с типами доминирования предшествовавших исторических эпох. Как пафосно заявил Дж. Буш во время своего выступления в январе 2002 г. в Вест-Поинте: «У США нет империи, которую нужно было бы расширять, нет утопии, которую нужно было бы утверждать»³⁸⁷. Касательно первого можно, конечно, вести речь о том, что Соединенные Штаты в отличие от империй прошлого не стремятся достичь непосредственного территориального расширения. Однако уместно напомнить, что территориально-политическая экспансия и ранее осуществлялись лишь до тех пор, пока издержки, связанные с изменениями в системе международных отношений и осуществлением экспансионистского курса, не превышали предполагаемых выгод от контроля над территорией³⁸⁸. Поскольку ныне существуют другие, гораздо менее затратные формы осуществления контроля над пространством и ресурсами, нежели прямой захват, то следование архаичной модели доминирования было бы в этих условиях попросту нерациональным³⁸⁹. Можно также акцентировать внимание на «доброжелательности» (*benevolent, benign*) нынешнего мирового гегемона. Однако степень гегемонистской благорасположенности во многом определяется покладистостью партнеров и отсутствием других «больших держав» (*major powers*) за игровым столиком. Поскольку, с точки зрения целого ряда амери-

---

³⁸⁷ Цит. по: Foreign Affairs. 2002. Vol. 81. № 5. P. 60.

³⁸⁸ См. об этом: *Gilpin R. War and change in world politics*. Cambridge, 1983. P. 10-11.

³⁸⁹ О более селективных имперских методах контроля см., например: *Bacevich A.J. American Empire*. Cambridge, 2002.

Часть III. Имперский миропорядок

канских авторов, единственной сверхдержаве приходится иметь дело только с второстепенными, миноритарными державами (minor powers), за которыми вообще-то не стоит сопоставимой военной или иной мощи (потенциала) и которые даже в коалиции не могут бросить ей реального вызова, то мировой гегемон вполне может позволить себе толику благодушия.

В результате все более активного использования фактора силы на мировой арене отличия неформальной американской империи от всех прочих стороннему наблюдателю могут казаться все менее очевидными, а исторические аналогии, напротив, все более заслуживающими внимания. Вопрос состоит только в том, насколько уместно использование рискованных аналогий и вносит ли активное применение термина «империя» дополнительную ясность в описание особенностей современной мировой политики или же придает ему еще меньшую определенность.

8.3. Imperium Mundi?

До последнего времени проблематику империй и Соединенных Штатов как инварианта имперскости в современном мире просто невозможно было нормально обсуждать. С этой темой были связаны совершенно определенные моральные коннотации и неуместный моральный пафос. Империя, в том числе в западной, и в первую очередь американской, литературе всегда интерпретировалась и воспринималась как нечто отрицательное, связанное с подавлением свободы, применением грубой силы и т.д. Ныне ситуация постепенно меняется, но зачастую происходит просто смена полярности. Минусы меняются местами с плюсами. На смену огульной критике приходит неумеренная апологетика. Книжки с названиями, содержащими упоминание «американской империи», с завидным постоянством украшают прилавки книжных магазинов. Однако, в конечном счете, это не прибавляет ясности относительно того, каким образом функционирует, как организует политическое пространство эта новая «либеральная», «неформальная» и т.п. империя³⁹⁰.

В узком смысле империя – это правление, характеризующееся господством одного политического сообщества над другими, это возможность оказывать регулятивное воздействие на поведение подчиненных сообществ во внешнем мире и одновременно способ-

³⁹⁰ The New American Empire / L.G. Gardner and M.B. Young (eds.). New York – London, 2005; *Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire*. New York, 2004; *Odom W.E., Dujarric R. America's Inadvertent Empire*. New Haven – London, 2004.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

ность обеспечить минимально приемлемые формы политического поведения внутри границ подчиненных государственных образований³⁹¹. Просто влиятельная и мощная мировая держава осуществляет лишь первое. И только империя вторгается внутрь границ подчиненных сообществ, используя при необходимости не просто влияние, но всю полноту своей власти, подкрепленной силой.

Американская империя на протяжении всей своей истории носила неформальный характер. «Мы предпочитаем открытый доступ и влияние владению. Наша империя неформальна, поскольку включает в свой состав не сателлитов и владения, а номинально равные государства»³⁹². Пожалуй, единственный всплеск наиболее brutального американского империализма приходится на 1898 г. и начало XX века. Во всех прочих случаях неформальная американская империя расширяла свои пределы практически с согласия подключаемой к империи периферии. Так, в частности, после Второй мировой войны страны Западной Европы довольно быстро перешли на положение клиентов и даже почти доминионов США, поскольку Соединенные Штаты выступили их реальным протектором и мотором экономического возрождения. Тем самым был заложен фундамент для формирования особой американской «империи по приглашению», империи с менее выраженной иерархией, гораздо более плюралистичной, нежели какая-либо иная в истории.

Подобное положение вещей напрямую связано с тем обстоятельством, что американской политической элитой предпочтительно традиционно отдается неформальным методам доминирования. В современных условиях – это использование таких институтов, как НАТО, МВФ и Мировой банк, эксплуатация потенциала ТНК и т.д. И все чаще в исследованиях западных авторов фигурирует определение США как «сетевой империи», оказывающей точечные воздействия на наиболее чувствительные узлы мировой политики и мировой экономики и этим самым достигающей высокой степени контроля за ситуацией в мире в целом. Очевидно, что американцы предпочитают методы непрямого, косвенного правления политическими сообществами, входящими в сферу их влияния. Управление осуществляется посредством институтов и процедур, схожих с американскими, и потому легко поддающимся манипуляции со стороны США просто в силу того обстоятельства, что Соединенные Штаты уже давно и успешно освоили соответствующие политические технологии.

³⁹¹ *Rosen S.P.* An Empire, if you can keep it // *The National Interest*. 2003. № 71. P. 51.

³⁹² *Bacevich A.J.* New Rome, New Jerusalem // *The Imperial Tense*. Prospects and problems of American Empire. Chicago, 2003. P. 94.

Часть III. Имперский миропорядок

Pax Romana был воплощением римских добродетелей (*virtus*) и одновременно антитезой варварского состояния всеобщей войны всех против всех. Что же представляет собой «мир по-американски»? На этот счет не существует единого мнения. По-видимому, его и не может существовать. С одной стороны, американская империя структурирует политическое пространство, формирует новое правовое поле, в рамках которого развиваются международные отношения, создает новые возможности для глобализационных процессов в самых разных областях человеческой деятельности – от экономики до культуры. Но, с другой стороны, «мир по-американски», как ни банально это прозвучит, является действительно *Pax Americana* (американским миром), то есть упорядоченным миром, в котором доминируют американские ценности, институты и контролируемые Соединенными Штатами процессы. Это мир, увековечивающий статус США как неформальной мировой империи и легитимирующий тоже во многом неформальное подразделение на несколько иерархически и концентрически организованных уровней соподчиненности имперскому центру всех прочих субъектов мировой политики.

На пути построения или укрепления (в зависимости от точки зрения авторов) американского имперского порядка США неизбежно столкнутся и уже сталкиваются с целым рядом проблем. Например, с проблемами управления, скорости реакции на происходящие события. Американская империя – это империя без императора. Полномочия президента США существенно ограничены конституционным образом даже во внешнеполитической сфере и сбалансированы Конгрессом и Сенатом. Хотя идея империи и пользуется ныне поддержкой в США, но неясно насколько стабильна эта поддержка.

Во-вторых, любая империя немыслима без особого чувства миссии и широчайшего распространения идеологии мессианизма. Демократический мессианизм официального Вашингтона, безусловно, впечатляет. То обстоятельство, что большинство американцев разделяет представления элиты о ценности свободы и демократии, несомненно, играет на руку сторонникам «империи свободы» (выражение Т. Джефферсона). Однако американцы отнюдь не исповедуют настроений героической жертвенности. Они хотят быть бенефициантами имперской политики и вовсе не преисполнены идеями цивилизаторского бремени или особой глобальной ответственности. И если империя потребует для своего утверждения и поддержания слишком больших жертв, неясно, насколько прочной окажется ее поддержка со стороны граждан. 90-е годы прошлого века были периодом создания относительно «дешевой» и рационально управляемой в интересах США мировой империи. 11 сентября 2001 г. этому был положен конец.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

Принципы свободы и прав человека, исповедуемые ныне американцами, могут стать еще одним препятствием для становящейся мировой империи. Причем не столько в смысле внутренней оппозиции американцев имперскому курсу, сколько с точки зрения сопротивления извне. Ведь осуществление прав и свобод на деле приводит к релятивизации представлений о таких основополагающих и «неизменных» с традиционной точки зрения институтов, как гендер, сексуальность, идентичность, брак, семья и т.д. В современных Соединенных Штатах все эти представления находятся под вопросом, активно пересматриваются и выступают предметом дискуссий именно для того, чтобы соответствовать «современным требованиям свободы». Вовне США все это способно провоцировать новые и новые культурные противостояния и подогревать антиамериканские настроения, потенцируя затяжные конфликты на периферии.

«Силовой разрыв» приводит к возникновению еще одного «парадокса империи свободы». США настолько опережают в военной сфере все прочие державы, что в принципе не слишком нуждаются в эффективной поддержке своих военных усилий в различных регионах мира. В результате ясный посыл современной американской внешней политики можно переформулировать вполне в рамсфелдовском духе: «Мы сделаем это с вами или без вас». Свобода для всех прочих участников международных отношений становится лишь своего рода «позитивной» свободой – от них ожидают только положительного ответа на вопрос о поддержке усилий или действий Вашингтона. Иными словами, вы свободны соглашаться, но не свободны не соглашаться. На самом деле это, разумеется, не что иное, как старый парадокс имперского принудительного выбора: свободы делать выбор, но лишь при условии, что это «правильный» выбор.

Строго говоря, в идеале империя – это упорядоченное пространство закона, социальный космос, составляющий собой диалектическую противоположность хаосу и произволу гоббсиански-анархичных международных отношений. Неслучайно идеалом, классикой имперостроительства по сей день остается Римская империя, объединившая под своим началом весь средиземноморский регион, обеспечившая распространение римского права, построенная на понятных всем и универсализированных (в пределах империи и ее ближайшей периферии) принципах справедливости.

Между тем в мире распространены довольно серьезные сомнения относительно способности и желания США как ядра новой мировой империи руководствоваться в своей политике некими универсальными принципами. «Проблема сегодняшних Соединенных Штатов состоит не в том, что они представляют собой новую глобальную Империю, а в том, что они таковой не являются, то есть,

Часть III. Имперский миропорядок

хотя они и претендуют на то, чтобы быть ею, они по-прежнему продолжают действовать как национальное государство, безжалостно преследующее собственные интересы. Все выглядит так, словно руководящим принципом нынешней политики Соединенных Штатов стала причудливая инверсия известного лозунга экологов: действуй глобально, думай локально»³⁹³. Вашингтоном довольно последовательно отвергается в последнее время логика международного права. Само международное право *ad hoc* приспособляется к нуждам и потребностям США. Для осуществления тех или иных операций, включая военные интервенции, Соединенным Штатам фактически не требуется никакой санкции даже со стороны союзников.

Структурной чертой всех империй является способность без колебаний использовать силу для достижения собственных целей. США фактически обладают такой способностью. Есть только один фактор, который может более или менее существенно повлиять на нее – обладание ядерным оружием и средствами доставки. Одного подозрения на наличие ядерного оружия в руках тех или иных режимов, способных проявить волю к его применению против новой империи, уже достаточно для нейтрализации колоссального превосходства США над любым из потенциальных противников и даже их коалицией в области обычных вооружений.

И, наконец, американская империя как бы сама полагает себе пределы. Она продвигает, или, во всяком случае, прокламирует продвижение демократии во всем мире. А это, безусловно, противоречит тенденциям к установлению новой имперской иерархии и ничем неограниченному использованию силы.

Империя – это наднациональная сила, опирающаяся на право. Однако в нашем мире национальной субъектности (по крайней мере – с точки зрения примордиалистов), когда «власть заявляет о себе как о наднациональной силе, она выглядит лишенной какой-либо реальной опоры...». Более того, в глубоком философском смысле «фрустрации и постоянная нестабильность, от которых страдает имперское право, пытаясь разрушить старые ценности, служившие точками опоры для международного публичного права (национальные государства, вестфальская модель мира, ООН и т.д.), вместе с так называемой турбулентностью, сопутствующей этому процессу, оказываются признаками собственно *онтологического изъяна, онтологической неполноты*»³⁹⁴.

Империя – это всегда попытка осуществления достаточно жесткого контроля. Контроля в сферах политики, управления, безо-

³⁹³ Жижек С. Ирак: история про чайник. М., 2004. С. 32.

³⁹⁴ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 70.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

пасности. Кстати говоря, тактика обороны на передовых рубежах, «превентивных» действий по периметру границ является вполне обычной для империй по крайней мере со времен древнего Китая и древнего Рима. Мифы достижения безопасности через расширение сферы территориального контроля и в еще большей степени через «превентивные» акции завораживающе действуют и на сегодняшних имперских стратегов³⁹⁵. Однако новая американская империя идет дальше. Она опирается на моральное наследие 11 сентября и основывается на каком-то параноидальном утверждении логики полного контроля над *будущими угрозами*, оправдывающей превентивные меры воздействия (включая военные) на любого потенциального источника этих угроз.

Таким образом, в политике США действительно проявляется все больше имперских черт, наиболее очевидной из которых является опора на грубую силу. Собственно принцип превентивной обороны фактически утверждает право США наносить удары или оккупировать любое государство в мире, если оно по тем или иным причинам начинает рассматриваться как потенциально опасное. Неслучайно во многих странах именно этот принцип интерпретируется как одно из наиболее ярких проявлений имперской политики. Активное использование силы и угрозы силой для свержения тех или иных неугодных режимов, для «принуждения к диалогу» и т.д. все больше атрибутируется как проявление имперского начала во внешней политике США.

Так что же такое современные Соединенные Штаты – новый глобальный лидер или глобальная, либеральная, какая-то иная империя? Здесь, пожалуй, имеет смысл обратиться к структурным факторам мировой политики и вспомнить, что до сегодняшнего дня система международных отношений неизменно рассматривалась в качестве «анархичной» системы. Ответ на вопрос об имперской или не имперской сущности политики США во много связан с ответом на вопрос о том, способны ли Соединенные Штаты выступить в роли некоего верховного арбитра в рамках этой системы. Если да, то это способно будет придать системе в целом совершенно новое качество и использование термина «мировая империя» уже не покажется столь неуместным.

Борьба за наличие принудительной власти в рамках системы международных отношений действительно придает системе новое качество. Стремясь выйти за пределы существующих ограничений и преодолеть «турбулентность» в международных отношениях,

---

³⁹⁵ См. об этом: *Snyder J. Imperial Temptations // The National Interest. 2003. № 71. P. 29-40.*

Часть III. Имперский миропорядок

теоретики и практики глубокой ревизии Вестфальской системы от создания управляемой глобальной инфраструктуры международных отношений перешли к некоему глобальному имперостроительству, потенцирующему новые и существенно обостряющему существующие международные противоречия и конфликты. Причем далеко не факт, что этот потенциальный *imperium mundi* в перспективе сможет превратиться в подобие действительно свободного *communitas communitatum* (сообщество сообществ).

Думается, однако, что на сегодняшний день мы имеем дело только с первыми шагами на пути создания американской «мировой империи». Влияние США на экономические, политические, культурные и иные аспекты существования современного мира огромно. Но это влияние все-таки еще не стало *властью*. Оно остается глубоко избирательным и не обеспечено пока во всех случаях легитимными санкциями. Для поддержания империи требуются ресурсы, готовность идти на жертвы, мессианизм и т.п. Парадокс состоит в том, что, по мнению ряда аналитиков, США ныне на самом деле в сравнительном отношении менее могущественны, чем, скажем, «20 лет назад – по сравнению с Европой и Китаем, превратившимися в более серьезных экономических акторов, или по сравнению с периодом сразу после окончания Второй мировой войны, когда ими контролировалось до 70% мировых финансовых ресурсов»³⁹⁶. Даже апологеты нового мирового империализма вынуждены признавать, что современные США попросту не готовы нести бремя империи. Более того, уже сейчас выступая по многим параметрам мощи совершенно беспрецедентной империей в мировой истории (и первой потенциально действительно глобальной империей), Соединенные Штаты испытывают острый дефицит силы, энергии для того, чтобы экспортировать капитал, культуру, людей в наиболее отсталые регионы мира, остро нуждающиеся в подобном позитивном имперском вмешательстве. В результате возникает проблема лимеса, границы потенциальной империи, которая неизбежно оставляет за своими пределами целые регионы мира, становящиеся изолятами в рамках процесса глобализации и лишаящиеся каких-либо перспектив по легальному инкорпорированию в

³⁹⁶ Cox M. Empire by denial: The strange case of the United States // International Affairs. 2005. Vol. 81. № 1. P. 25. О неизбежности сокращения возможностей США в перспективе см. также: Todd E. Apres l'empire: essai sur la decomposition du systeme americain. Paris, 2002; Kupchan Ch. A. The End of the American Era. New York, 2002; Mann M. The Incoherent Empire. London, 2004; Smit Ch. R. America and World Order. Cambridge, 2003; Buzan B. The United States and the Great Powers. Cambridge, 2004.

Глава 8. США – новая империя или глобальный лидер?

структуры империи. Игнорирование их потребностей, неспособность предложить внятной альтернативы и инклюзивной стратегии создают опасность возникновения нового «варваризованного» политического пространства (стигматизированного как пространство государств-изгоев или иным образом) и новых глобальных по своим масштабам конфликтов еще до формирования и институционализации механизмов собственно глобального регулирования.

Таким образом, современные Соединенные Штаты едва ли можно в полном смысле этого слова назвать империей. И тем более «мировой империей». Однако выстраивающийся при активном содействии США миропорядок вполне может быть охарактеризован как *«имперский»*. Основанием для использования такого определения способно стать косвенное и прямое сходство многих его черт и структуры с внутренней организацией империй прошлого. Речь идет о существовании центра (метрополии) и периферии; развитии единого экономического пространства; наличии глобальной иерархии государств и регионов мира, основанной ныне на экономическом, научно-технологическом, военно-политическом превосходстве государств ядра системы над странами периферии; использовании США и их союзниками военно-силовых методов утверждения новых правил игры на мировой арене и обеспечения управляемости всей международно-политической системы. Было бы большим преувеличением преподносить формирование такого миропорядка в качестве свершившегося факта. Однако нельзя не признать, что тенденции к его развитию становятся в последние годы все более очевидными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н а протяжении многих столетий имперская форма организации оставалась доминирующей в системе международных отношений. Империи древности и средневековья выступали основными игроками на политической сцене своего времени, определяя правила игры на международной арене и сосредоточивая под своим контролем колоссальные властные и материальные ресурсы. Империи XVIII–XX веков выступали наиболее влиятельными субъектами мировой политики в эпоху расцвета наций-государств. Сверхдержавы второй половины XX века тоже многое роднит с империями. Найдется ли место имперскому типу организации субъектов мировой политики новом веке, и каково будет это место? Насколько значима роль нынешнего мирового лидера или даже гегемона в формировании нового миропорядка XXI века? Превратится ли ныне развивающийся миропорядок в подобие глобальной империи? Этими и подобными вопросами задаются ныне десятки исследователей, публицистов, философов во всем мире. Имеющиеся ответы неоднозначны, суждения нередко противоречивы. Однако неоднозначность и противоречивость как раз и предопределяет направления дальнейшего научного поиска.

Авторы этой книги не претендуют на всестороннее и обобщающее исследование феномена империй, равно как и на исчерпывающее изучение тенденций эволюции мировой политики и всего комплекса проблем, связанных с развитием ее организационных форм на протяжении второй половины XIX – начала XXI веков. Подобное исследование потребовало бы усилий гораздо большего научного коллектива, а его результаты заняли бы несколько весьма объемистых томов. Задача, которую ставилась в начале работы, виделась авторам несколько иначе:

- во-первых, обозначить контуры процессов формирования глобальной политической системы и ее трансформации на протяжении последних полутора столетий;

- во-вторых, выявить некоторые особенно важные тенденции, события и явления, связанные с развитием структурных основ последовательно сменявших друг друга видов миропорядка;

- в-третьих, проанализировать влияние эволюции и смены системообразующих по отношению мировой политике субъектов на формирование и организацию той международно-политической среды, в которой они действовали;

– в-четвертых, показать взаимосвязи глобальных, международных и внутригосударственных политических процессов, а также их системный характер и взаимовлияние каждого из этих уровней организации мировой политики на всех этапах ее развития с середины XIX по начало XX века.

Необходимость сосредоточиться на этих четырех моментах, наряду с пониманием всей глубины и сложности заявленных проблем побудили избрать жанр очерков-глав. Вот почему каждая из частей этой работы может рассматриваться как вполне самостоятельный смысловой блок, посвященный эволюции одного из трех миропорядков, а каждая из глав – отдельным аспектам этих процессов, этапам их развития, наиболее важным событиям, субъектам и движущим силам. Именно диалектике субъективной и объективной составляющих процессов структурного оформления мировой политики в миропорядке империй, миропорядке сверхдержав и имперском миропорядке было уделено наибольшее внимание. При этом в центре анализа оказались субъекты, доминировавшие в каждом из трех миропорядков (империи, сверхдержавы, глобальный гегемон), и та система международных отношений, которая формировалась на основе их взаимодействия. В тоже время выявлялся системный характер всех проанализированных явлений, их многочисленные связи друг с другом, а также с глобальными политическими трансформациями. Это позволяет надеяться, что все составляющие работы дополняют друг друга и вместе образуют концептуальную целостность.

Как и большинство других исследований мировой политики и международных отношений, настоящая работа носит междисциплинарный характер. Она сочетает в себе постановку проблем, подходы и стилистику изложения, характерные как для исторической, так и для политической науки, а также системно-исторического направления теории международных отношений.

Конечно же, заявленный круг вопросов далеко не исчерпывается теми сюжетами, которые получили освещение в книге, поэтому одной из основных целей этой работы стало выявление нового проблемного поля для дальнейших исследований эволюции и смены миропорядков и доминировавших в них субъектов. Авторы искренне надеются на то, что выдвинутые концепции и гипотезы станут предметом для дискуссий.

Авторский коллектив выражает свою искреннюю признательность и благодарность А.Д. Богатурову за неизменную поддержку проекта и за те идеи, которые были выдвинуты им в ходе предварительных обсуждений материалов книги.

Сведения об авторах

Войтоловский Федор Генрихович – кандидат политических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Гиголаев Герман Ефимович – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Гудев Павел Александрович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Зотов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара

Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Казанского государственного университета

Соловьев Эдуард Геннадиевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Научно-образовательный форум по международным отношениям – неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996-1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума
Алексей Богатуров

С 1996 года Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал 13 монографий и сборников, среди которых:

Системная история международных отношений. 1918-2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.) и том II (274 с.). М.: Московский рабочий, 2000; том 3 (720 с.). М.: НОФМО, 2003; том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2004.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

М.А. Троицкий. Трансатлантический союз. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. 252 с.

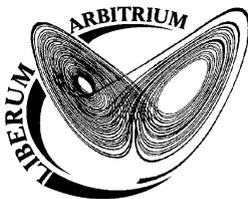
А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., д. 9, строение 7, офис 16

Телефон: (095) 790 73 94, факс: (095) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор

д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*,

заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«*Международные процессы*» – первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макартуров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала «Международные процессы» по каталогу агентства «Роспечать» за 1 полугодие 2006 г. – 46768

<http://www.intertrends.ru>

International Trends

Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by *Alexei D. Bogaturov*, Institute of International Security Studies,
Russian Academy of Sciences

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

"International Trends" welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 40,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published three times a year by the Academic Educational Forum on International Relations with financial support from the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

От миропорядка империй к имперскому миропорядку

Научное издание

Лицензия № 05681

Подписано в печать 12.08.2005. Формат 60x90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,75.
Тираж 350 экз. Заказ 000. Распространяется бесплатно.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5

От миропорядка империй к имперскому миропорядку

Научное издание

Лицензия № 05681

Подписано в печать ???.?.2005. Формат 60х90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,75.
Тираж 350 экз. Заказ 000. Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5

